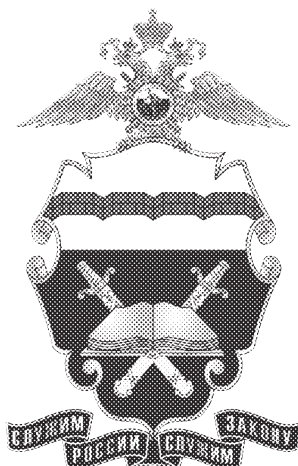

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>

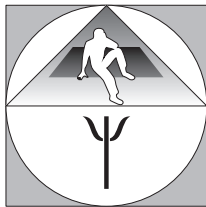

Научно-практический журнал

**Психопедагогика
в правоохранительных органах
Том 31
№ 1(104) январь – март 2026 г.**

Scientific practical journal

**Psychopedagogy in Law Enforcement
Volume 31
No 1(104) January – March 2026**

ПСИХОПЕДАГОГИКА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ 2026. Том 31, № 1(104)

Издается с мая 1995 г. Выходит четыре раза в год

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>

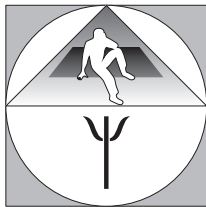
Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям и соответствующим им отраслям наук: психологические науки, педагогические науки, юридические науки

Редакционная коллегия

Г. Д. Бабушкин, д-р пед. наук, проф. (Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, Омск) — *заместитель главного редактора*
М. И. Марьин, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет) — *заместитель главного редактора*
В. Л. Цветков, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя) — *заместитель главного редактора*
В. А. Адольф, д-р пед. наук, проф. (Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева)
В. Н. Александровская, д-р филос. наук, д-р психол. наук, проф. (Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького)
И. Ф. Андрущишин, д-р пед. наук, проф. (Казахская академия спорта и туризма, Алматы)
Л. Н. Антилогова, д-р психол. наук, проф. (Омский государственный педагогический университет)
Н. В. Астафьев, д-р пед. наук, проф. (Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России)
А. В. Булгаков, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
В. В. Вахнина, д-р психол. наук, проф. (Университет прокуратуры РФ, Москва)
И. В. Вачков, д-р психол. наук, проф. (Московский институт психоанализа)
И. А. Ветренко, д-р полит. наук, проф. (Северо-Западный институт РАНХиГС, Санкт-Петербург)
И. А. Вишняков, д-р психол. наук, проф. (Омский государственный педагогический университет)
А. В. Глазков, д-р психол. наук, проф. (Иркутский государственный университет)
М. А. Ерофеева, д-р пед. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
С. Ю. Жданова, д-р психол. наук, проф. (Пермский государственный национальный исследовательский университет)
Э. В. Зауторова, д-р пед. наук, проф. (Вологодский институт права и экономики ФСИН России)
В. О. Зверев, д-р ист. наук, доц. (Санкт-Петербургский университет МВД России)
Э. Р. Исаков, д-р мед. наук, проф. (Башкирский государственный медицинский университет, Уфа)
Т. Н. Кильмашкина, д-р юрид. наук, проф. (Государственный университет просвещения, Москва)
М. П. Клеймёнов, д-р юрид. наук, проф. (Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского)
В. И. Коваленко, д-р пед. наук, проф. (Белгородский государственный институт искусств и культуры)
В. В. Кожевников, д-р юрид. наук, проф. (Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского)
В. Н. Коновалов, д-р пед. наук, проф. (Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, Омск)
И. О. Котенев, канд. психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет)
О. М. Краснорядцева, д-р психол. наук, проф. (Томский государственный университет)
В. Б. Куликов, д-р филос. наук, проф. (Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург)
И. Б. Лебедев, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
А. В. Литвинов, канд. техн. наук, доц. (Омская академия МВД России)
Е. И. Мещерякова, д-р пед. наук, проф. (Военно-воздушная академия им. проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина, Воронеж)
Н. А. Минжанов, д-р пед. наук, проф. (Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза, Республика Казахстан)
Е. А. Науменко, д-р психол. наук, проф. (Ургенчский государственный университет, Республика Узбекистан)
А. А. Нечепуренко, д-р юрид. наук, проф. (Омская академия МВД России)
В. Е. Петров, канд. психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет)
О. Л. Подлинный, д-р пед. наук, проф. (Иркутский государственный университет)
Д. С. Рудьман, канд. юрид. наук, доц. (Омская академия МВД России)
Н. Н. Савина, д-р пед. наук, проф. (Новосибирский государственный университет)
Н. В. Сердюк, д-р пед. наук, проф. (Академия управления МВД России, Москва)
А. Н. Сухов, д-р психол. наук, проф. (Академия ФСИН России, Рязань)
А. Ю. Федотов, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
Н. В. Ходякова, д-р пед. наук, проф. (Академия управления МВД России, Москва)

Н. В. Чекалева, д-р пед. наук, проф. (Омский государственный педагогический университет)
Е. В. Черный, д-р психол. наук, проф. (Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь)
Д. В. Четвериков, д-р психол. наук (Клиническая психиатрическая больница им. Н. Н. Солодниковой, Омск)
А. С. Шаров, д-р психол. наук, проф. (Омский государственный педагогический университет)
В. М. Ялтонский, д-р мед. наук, проф. (Московский государственный медико-стоматологический университет им. А. И. Евдокимова)
М. С. Яницкий, д-р психол. наук, проф. (Кемеровский государственный университет)
Редакционный совет
В. Л. Кубышко, канд. пед. наук (МВД России, Москва) — *председатель редакционного совета*
В. М. Крук, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана) — *заместитель председателя редакционного совета*
А. Г. Абдуллин, д-р психол. наук, проф. (Южно-Уральский государственный университет, Челябинск)
М. В. Бавсун, д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербургский университет МВД России)
Т. Ю. Базаров, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)
Б. Б. Булатов, д-р юрид. наук, проф. (Омская академия МВД России)
С. К. Буряков, канд. полит. наук (Омская академия МВД России)
Б. А. Вяткин, д-р психол. наук, проф. (Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)
И. В. Гайдмашко, д-р психол. наук, проф. (ФНЦ психологических и междисциплинарных исследований, Москва)
О. П. Грибунов, д-р юрид. наук, проф. (Байкальский государственный университет, Иркутск)
В. А. Гусев, д-р юрид. наук, проф. (Омская академия МВД России)
Б. Ю. Дерешко, канд. юрид. наук, доц. (Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва)
В. Ф. Енгальцев, д-р психол. наук, проф. (Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского)
Ф. К. Зиннуров, д-р пед. наук, проф. (Казанский юридический институт МВД России)
А. Г. Караяни, д-р психол. наук, проф. (Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии РФ)
А. Г. Маклаков, д-р психол. наук, проф. (Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург)
С. Б. Малых, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет)
А. Н. Пастушеня, д-р психол. наук, проф. (Академия МВД Республики Беларусь, Минск)
В. М. Поздняков, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет)
А. А. Реан, д-р пед. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
В. Ю. Рыбников, д-р психол. наук, д-р мед. наук, проф. (Всероссийский центр экстренной и радиационной медицины им. А. М. Никифорова МЧС России, Санкт-Петербург)
В. Л. Ситников, д-р психол. наук, проф. (Санкт-Петербургский университет МВД России)
О. А. Ульянина, д-р психол. наук, доц. (ФНЦ по обеспечению развития психолого-педагогической помощи в системе образования, Москва)
Р. Х. Усманов, д-р полит. наук, проф. (Астраханский государственный университет)
С. Н. Федотов, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
Б. А. Федулов, д-р пед. наук, проф. (Барнаульский юридический институт МВД России)
Ю. А. Шаранов, д-р психол. наук, проф. (Санкт-Петербургский университет МВД России)

Учредитель издания: федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Омская орден Почета академия Министерства внутренних дел Российской Федерации». Главный редактор **А. Ф. Караваев**. Редактирование, корректура **М. В. Виноградовой**. Компьютерная правка и верстка **М. Ю. Чалковой**. Перевод, корректура **Ю. И. Алферовой**. Адрес издателя, редакции и отделения полиграфической и оперативной печати (типографии): Россия, 644092, г. Омск, пр-кт Комарова, 7, ОМА МВД России. Тел.: +7-913-971-80-28, факс: +7(3812)750-560. E-mail: karavaevmvd@mail.ru, <https://pp.omamvd.ru>, <https://ppe.omamvd.ru>. Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Реестровая запись ПИ № ФС 77-74589 от 24 декабря 2018 г. Выход в свет: 30.03.2026. Тираж 120 экз. Уч.-изд. л. 15,2. Усл. печ. л. 14,4. Заказ № 103. Бесплатно. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. © Омская академия МВД России, 2026

PSYCHOPEDAGOGY IN LAW ENFORCEMENT

Volume 31, No 1(104). 2026

Has been published quarterly since May 1995

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>

The journal is included into the list of peer-reviewed scientific periodicals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation for the publication of main results of PhD and doctoral theses on the following sciences: juridical sciences, psychological sciences, pedagogical sciences

Editor-in-chief Aleksandr F. Karavaev — Honored Worker of Higher School of the Russian Federation (Omsk, Russia)

The Editorial Board

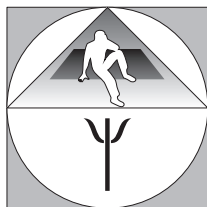
G. D. Babushkin, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor — *Assistant chief editor* (Omsk, Russia)
M. I. Mar'in, Doctor of Science (in Psychology), Professor — *Assistant chief editor* (Moscow, Russia)
V. L. Tsvetkov, Doctor of Science (in Psychology), Professor — *Assistant chief editor* (Moscow, Russia)
V. A. Adolf, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Krasnoyarsk, Russia)
V. N. Alexandrovskaya, Doctor of Science (in Philosophy), Doctor of Science (in Psychology), Professor (Donetsk, Russia)
I. F. Andrushchishin, Doctor of Science (Pedagogy), Professor (Almaty, the Republic of Kazakhstan)
L. N. Antilogova, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Omsk, Russia)
N. V. Astafiev, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Tyumen, Russia)
A. V. Bulgakov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
V. V. Vahnina, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
I. V. Vachkov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
I. A. Vetrenko, Doctor of Science (in Political), Professor (St. Petersburg, Russia)
I. A. Vishnyakov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Omsk, Russia)
A. V. Glazkov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Irkutsk, Russia)
M. A. Yerofeyeva, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Moscow, Russia)
S. Y. Zhdanova, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Perm, Russia)
E. V. Zautorova, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Vologda, Russia)
O. V. Zverev, Doctor of Science (in History), Associate-professor (St. Petersburg, Russia)
E. R. Iskhakov, Doctor of Science (in Medicine), Professor (Ufa, Russia)
T. N. Kil'mashkina, Doctor of Science (in Law), Professor (Moscow, Russia)
M. P. Kleymenov, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)
V. I. Kovalenko, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Belgorod, Russia)
V. V. Kozhevnikov, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)
V. N. Konovalov, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Omsk, Russia)
I. O. Kotenev, Candidate of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
O. M. Krasnoryadtseva, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Tomsk, Russia)
V. B. Kulikov, Doctor of Philosophy, Professor (Yekaterinburg, Russia)
I. B. Lebedev, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
A. V. Litvinov, Candidate of Science (in Technical), Associate-professor (Omsk, Russia)
E. I. Mescheryakova, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Voronezh, Russia)
N. A. Minzhanov, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Karaganda, the Republic of Kazakhstan)
E. A. Naumenko, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Urgench, the Republic of Uzbekistan)
A. A. Nechepurenko, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)
V. Ye. Petrov, Candidate of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
O. L. Podlinyaev, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Irkutsk, Russia)
D. S. Rudman, Candidate of Science (in Law), Associate-professor (Omsk, Russia)
N. N. Savina, Doctor of Science (in Pedagogy), Associate-professor (Novosibirsk, Russia)
N. V. Serdyuk, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Moscow, Russia)
A. N. Sukhov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Ryazan, Russia)
A. Yu. Fedotov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)

N. V. Khodyakova, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Moscow, Russia)
N. V. Chekaleva, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Omsk, Russia)
E. V. Cherniy, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Simferopol, Russia)
D. V. Chetveryakov, Doctor of Science (in Psychology) (Omsk, Russia)
A. S. Sharov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Omsk, Russia)
V. M. Yaltonsky, Doctor of Science (in Medicine), Professor (Moscow, Russia)
M. S. Yanitsky, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Kemerovo, Russia)

The Editorial Council

V. L. Kubyshko, Candidate of Science (in Pedagogical) — *chairman of the editorial council* (Moscow, Russia)
V. M. Kruk, Doctor of Science (in Psychology), Professor — *Assistant chairman of the editorial council* (Moscow, Russia)
A. G. Abdullin, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Chelyabinsk, Russia)
M. V. Bavsun, Doctor of Science (in Law), Professor (St. Petersburg, Russia)
T. Yu. Bazarov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
B. B. Bulatov, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)
S. K. Buryakov, Candidate of Science (in Political) (Omsk, Russia)
B. A. Vyatkin, Doctor of Science (in Psychology), Professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russia)
I. V. Gaydamashko, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
O. P. Gribunov, Doctor of Science (in Law), Professor (Irkutsk, Russia)
V. A. Gusev, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)
B. Yu. Dereshko, Candidate of Science (in Law), Associate-professor (Moscow, Russia)
V. F. Engalychev, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Kaluga, Russia)
F. K. Zinnurov, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Kazan, Russia)
A. G. Karayani, Doctor of Science (in Psychology), Professor, corresponding member of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)
A. G. Makiakov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (St. Petersburg, Russia)
S. B. Malykh, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
A. N. Pastushenya, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Minsk, the Republic of Belarus)
V. M. Pozdnyakov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
A. A. Rean, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Moscow, Russia)
V. Yu. Rybnikov, Doctor of Science (in Psychology), Professor, Doctor of Medical Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia)
V. I. Sitnikov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (St. Petersburg, Russia)
O. A. Ulyanina, Doctor of Science (in Psychology), Associate-professor (Moscow, Russia)
R. Kh. Usmanov, Doctor of Political Science, Professor (Astrakhan, Russia)
S. N. Fedotov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
B. A. Fedulov, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Barnaul, Russia)
Yu. A. Sharanov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (St. Petersburg, Russia)

Founder Federal State Public Institution of Higher Education «Omsk Order of Honor Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation». Editor-in-chief Karavaev A. F. Editor and Proofreading Vinogradova M. V. Desktop publishing Chalkova M. Yu. Translation and Proofreading Alferova Yu. I. Publisher, editorial office, graphic arts and express printing group address (printing house): Russia, 644092, Omsk, pr-kt Komarova, 7, Omsk Academy of the Russian MIA. Tel.: +7-913-971-80-28, fax: +7(3812)750-560. E-mail: karavaevmvd@mail.ru. <https://pp.omamvd.ru>, <https://ppe.omamvd.ru>. Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration entry PI No FS 77-74589 dated December 24, 2018. Issued: 30.03.2026. Circulation: 120. Published sheets 15,2. Conventional printed sheets: 14,4. Order No 103. Free of charge. Any use of publication's materials is possible only with reference to the journal. © Omsk Academy of the Russian MIA, 2026

ПСИХОПЕДАГОГИКА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ 2026. Том 31, № 1(104)

Издается с мая 1995 г. Выходит четыре раза в год

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ, ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА, БЕЗОПАСНОСТЬ И НАДЕЖНОСТЬ

Духновский С. В., Шелепина Э. К.

Выраженность самодеструктивного поведения у сотрудников органов внутренних дел с разным уровнем утомленности 6

Власов А. Э., Злоказов К. В. Разработка и операционализация конструкта опросника «Мотивация к прохождению службы в органах внутренних дел» 12

Терехин Р. А., Прокофьева В. А., Белюшина И. В. Особенности формирования психологической готовности к действиям в условиях террористической угрозы 21

Ворожейкин С. А. Социально-психологические факторы радикализации сознания российской молодежи 28

Ахмадеева Е. В., Тулитбаева Г. Ф. Взаимосвязь глубинных убеждений и копинг-стратегий сотрудников органов внутренних дел 35

Селин Б. Н. Поликультурная среда деятельности полицейских: состав, особенности, факторы (на примере участков уполномоченных полиции) 42

Цимбал А. С. Характерологические особенности сотрудников органов внутренних дел с разным уровнем информационно-психологической уязвимости 49

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Абдуллин А. Г., Тумбасова Е. Р.

Индивидуально-психологические особенности и копинг-стратегии педагогов 56

Зауторова Э. В. Особенности переживания страхов осужденными к длительным срокам лишения свободы 63

Аксютин З. А. Доверие как категория социальной психологии 69

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА. ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ, ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

Скляренко И. С., Исютина О. В. Социально-педагогический портрет подростка-мигранта как фактор педагогической профилактики асоциального поведения: междисциплинарный анализ 75

Ходякова Н. В., Ходяков Д. А. Проблематика образовательной среды в отечественных научно-педагогических исследованиях: краткий обзор (2020–2025) и перспективы научного поиска. 85

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА СПОРТА, ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ И ОЗДОРОВИТЕЛЬНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Бабушкин Г. Д., Бобровский В. А., Бобровский А. В., Бугай М. В. Реагирующая способность в структуре психологической подготовленности спортсмена 91

Арпентьева М. Р., Доровских И. Г., Владимиров Н. М. Функции современной адаптивной физической культуры в инклюзивном образовании 98

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

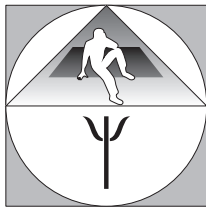
ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Никულченкова Е. В. Киберэкстремизм: психолого-правовой анализ 104

Козловский П. В. Использование искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве: шаг вперед или возврат к следственному процессу? 111

Кожевников В. В. Интуиция и ее значение в правоохранительной сфере 119

Информация для авторов

PSYCHOPEDAGOGY IN LAW ENFORCEMENT

Volume 31, No 1(104). 2026

Has been published quarterly since May 1995

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>

CONTENTS

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

MORALLY-PSYCHOLOGICAL, PROFESSIONAL TRAINING, SECURITY AND RELIABILITY

Dukhnovsky S. V., Shelepina E. K. Intensity
of Self-Destructive Behavior in Internal Affairs'
Officers with Different Levels of Fatigue 6

Vlasov A. E., Zlokazov K. V. Development
and Operationalization of Questionnaire Construct
“Motivation to Serve in Internal Affairs’ bodies” 12

Terekhin R. A., Prokofieva V. A., Belyushina I. V.
Characteristics of Formation of Psychological
Readiness to Act in Conditions of Terrorist Threat ... 21

Vorozheikin S. A. Socio-Psychological Factors
of Russian Youth Consciousness’ Radicalization. 28

Akhmadeeva E. V., Tulitbaeva G. F.
The Relationship of Law Enforcement Officers’
Core Beliefs and Coping Strategies 35

Selin B. N. Multicultural Environment
of Police Officers’ Activities: Composition,
Characteristics, Factors (by the example
of District Police Officers)..... 42

Tsimbal A. S. Character Traits of Law Enforcement
Officers with Different Levels of Informational
and Psychological Vulnerability..... 49

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF PERSONALITY FORMATION AND DEVELOPMENT

Abdullin A. G., Tumbasova E. R. Teachers’
Individual Psychological Features
and Coping Strategies. 56

Zautorova E. V. Characteristics of Fears
experienced by Convicts Sentenced
to Long-Term Imprisonment. 63

Aksyutina Z. A. Trust as the Category
of Social Psychology 69

PEDAGOGICAL SCIENCES

GENERAL PEDAGOGY, THEORY AND METHODS OF PROFESSIONAL EDUCATION, LEARNING AND UPBRINGING

Sklyarenko I. S., Isyutina O. V. Socio-Pedagogical
Profile of a Migrant Juvenile as a Factor
of Pedagogical Prevention of Asocial Behavior:
Interdisciplinary Analysis 75

Khodyakova N. V., Khodyakov D. A. Problems
of Educational Environments in National Scientific
Pedagogical Studies: a Brief Review (2020–2025)
and Prospects of Scientific Search 85

THEORY AND METHODS OF SPORTS, PROFESSIONAL PHYSICAL TRAINING AND HEALTH IMPROVING PHYSICAL CULTURE

**Babushkin G. D., Bobrovsky V. A., Bobrovsky A. V.,
Bugai M. V.** Reaction Ability in the Structure
of Sportsman’s Psychological Readiness 91

Arpentieva M. R., Dorovskikh I. G., Vladimirov N. M.
Functions of Modern Adaptive Physical Culture
in Inclusive Education 98

JURIDICAL SCIENCES

GENERAL THEORETICAL AND BRANCH-RELATED ISSUES OF JURIDICAL SCIENCE AND PRACTICE

Nikulchenkova E. V. Cyber extremism:
Psychological and Legal Analysis..... 104

Kozlovsky P. V. Using Artificial Intelligence
in Criminal Proceedings: A Step Forward
or Returning to Investigation Process? 111

Kozhevnikov V. V. Intuition and its Meaning
in Law Enforcement 119

Information for authors. 125

Морально-психологическая, профессиональная подготовка, безопасность и надежность **Morally-psychological, professional training, security and reliability**

Научно-практическая статья
УДК 159.9 © Духновский С. В., Шелепина Э. К., 2026
doi: 10. 24412/1999-6241-2026-1104-6-11
5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Выраженность самодеструктивного поведения у сотрудников органов внутренних дел с разным уровнем утомленности

Сергей Витальевич Духновский, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры юридической психологии¹;
dukhnovskysv@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3118-9988>

Эллина Константиновна Шелепина, адъюнкт кафедры юридической психологии¹;
shelepinae@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0002-9904-1517>

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилутова, 1, Россия

Реферат. Введение. Утомленность как состояние сниженного тонуса, активности и работоспособности, обусловленное напряженностью деятельности, без своевременной профилактики и коррекции может приводить к развитию у сотрудников органов внутренних дел деструктивных тенденций, в том числе и самодеструктивного поведения. Цель — выявление связей утомленности с составляющими самодеструктивного поведения и различий в их выраженности у сотрудников органов внутренних дел с разным уровнем утомленности. **Материалы и методы.** Принял участие 121 сотрудник органов внутренних дел. Использовался комплекс психодиагностических методик: «Субъективная оценка уровня утомленности личности» (С. В. Духновский, Э. К. Шелепина) и опросник выявления компонентов самодеструктивности личности (А. В. Смирнов). **Результаты и обсуждение.** Составляющие самодеструктивного поведения у сотрудников органов внутренних дел с высоким, средним и низким уровнем утомленности находятся в пределах нормы, что говорит об отсутствии у них суицидального, деструктивного и аутодеструктивного поведения. Тем не менее в группе сотрудников органов внутренних дел с высоким уровнем утомленности наиболее выражены показатели депрессивного и тревожно-обсессивного компонентов самодеструктивного поведения; с умеренным уровнем утомленности — аффективный компонент самодеструктивности; с низким уровнем утомленности — экзальтации как компонента самодеструкции. **Выводы.** Существует связь утомленности с самодеструктивным поведением и его компонентами. Утомленность выступает фактором риска развития самодеструктивного поведения. Ее профилактика и коррекция будет условием, снижающим риск самодеструкции сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова: самодеструкция, утомленность, психическое состояние, тонус, активность, аффективность, тревожность, депрессивность

Для цитирования: Духновский С. В., Шелепина Э. К. Выраженность самодеструктивного поведения у сотрудников органов внутренних дел с разным уровнем утомленности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 1(104). С. 6–11. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-1104-6-11>

Scientific and Practical Article
UDC 159.9 © Dukhnovsky S. V., Shelepina E. K., 2026
doi: 10. 24412/1999-6241-2026-1104-6-11
5.3.9. Legal Psychology and Psychology of Security

Intensity of Self-Destructive Behavior in Internal Affairs' Officers with Different Levels of Fatigue

Sergey V. Dukhnovsky, Doctor of Science (in Psychology), Associate-Professor, Professor at the chair of Legal Psychology¹;
dukhnovskysv@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3118-9988>

Ellina K. Shelepina, post-graduate student at the chair of Legal Psychology¹;
shelepinae@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0002-9904-1517>

¹ the St. Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs, 1, Letchik Pilyutov st., St. Petersburg, 198206, Russia

Abstract. Introduction. Fatigue, as a state of reduced tone, activity and performance, due to the intensity of activity, in the absence of timely prevention and correction, can lead to the development of destructive tendencies in Internal Affairs' officers, including self-destructive behavior. The aim is to reveal connections between fatigue with components of self-destructive behavior and differ-

ences in their expression among Internal Affairs' officers with different levels of fatigue. **Materials and Methods.** 121 Internal Affairs' officers who had taken up refresher training at the St. Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs participated in the study. The following psycho-diagnostic methods were employed: "Subjective Assessment of the Level of Individual Fatigue" (S. V. Dukhnovsky, E. K. Shelepina) and questionnaire used to identify components of self-destruction of the person (A. V. Smirnov). **Results and Discussion.** Officers with a high level of fatigue have the most intensive depressive and anxiety-obsessive components of self-destructive behavior. Officers with a moderate level of fatigue have an affective component of self-destructiveness. Officers with a low level of fatigue are distinguished by the exaltation as a component of self-destruction. **Conclusions.** Fatigue is a risk factor of self-destructive behavior development. Its prevention and correction will be the condition of decreasing risk of self-destruction in Internal Affairs' officers.

Keywords: self-destruction, fatigue, psychic state, tonus, activity, affectivity, anxiety, depressiveness

Citation: Dukhnovsky S. V., Shelepina E. K. Intensity of Self-Destructive Behavior in Internal Affairs' Officers with Different Levels of Fatigue. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 1(104). Pp. 6–11 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-1104-6-11>

Основные положения

1. Утомленность сотрудников органов внутренних дел является фактором их самодеструктивного поведения. Вопросы самодеструктивного поведения в контексте изучения проблемы утомленности сотрудников органов внутренних дел нуждаются в дополнительном теоретическом и эмпирическом изучении, анализе и обобщении.

2. Эмпирическое исследование показало, что существует связь утомленности с компонентами саморазрушающего поведения субъектов служебной деятельности (аффективного, танатоманического, депрессивного, тревожно-обсессивного и экзальтации), а также имеются различия в выраженности данных компонентов у сотрудников органов внутренних дел с разным уровнем утомленности.

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Напряженность служебной деятельности, выступая мобилизирующим фактором ее субъекта, предполагает вовлечение его актуальных и резервных ресурсов (физических, интеллектуальных, эмоциональных), что приводит к их истощению и развитию состояния утомленности. Полагаем, что данное состояние, проявляющееся в сниженном тонусе активности и работоспособности, обусловленное напряженностью деятельности, без своевременной профилактики и коррекции приводит к развитию деструктивных тенденций у сотрудников органов внутренних дел (далее — ОВД), что может выражаться не только в профессиональных деструкциях, но и в самодеструктивном поведении личности.

Теоретические предпосылки и степень изученности проблемы. Проблема деструктивного поведения рассматривалась в исследованиях И. Г. Елесиной [1], К. В. Злоказова, С. С. Каппушева [2], А. В. Смирнова, Л. А. Максимовой [3] и др. Так, *деструктивное поведение* рассматривается как дезадаптивно направленный процесс взаимодействия личности со средой, опосредованный индивидуальными особенностями субъекта, имеющий форму внешних действий — поступков. В психологическом смысле деструктивное поведение характеризуется отклоняющимся от конвенциональных (общепринятых) норм ситуацион-

ными реакциями, психологическими состояниями, а также развитием личности, приводящим к дезадаптации в обществе [2]. В рамках психологии служебной деятельности К. В. Злоказовым описаны социально-отчужденный, социально-деструктивный, асоциально-деструктивный и асоциально-отчужденный типы деструктивного поведения сотрудников правоохранительных органов [4, с. 199].

Вопросы аутодеструктивного (самодеструктивного) поведения изучали Ю. Л. Балюшина [5], Е. А. Мышкина [6], А. И. Бутан [7] и др.

Так, Ю. Л. Балюшина отмечает, что самодеструктивным поведением будут являться «осознанные действия человека, ведущие его к гибели. Человек, совершая акт самодеструкции, не предполагает реального ухода из жизни, а лишь стремится удовлетворить сиюминутную потребность, такую как привлечение внимания, заполнение пустоты в душе, снятие стресса, избавление от тягостных чувств и переживаний» [5, с. 257–258]. Е. А. Мышкина описывает две группы аутодеструктивного поведения: 1) суицидальное поведение и 2) собственно аутодеструктивное поведение, которое может как быть осознанным, так и проявляться в виде неосознанных действий, которые не имеют цели лишения себя жизни, но ведут к физическому или психическому саморазрушению и самоуничтожению [6, с. 271].

Проблемы суицидального поведения как феномена самодеструкции личности в рамках психологии служебной деятельности рассматривала М. В. Иванова [8]. Особенности диагностики суицидального риска сотрудников описал В. Л. Линевиц [9]. Вопросы профилактики суицидального поведения исследовали Е. А. Кравцова, Э. В. Романович [10], В. Л. Линевиц [11], В. А. Табурца, В. М. Никифоров [12] и др.

Профессиональное утомление изучал В. А. Бодров [13], личностные деформации при развитии состояния хронического утомления исследовала О. Н. Родина [14], утомление как тоническое состояние риска описал Л. В. Куликов [15], признаки усталости и утомления, их причины и профилактику проанализировали А. Б. Хабибуллин, Е. А. Кочеткова [16], установили профессиональные факторы утомления

А. А. Хван, О. И. Гончарова [17], утомление как функциональное состояние определила А. Б. Леонова [18], личностные детерминанты утомленности выявила Э. К. Шелепина [19], копинг-стратегии при разном уровне утомленности рассмотрели С. В. Духновский, Э. К. Шелепина [20] и др. В зарубежных научных исследованиях изучались вопросы влияния утомления и рабочей нагрузки на деятельность сотрудников полиции (S. Senjo [21]), влияния утомления на профессиональную деятельность патрульной службы полиции (B. Vila, D. J. Kenney, G. B. Morrison, M. Reuland [22]), влияние стресса и утомления на отзывчивость сотрудников полиции (L. Норе [23]), возникновение и развитие утомления в профессиональной деятельности полиции (D. Fekedulegn, C. M. Burchfiel [24]) и др.

Несмотря на наличие исследований, вопросы самодеструктивного поведения в контексте изучения проблемы утомленности сотрудников ОВД нуждаются в дополнительном эмпирическом изучении, анализе и обобщении. В этом плане актуально выяснить, существует ли связь утомленности с самодеструктивным поведением сотрудников ОВД. Могут ли существовать различия в выраженности самодеструктивного поведения и его особенностей (компонентов) у сотрудников ОВД с разным уровнем утомленности? Поиск ответов на заявленные вопросы и послужил основной целью нашего исследования.

Под *утомленностью* будем понимать неблагоприятное психическое состояние субъекта трудовой деятельности, характеризующееся сниженным тонусом (уменьшением ресурса сил, отсутствием энергии, несобранностью, инертностью) и невысокой активностью (пассивным и пессимистичным отношением к жизненной ситуации, ослаблением интенсивности психических процессов и готовности к работе, в том числе длительной). Утомленность как неблагоприятное психическое состояние находит проявление в субъективном переживании ухудшения психических процессов, выражаясь в субъективно-оценочных суждениях относительно неблагоприятного изменения внимания, памяти и мышления, при отсутствии их реальных патологических изменений и нарушений [25].

Рассматривая проблему деструктивного и самодеструктивного поведения, будем придерживаться концепции А. В. Смирнова [3; 26]. Таким образом, *деструктивное поведение* — «вся совокупность девиантных форм поведения, признаками которых являются нарушение норм и границ, нанесение ущерба самому деструктору и социуму, социальная опасность и однозначная негативная социальная оценка такого поведения, социальная дезадаптация и нарушение нормальной жизнедеятельности самого деструктора» [3, с. 176]. *Составляющими самодеструктивного поведения* выступают аффективный, танатоманический, депрессивный, тревожно-обсессивный компоненты и экзальтация.

Их выраженность и сочетание позволяют выявить суицидальное, деструктивное и самодеструктивное поведение личности. К синдромам самодеструктивности относятся: деструктивные связи; самодеструкция с нарушением режима отдыха, а также апатия, усталость; тяжелые созависимые отношения с соматизацией; деструктивная созависимость, вынужденность; выгорание; самодеструктивные формы поведения на почве посттравматического стрессового расстройства; рассеянность, неосторожность поведения, нечувствительность к опасности; болезненное самообесценивание; непреднамеренное попадание в экстремальные ситуации; деструктивные зависимости; общий аддиктивный синдром; самодеструкция в поведении, тяга к риску [26, с. 215].

Материалы и методы

В исследовании принял участие 121 сотрудник ОВД со стажем служебной деятельности от 5 до 10 лет.

Гипотезы: существует связь утомленности с компонентами саморазрушающего поведения субъектов служебной деятельности, а также имеются различия в выраженности данных компонентов у сотрудников ОВД с разным уровнем утомленности.

Методы исследования. Использовался следующий комплекс психодиагностических методик:

— опросник «Субъективная оценка утомленности личности» («СОУ»), разработанный С. В. Духновским, Э. К. Шелепиной [25]. С его помощью определялся уровень утомленности сотрудника как проявление его доминирующего состояния в результате интеллектуальной, эмоциональной и (или) физической нагрузки как в повседневной жизни, так и в профессиональной деятельности, выражающегося в изменении когнитивной сферы человека (памяти и внимания) и приводящего к снижению его работоспособности;

— опросник выявления компонентов самодеструктивности личности (SCD), разработанный А. В. Смирновым [26], позволяющий выявить и оценить выраженность аффективного, танатоманического, депрессивного и тревожно-обсессивного компонентов и экзальтации как элементов самодеструктивного поведения.

В качестве методов статистического вывода использовали анализ первичных статистик, корреляционный и сравнительный анализ. Перед проведением сравнительного анализа для каждой переменной был рассчитан статистический критерий нормальности Колмогорова-Смирнова. Уровень значимости p по всем переменным выше 0,05. На основании этого был сделан вывод о нормальном распределении, что позволило применить параметрический t -критерий Стьюдента. Обработка результатов проводилась при помощи программного пакета SPSS 23.0.

Результаты и обсуждение

Гипотеза о существовании связи утомленности с самодеструктивным поведением сотрудников ОВД

и его особенностями (компонентами) проверялась при помощи корреляционного анализа с применением r -коэффициента Пирсона. Таким образом, были выявлены значимые связи показателя по методике «Субъективная оценка утомленности личности» с показателями по шкалам опросника выявления компонентов самодеструктивности личности (SCD). Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1. Корреляционные связи показателей по шкалам методики SCD с показателем утомленности (Table 1. Correlations of indicators according to the scales of the SCD methodology with the indicator of fatigue)

Шкалы методики SCD	Показатель утомленности
Аффективный компонент	0,44*
Танатоманический компонент	0,26
Депрессивный компонент	0,37*
Тревожно-обсессивный компонент	0,47*
Экзальтация	0,43*

Примечание. * — коэффициенты корреляции на уровне $p \leq 0,05$.

Из таблицы 1 видим наличие значимых корреляционных связей показателя утомленности с компонентами самодеструктивного поведения. Коэффициенты корреляции находятся в диапазоне от 0,37 до 0,47 при $p \leq 0,05$. Полученные данные говорят о том, что с повышением утомленности происходит усиление самодеструктивных тенденций субъекта служебной деятельности. В частности, установлено, что повышение значения утомленности соотносится с увеличением показателей по шкалам аффективный, депрессивный, тревожно-обсессивный и экзальтации как компонентов самодеструктивного поведения.

Таким образом, гипотеза о существовании связи утомленности с составляющими самодеструктивного поведения сотрудников ОВД нашла эмпирическое подтверждение. Соответственно, снижение ресурса сил, отсутствие энергии, пассивность и пессимистичное отношение к жизненной ситуации, снижение интенсивности психических процессов и готовности к работе как результат нагрузки, напряженности, интенсивности служебной деятельности (повышение показателя утомленности) сопровождаются усилением проявлений самодеструктивного поведения ее субъекта.

Для проверки гипотезы о существовании различий в выраженности составляющих самодеструктивного поведения у сотрудников ОВД с разным уровнем утомленности использовали результаты сравнительного исследования. Перед его проведением респонденты были распределены в три группы:

— *первая* — сотрудники ОВД с низким уровнем утомленности в количестве 39 человек, у которых значение данного показателя находится в диапазоне от 25 до 37 (2–3 стэна);

— *вторая* — сотрудники ОВД с умеренным уровнем утомленности в количестве 47 человек, у которых

значение данного показателя находится в диапазоне от 53 до 60 (5 стэнов);

— *третья* — сотрудники ОВД с высоким уровнем утомленности в количестве 35 человек, у которых значение данного показателя находится в диапазоне от 71 до 78 (7 стэнов).

Далее с использованием параметрического t -критерия Стьюдента были установлены различия по шкалам опросника самодеструктивности личности (SCD) между группами с высоким, средним и низким уровнем утомленности. Данные представлены в таблице 2.

Таблица 2. Различия в показателях самодеструктивного поведения у субъектов с разным уровнем утомленности ($\bar{X} \pm \sigma$) (Table 2. Differences in indicators of self-destructive behavior in subjects with different levels of fatigue ($\bar{X} \pm \sigma$))

Шкалы методики SCD	Уровень утомленности		
	низкий (n=39)	средний (n=47)	высокий (n=35)
Аффективный компонент	17,0 $\pm$ 3,5 (2)	45,2 $\pm$ 7,3 (5)*	32,0 $\pm$ 6,4 (4)
Танатоманический компонент	23,2 $\pm$ 3,6 (3)	33,9 $\pm$ 5,9 (4)	35,2 $\pm$ 6,1 (4)
Депрессивный компонент	22,4 $\pm$ 4,9 (3)	34,0 $\pm$ 5,5 (4)	49,0 $\pm$ 7,2 (5)*
Тревожно-обсессивный компонент	37,5 $\pm$ 4,6 (2)	71,5 $\pm$ 10,5 (4)	96,7 $\pm$ 11,8 (5)*
Экзальтация	35,7 $\pm$ 6,2 (5)*	31,1 $\pm$ 5,9 (4)	32,0 $\pm$ 6,3 (4)

Примечания: * — различия достоверны на уровне $p \leq 0,05$; в скобках указаны стандартные значения — «стэны».

Таким образом, выраженность составляющих самодеструктивного поведения сотрудников ОВД отличается на каждом уровне утомленности. Причем с повышением уровня утомленности (от низкого к высокому) происходит увеличение выраженности и составляющих самодеструктивности.

Сравнительный анализ показывает, что в группе респондентов с *высоким уровнем утомленности* наиболее выражены показатели депрессивного и тревожно-обсессивного компонентов самодеструктивного поведения, которые достоверно выше, чем в группе с низким и средним уровнем утомленности. В группе с *умеренным уровнем утомленности* наиболее выраженным является аффективный компонент самодеструктивности, показатели которого достоверно выше, чем в группе с низким и высоким уровнем утомленности. У обследованных с *низким уровнем утомленности* выраженной является экзальтация. Данный показатель достоверно выше, чем в группе с высоким и средним уровнем утомленности.

Отсюда следует, что гипотеза о существовании различий в выраженности составляющих самодеструктивного поведения у сотрудников ОВД с разным уровнем утомленности нашла эмпирическое подтверждение.

Далее для оценки уровня выраженности показателей самодеструктивного поведения на каждом уровне

не утомленности мы использовали таблицу перевода «сырых» значений в стандартные — стэны, представленную в работе А. В. Смирнова [26]. Установлено, что показатели аффективного, депрессивного, тревожно-обсессивного компонентов и экзальтации у обследованных сотрудников ОВД находятся в пределах от 4 до 5 стэнов. Это является позитивным фактом и соответствует группе нормативных лиц в противоположность суицидентам, деструкторам и самодеструкторам.

Так, у сотрудников ОВД с низким уровнем утомленности наблюдаются «хорошая адаптивность и пластичность поведения, сочетающаяся с тенденцией к соблюдению норм и правил в большинстве жизненных и профессиональных ситуаций. Однако их нарушение возможно в зависимости от требований реальности и ситуации, особенно в тех случаях, когда субъект не видит в этом „отступлении от правил“ явного вреда для окружающих» [26, с. 406] (показатель экзальтации).

При среднем уровне утомленности у сотрудников ОВД наблюдается эмоциональная напряженность, связанная с внешней ситуацией, в сочетании со вспыльчивостью, раздражительностью, сопряженными с ситуативной фрустрацией, а также «импульсивность, конфликтность, страсть к порядку, стремление соблюдать иерархию и субординацию, потребность быть самостоятельным, стремление обязательно достигать цели, инертность мышления и поведения, ригидность» [26, с. 403] (показатель аффективного компонента самодеструктивного поведения).

Сотрудникам ОВД с высоким уровнем утомленности присущи «сниженное настроение, утрата интересов и удовольствия, снижение энергичности, повышенная утомляемость и сниженная активность» [26, с. 404] (показатель депрессивного компонента самодеструктивного поведения). У данной категории обследованных также выражены сомнения в правильности своего поведения, своей нужности и полезности для других; переживания по поводу неопределенности своего будущего или исхода осуществляемой деятельности, наличие чувства своей несостоятельности; трудности в принятии решений; интеллектуальная и прагматическая направленность интересов и деятельности, чередование то переоценки, то недооценки себя — «всемогушества и бессилия», консерватизм, замедленная адаптация к новому [26, с. 405] (показатель тревожно-обсессивного компонента самодеструктивного поведения).

Таким образом, результаты исследования показали, что существует связь утомленности сотрудников ОВД с самодеструктивным поведением и его компонентами. Кроме того, установлено, что на разных уровнях утомленности (низком, среднем и высоком) выраженность составляющих самодеструктивности будет также различной. Несмотря на это, утомленность как

неблагоприятное психическое состояние сниженного тонуса, активности и работоспособности не соотносится с классическими видами самодеструкций, такими как суицидальное, деструктивное и самодеструктивное поведение (в терминологии А. В. Смирнова [26]). Это, на наш взгляд, обусловлено качеством психологического отбора для службы в органах внутренних дел.

Тем не менее утомленность может выступать фактором риска развития самодеструктивного поведения. Соответственно, профилактика и коррекция утомленности, помимо улучшения психического состояния, восстановления и повышения работоспособности, будет являться условием, снижающим риск самодеструкции сотрудников ОВД.

Выводы

1. Выявлена связь утомленности с показателями самодеструктивного поведения сотрудников органов внутренних дел. Усиление утомленности сопровождается повышением выраженности аффективного, депрессивного, тревожно-обсессивного компонентов самодеструктивного поведения, а также экзальтации.

2. Установлено, что в группе сотрудников органов внутренних дел с высоким уровнем утомленности наиболее выражены показатели депрессивного и тревожно-обсессивного компонентов самодеструктивного поведения, в группе с умеренным уровнем утомленности — аффективный компонент самодеструктивности, а у респондентов с низким уровнем утомленности — экзальтация. Компоненты самодеструктивности у сотрудников органов внутренних дел с разным уровнем утомленности (низким, средним и высоким) находятся на нормативном уровне, что говорит об отсутствии выраженности у них данного явления.

3. Утомленность как неблагоприятное психическое состояние сниженного тонуса, активности и работоспособности может выступать фактором риска развития самодеструктивного поведения сотрудников ОВД. Следовательно, профилактика и коррекция утомленности будет являться условием, снижающим риск их самодеструкции, положительно влияя как на профессиональное и психологическое благополучие, так и на качество служебной деятельности.

Область применения и перспективы. Полученные эмпирические данные возможно использовать в рамках морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел. Полагаем, что своевременная оценка и профилактика утомленности будут выступать условием превенции самодеструктивного поведения сотрудников органов внутренних дел, включая их деструктивное и суицидальное поведение.

Перспективами изучения утомленности в контексте самодеструктивного поведения является их эмпирический анализ у сотрудников органов внутренних дел с разным стажем служебной деятельности, профессиональной специализации, а также условий несения службы.

Список источников / References

1. Елесина И. Г. Проблема деструктивного поведения сотрудников органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 3. С. 335–338.
2. Злоказов К. В., Капнушев С. С. Представление о цели деструктивного поведения // Прикладная юридическая психология. 2018. № 1(42). С. 93–100.
3. Смирнов А. В., Максимова Л. А. Деструктивные и самодеструктивные тенденции глубинно-психологической сферы городских и сельских юношей как отражение трудностей сепарации и социальной адаптации // Российский девiantологический журнал. 2023. № 3(2). С. 173–188.
4. Злоказов К. В. Эмпирический анализ типов деструктивности сотрудников правоохранительных органов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4(30). С. 195–201.
5. Балюшина Ю. Л. Самодеструкция личности как индикатор несовершенства социокультурного пространства провинциального города (на примере Вологодской области) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18. С. 257–261.
6. Мышкина Е. А. К вопросу о причинах и механизмах аутоагрессивного поведения // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 3(34). С. 271–274.
7. Бутан А. И. Влияние внутриличностных конфликтов на служебную деятельность сотрудников правоохранительных органов // Педагогика и психология: академический журнал. 2024. № 2(5). С. 25–29.
8. Иванова М. В. Психологическая работа по формированию антисуицидальных барьеров у сотрудников полиции // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2014. № 4(26). С. 216–220.
9. Линевиц В. Л. Диагностика суицидального риска: психологические аспекты профессиональной деятельности сотрудников полиции // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2016. № 3(73). С. 59–65.
10. Кравцова Е. А., Романович Э. В. Право на жизнь и право на смерть: профилактика суицида среди сотрудников ОВД // Проблемы правоохранительной деятельности. 2022. № 2. С. 21–25.
11. Линевиц В. Л. Профилактика суицидального риска у сотрудников органов внутренних дел: проблемы, пути решения // Психология и педагогика служебной деятельности. 2020. № 4. С. 67–69.
12. Табурица В. А., Никифоров В. М. Факторы суицидального поведения сотрудников органов внутренних дел // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2014. № 2(24). С. 96–99.
13. Бодров В. А. Профессиональное утомление: фундаментальные и прикладные проблемы. М., 2009. 558 с.
14. Родина О. Н. Личностные деформации при развитии состояния хронического утомления // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2019. № 1. С. 123–140.
15. Куликов Л. В. Психогигиена личности. Вопросы психологической устойчивости и психопрофилактики. СПб., 2004. 463 с.
16. Хабибуллин А. Б., Кочеткова Е. А. Признаки усталости и утомления, их причины и профилактика // Научные и образовательные основы в физической культуре и спорте. 2023. № 2. С. 24–27.
17. Хван А. А., Гончарова О. И. Профессиональные факторы утомления учителей // Нижегородское образование. 2014. № 1. С. 33–40.
18. Леонова А. Б. Структурно-интегративный подход к анализу функциональных состояний человека // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2007. № 1. С. 87–103.
19. Шелепина Э. К., Духновский С. В. Личностные особенности сотрудников органов внутренних дел с разным уровнем утомленности // Юридическая психология. 2025. № 1. С. 2–7.
20. Шелепина Э. К. Копинг-поведение сотрудников с разным уровнем утомленности // Человеческий капитал. 2025. № 6(198). С. 230–237.
21. Senjo S. Dangerous fatigue conditions: A study of police work and law enforcement administration. *Police Practice and Research: An International Journal*. 2011. № 12. Pp. 235–252.
22. Vila B., Kenney D. J., Morrison G. B., Reuland M. Evaluating the effects of fatigue on police patrol officers. Washington, DC: Police Executive Research Forum. 2000. 122 p.
23. Hope L. Evaluating the effects of stress and fatigue on police officer response and recall: A challenge for research, training, practice and policy. *Journal of applied research in memory and cognition*. 2016. № 5(3). Pp. 239–245.
24. Fekedulegn D., Burchfiel C. M., Ma C. C., Andrew M. E., Hartley T. A., Charles L. E., Violanti J. M. Fatigue and on-duty injury among police officers: The BCOPS study. *Journal of safety research*. 2017. № 60. Pp. 43–51.
25. Духновский С. В., Шелепина Э. К. Опросник «Субъективная оценка уровня утомленности личности»: разработка, психометрическая характеристика, применение // Российский девiantологический журнал. 2024. № 2. С. 144–160.
26. Смирнов А. В., Петрова Е. Н., Петров А. А., Сайдулин В. В. Суицид: теория, феноменология, диагностика, профилактика. Екатеринбург, 2025. 422 с.

Поступила 19.08.2025; одобрена после рецензирования 28.08.2025; принята к публикации 25.12.2025.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-практическая статья

УДК 159.9 © Власов А. Э., Злоказов К. В., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-1104-12-20

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Разработка и операционализация конструкта опросника «Мотивация к прохождению службы в органах внутренних дел»

Андрей Эрикович Власов, заместитель начальника отдела психологической работы¹;

VAEspb@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5589-3120>

Кирилл Витальевич Злоказов, доктор психологических наук, доцент, начальник научно-исследовательского отдела¹;
zkirvit@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилутова, 1, Россия

Реферат. Введение. Использование новых инструментов для изучения мотивации сотрудников органов внутренних дел к прохождению службы позволит повысить эффективность психологической работы в части комплектования и расстановки кадров, предупреждения и профилактики увольняемости, превенции нарушений служебной дисциплины и законности. Цель — разработка конструкта опросника мотивации к прохождению службы в органах внутренних дел, а также его операционализация в виде психодиагностического опросника. **Материалы, результаты и обсуждение.** Респондентами выступили 459 сотрудников органов внутренних дел, проходивших обучение в Санкт-Петербургском университете МВД России. Проведена операционализация предлагаемого конструкта в виде опросника с оценкой его надежности и отдельных характеристик внешней и конструктивной валидности. **Выводы.** Разработан опросник мотивации к службе в органах внутренних дел, представляющий собой операционализацию теоретической модели в виде стандартизированного самоотчета, включающего 15 утверждений, сгруппированных в три шкалы. Мотивы служения, законности и исполнения обязанностей находятся под влиянием организационно- и социально-психологических факторов.

Ключевые слова: профессиональный психологический отбор, диагностика сотрудников полиции

Для цитирования: Власов А. Э., Злоказов К. В. Разработка и операционализация конструкта опросника «Мотивация к прохождению службы в органах внутренних дел» // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 1(104). С. 12–20. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-1104-12-20>

Scientific and Practical Article

UDC 159.9 © Vlasov A. E., Zlokazov K. V., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-1104-12-20

5.3.9. Legal Psychology and Psychology of Security

Development and Operationalization of Questionnaire Construct “Motivation to Serve in Internal Affairs’ bodies”

Andrey E. Vlasov, deputy-chief of the Department of Psychological Work¹;

VAEspb@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5589-3120>

Kirill V. Zlokazov, Doctor of Science (in Psychology), Associate-Professor, chief of the Research Department¹;
zkirvit@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>

¹ the St. Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs, 1, Letchik Pilyutov st., St. Petersburg, 198206, Russia

Abstract. Introduction. Development of new tools for studying motivation of law enforcement officers to service will increase effectiveness of psychological work regarding recruitment and placing the personnel, prevention of resignation, violations of discipline and legality. The purpose is to develop a questionnaire of motivation for service in the Internal Affairs bodies, as well as its operationalization in the form of psycho-diagnostic questionnaire. **Materials, Results and Discussion.** 459 Internal Affairs’ officers who had studied at the St. Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs participated as respondents. The operationalization of the developed design was carried out in the form of a questionnaire with an assessment of its reliability and individual characteristics of external and structural validity. **Conclusions.** The questionnaire on motivation for service in the Internal Affairs agencies has been developed, which is an operationalization of the theoretical model in the form of a standardized self-report, including 15 statements grouped into three scales. The motives of service, legality and performance of duties are influenced by organizational and socio-psychological factors.

Keywords: professional psychological selection, diagnostics of police officers

Citation: Vlasov A. E., Zlokazov K. V. Development and Operationalization of Questionnaire Construct “Motivation to Serve in Internal Affairs bodies”. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31, No. 1(104). Pp. 12–20 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-1104-12-20>

Основные положения

1. Изучение мотивации сотрудников органов внутренних дел к прохождению службы является важной научно-методической задачей, способной повысить

эффективность работы с личным составом. Модель мотивации включает в себя три мотива: служения; законности; исполнения. Конструкт мотивации расширяет теоретические представления о мотивации

служебной деятельности сотрудников, создавая предпосылки для уточнения теории мотивации субъекта правоохранительной деятельности.

2. Опросник мотивации к службе в органах внутренних дел представляет собой операционализацию теоретической модели, выступающей в виде стандартизированного самоотчета, состоящего из 15 утверждений, объединенных в 3 шкалы. Выполнена проверка надежности и согласованности измерений, проведена оценка конструктивной и внешней (дивергентной) валидности, полученные показатели являются удовлетворительными.

3. Результаты демонстрируют снижение мотивации служения, законности и исполнения при высоком уровне психоэмоциональной нагрузки, неудовлетворенности и потребности в отдыхе. Выявлена зависимость мотивов от организационных и социально-психологических причин. Положительно влияют на мотивацию такие факторы, как эмоциональное отношение к профессиональной деятельности; поддержка ближайшего окружения. Отрицательным влиянием обладают: негативное воздействие служебной деятельности на семью; ожидание пенсии как повода уволиться со службы; ухудшение условий профессиональной деятельности.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Работа с личным составом МВД России в современных условиях сталкивается с вызовами, преодоление которых обеспечит выполнение задач, возложенных на органы внутренних дел государством и обществом, будет способствовать развитию профессионального сообщества как в количественном, так и в качественном измерениях. Вопрос комплектования служб и подразделений МВД России является острым и неоднократно поднимался руководством ведомства в последние годы. Количество вакансий за прошедший год увеличилось более чем на 33 тыс. и превышает 172 тыс. должностей, из них 145 тыс. аттестованные¹.

Наряду с недостатком желающих проходить службу в органах внутренних дел Российской Федерации (далее — ОВД), значима и увольняемость сотрудников, имеющих право на пенсию, обуславливающая необходимость замещения высвобождающихся должностей. С учетом потребности сохранения профессионального

ядра, передачи знаний и опыта вновь назначаемым руководителям различного уровня проблема комплектования заключается еще и в подборе сотрудников, наиболее подготовленных к замещению начальствующих должностей. Поскольку складывающаяся в органах внутренних дел кадровая ситуация требует бережного отношения к личному составу, что предполагает понимание способностей каждого сотрудника, в том числе оценки его надежности в любых условиях оперативно-служебной деятельности, а также подготовленности к замещению вышестоящей должности. Недостатки в оценке способностей лиц, вновь принятых на службу, выражаются в социально-психологической дезадаптации на первом этапе прохождения службы, риске нарушений служебной дисциплины и законности, повышении вероятности их увольнения, в том числе по отрицательным мотивам. Сотрудники, назначенные для замещения начальствующих должностей без учета профессиональной и психологической подготовленности, также подвержены риску дезадаптации, сказывающейся не только на их личном морально-психологическом состоянии, но и на подчиненных им лицах.

В связи с этим научной проблемой является определение психологических характеристик, обеспечивающих отбор кандидатов, наиболее мотивированных к службе в органах внутренних дел Российской Федерации, а применительно к сотрудникам, претендующим на замещение вышестоящих должностей, — отличающихся высоким уровнем морально-психологической готовности.

Учитывая, что профессиональный психологический отбор², а также подбор лиц на замещение должностей начальствующего состава³ основываются на верифицированной и апробированной совокупности личных и деловых качеств, включая выявление факторов риска, научно-методической проблемой выступает совершенствование уже определенных критериев отбора⁴. По нашему мнению, следует сфокусироваться на показателе мотивации к прохождению службы как ключевом для обеих рассматриваемых категорий, непосредственно связанных с отношением к профессиональной деятельности. Психологическое значение данного вида мотивации распространяется на сферу служебной деятельности в обычных и особых условиях ее осуществления [1]. Вне служебной

¹ Выступление Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России. 5 марта 2025 года // Министерство внутренних дел: официальный сайт. URL: <https://мвд.рф/news/item/62189090> (дата обращения: 10.07.2025).

² Об утверждении Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 6 декабря 2012 г. № 1259 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012 г. № 50, ч. 1, ст. 7075.

³ Методические рекомендации по проведению психологического обследования сотрудников, перемещаемых по службе на другие должности в системе МВД России (исх. ДГСК МВД России от 16.12.2019 № 21/8/15646). Документ не был опубликован.

⁴ Методические рекомендации по изучению мотивации кандидатов, поступающих на службу в органы внутренних дел Российской Федерации, и сотрудников, перемещаемых по службе на иные должности в системе МВД России (исх. ГУРЛС МВД России от 28.06.2022 № 21/8/10442). Документ не был опубликован.

деятельности мотивация влияет на отношение к себе, служебному и внеслужебному окружению, определяет образ жизни, жизненные планы и перспективы личности.

Колебания уровня мотивации сотрудника от сверхмотивации до радикальной демотивации могут приводить к различным формам деструктивного поведения, выражаясь в рискованном поведении, пренебрежении правилами безопасности и своим здоровьем. Таким образом, глобальное значение мотивационной сферы личности выходит за пределы конструкта мотивации, предписанного правилами профессионально-психологического отбора, а относительно действующих сотрудников — оценкой морально-психологического состояния. Поскольку в настоящее время в юридической психологии и психологии безопасности представление о мотивации сотрудников органов внутренних дел к прохождению службы не разработано, это ограничивает возможности психологической работы с личным составом в части как комплектования, так и расстановки кадров, предупреждения и профилактики увольняемости, превенции нарушений служебной дисциплины и законности. Решение научной задачи по разработке конструкта данного вида мотивации обеспечит развитие общепсихологических представлений о сущности мотивации к профессиональной деятельности, обогатит юридическую психологию и психологию безопасности пониманием динамики, факторов и условий мотивации к службе у сотрудников органов внутренних дел. Изучение данного явления может внести свой вклад в работу по укреплению служебной дисциплины и законности, снижению риска чрезвычайных происшествий.

Цель — разработка конструкта мотивации к прохождению дальнейшей службы в органах внутренних дел, а также его операционализация в виде психодиагностического опросника измерения мотивации к службе.

Результатом исследования выступают: а) конструкт мотивации к прохождению службы в органах внутренних дел, раскрывающий субъективное отношение к службе; б) опросник, обладающий достаточными характеристиками надежности и валидности для научного исследования мотивации к службе в органах внутренних дел.

Теоретические предпосылки исследования и степень изученности проблемы. Предпосылки основываются на общепсихологических представлениях о мотивации, а также теориях и концепциях мотивации к профессиональной деятельности, предложенных в исследованиях в сфере психологии труда, а также юридической психологии и психологии безопасности.

Мотив является побуждением к деятельности, необходимой для удовлетворения какой-либо потреб-

ности субъекта. Это некая причина (внешняя либо внутренняя), которая вызывает активность личности и лежит в основе ее поступков [2, с. 302–329]. Психологическое значение мотива многогранно. Теории мотива описывают побудительную, ориентирующую и целевую функции мотива в организации и осуществлении деятельности. Влияние мотива на личность заключается в формировании психологического состояния (например, в виде мобилизации либо демобилизации; ожидания успеха или опасения неудачи и др.) [3]. Кроме того, длительно существующий мотив (или их совокупность) может выступать свойством личности, выражающимся, например, в предпочтении определенных условий деятельности (работать одному или в коллективе, руководить или подчиняться), и фактически приближаться по своему значению к ценностям. Мотивация более сложное, чем мотив, явление, понимаемое как система факторов, определяющих социальное поведение личности [4]. При этом мотивация может рассматриваться *сущностно*, исходя из содержания мотивов, раскрывая их источники, описывая значение для личности в контексте ее развития [5–8], *структурно* с точки зрения их иерархии [9; 10] и *функционально*, объясняя механизм проявления в деятельности [11; 12].

В рамках проводимого нами исследования мотивация к служебной деятельности рассматривается как социально-психологическое образование, в котором служебная деятельность является условием удовлетворения широкого спектра потребностей сотрудника (не только витальных, но и социальных и индивидуальных). При этом целесообразно обозначить два полюса мотивации — *субъективный*, представляющий побуждения личности, и *институциональный*, характеризующий потребности, вызванные функционированием социального института — органов внутренних дел, в определенной части возлагаемые на конкретного сотрудника его должностными обязанностями. Существование субъективного полюса в большей мере вызвано биопсихосоциальными потребностями сотрудника, присущими ему вследствие образа жизни и осуществляемой деятельности. Институциональный полюс объединяет в себе потребности органов внутренних дел как института государственной власти и потребности организации (подразделения), координирующей служебную деятельность сотрудника.

Условная дифференциация полюсов мотивации позволяет выделить побуждения, которыми руководствуется сотрудник при выполнении служебной деятельности. Субъективная мотивация базируется на эгоцентрически-прагматичном отношении сотрудника к социальной организации (как части социального государства), обязавшейся удовлетворять его потребности, тем самым мотивируя к осуществлению

профессиональной деятельности. Например, наличие социальных гарантий сотруднику ОВД как аргумент для принятия решения о поступлении на службу. Удовлетворение потребностей выступает для индивида общим мотивом, распадающимся на частные мотивы жизнедеятельности личности, иерархия и динамика которых индивидуальны.

Эгоцентрический характер мотивации выражается в стремлении к максимально полному удовлетворению индивидуальных потребностей, а прагматичный характер — в желании минимальных затрат собственных ресурсов (физических, психологических, материальных, репутационных и пр.). Однако так как эгоцентрическая мотивация предполагает первичность личных потребностей над интересами службы, то ее влияние противоположно ценностно-нормативным условиям служебной деятельности, представляющим собой институциональную мотивацию.

Институциональная мотивация является альтернативой субъективной мотивации сотрудника, поскольку она основывается на внешних по отношению к нему потребностях органа, организации, подразделения внутренних дел (транслирующих потребности института государственной власти в сфере правоохранительной деятельности). По Г. Мюррею, существование этого полюса мотивации показывает, как влияние общества формирует позицию личности и ее социальное поведение [13]. Институциональная мотивация служебной деятельности определяет цель служебной деятельности сотрудника и условия ее осуществления, базируется на правах и обязанностях замещаемой им должности. Помимо нормативных правовых актов, источниками институциональной мотивации выступают организационная культура и психология взаимоотношений участников служебной деятельности. Исходя из представлений о сущности государственного служащего, его мотивация к служебной деятельности является альтруистично-идеалистической [14].

Сущность данного вида мотивации основывается на теории социального государства и значении профессионала для его функционирования. Представление о социальном государстве, проявляющем заботу о гражданах, разрабатывалось на всем протяжении XX в. различными социологическими школами. Его привлечение для рассмотрения вопроса мотивации обусловлено главенствующей ролью институтов социального государства в обеспечении безопасности населения, осуществлении социальной политики и социальной работы [15]. Осмысление этих функций приводит исследователей к разработке представлений о ценностных и этических основаниях деятельности

субъектов, непосредственно привлеченных к их реализации, — государственных служащих.

В рамках социологических теорий государства государственный служащий разделяет ценности и соблюдает этику деятельности, исходя из факта замещения соответствующей должности в государственной организации. В теориях социальных государств ценностно-нормативной основой деятельности служащего выступают альтруизм и бескорыстие служащего, реализующего свой профессионализм в интересах решения проблем государства и общества. Иначе говоря, его деятельность базируется на ответственности государства перед населением в части взятых на себя обязательств. Для российской действительности ценностно-нормативной основой деятельности служащего выступают традиционные российские духовно-нравственные ценности⁵, что в преломлении к служебной деятельности проявляется, но не ограничивается ценностью и этикой выражения гражданственности, патриотизма и профессионализма служащих. Таким образом, институциональная мотивация к прохождению службы исходит из ответственности, которую оно на себя возлагает, проецируемой на должность государственного служащего.

Для кандидатов на службу в ОВД и субъективная, и институциональная мотивации могут выступать противоположными друг другу полюсами континуума. Допустимо полагать, что гражданин, принимая решение о прохождении службы в органах внутренних дел, в большей мере руководствуется субъективными мотивами, а в процессе индивидуального обучения уже сотрудник, следуя ценностно-нормативным и культурным нормам профессионального сообщества, ассимилирует институциональные мотивы. Перефразируя В. И. Ковалева, отметим, что этот процесс основывается не только на понимании зависимости от профессионального сообщества, но и на осознании возможности оказания созидательного воздействия в новой социальной роли [4]. В силу этого структура мотивации сотрудника ОВД предполагает придание служебной деятельности главенствующего положения над другими видами деятельности, а требованиям и условиям служебной деятельности — приоритетное или опосредующее значение над иными требованиями и условиями. Для сотрудника ОВД это выражается в осознании чувства долга перед обществом и государством. Конечно, такое положение предполагает усиление зависимости сотрудника от служебной деятельности в жизнедеятельности. Это проявляется в рассмотрении вариантов планирования жизни, основанных, с одной стороны, на его субъективных потребностях, с другой — на возможностях, которые предоставляет

⁵ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46, ч. 1, ст. 7977.

служебная деятельность (служба в органах внутренних дел), и имеющихся социальных альтернативах.

Помимо субъективного значения ведущего положения служебной деятельности, в иерархии мотивов сотрудника ОВД целесообразно выделить и социально-психологический полюс отношений. Он характеризует влияние, оказываемое культурой органов внутренних дел и организацией служебной деятельности на личность сотрудника, и в определенной мере его потребности.

Завершая анализ социологических и психологических теорий, можно заключить, что мотивация к прохождению службы может быть описана совокупностью из двух групп факторов (субъективной и институциональной). Их возникновение и влияние базируются на взаимозависимых отношениях личности и общества, выражаясь, с одной стороны, в мотивирующем воздействии общества на личность, приводящем к формированию мотивов долга и социальной ответственности как причин прохождения службы в органах внутренних дел, а с другой — приданию сотрудником ОВД приоритетного значения служебной деятельности в собственной системе мотивов.

Рассмотренные теории и концепции отражают аспекты мотивации к профессиональной деятельности, характеризуя общепсихологические и социологические представления о ее сущности. Для выявления мотивации служебной деятельности необходимо выполнить синтез представленных точек зрения, учитывая специфику деятельности, условий, в которых она осуществляется, и конкретизировать их в операционализируемом виде.

Конструкт мотивации к прохождению службы в органах внутренних дел. Предпосылками создания конструкта является потребность в изучении мотивации к прохождению службы в органах внутренних дел, основывающейся на учете субъективных и институциональных мотивов служебной деятельности. В его основе лежит предположение о побуждении к прохождению службы в ОВД представлениями о служебной деятельности как долге перед государством и обществом, неукоснительном соблюдении ее правовых норм, а также отказе от личных интересов ради достижения наилучшего результата.

Данные представления воплощаются в совокупности мотивов осуществления службы в органах внутренних дел: а) мотива служения; б) мотива законности; в) мотива исполнения. Фактически служебная деятельность воспринимается ее субъектом формой служения государству и обществу, характеризующейся верностью, бескорыстностью и самоотречением. Противоположным альтруистично-идеалистическому отношению к служебной деятельности, исходя из значения составляющих его характеристик, является эгоцентрически-прагматичное. В нем противополож-

ностью мотиву служения выступает мотив наемного труда; мотиву законности — мотив противозаконности; мотиву исполнительности — мотив произвольности.

Полагая необходимым измерять весь объем мотивации к службе в органах внутренних дел, авторы рассматривали конструкт биполярным, каждое из измерений которого представляло условный континуум, образованный двумя противоположными по сущности мотивами («служение — найм», «законность — противоправность», «исполнение — уклонение»). При разработке опросника данная дихотомия учитывалась путем разработки шкал, состоящих из обоих типов утверждений [16, с. 153].

Материалы и методы

Сбор данных осуществлялся методом анкетирования. Статистическая обработка и анализ данных проводились при помощи компьютерной программы SPSS 19.0. Использовались методы описательной статистики, оценка надежности по внутренней согласованности (оценка согласованности α -Кронбаха [17, р. 297–334], межпунктовые корреляции), оценка внутренней (конструктной) валидности осуществлялись методом конфирматорного факторного анализа, дискриминативные возможности опросника определялись посредством Н-критерия Краскала-Уоллиса.

Выборка, гомогенная по полу и возрасту, включала 459 сотрудников ОВД. Первый этап — 95 курсантов и 44 слушателя, проходящих профессиональную подготовку; второй этап — 320 слушателей, проходящих профессиональную подготовку.

Результаты обсуждения

Процедура разработки опросника. Операционализация конструкта проводилась в два этапа: на первом этапе (январь–июль 2024 г., выборка — 139 человек) разработана пилотная версия анкеты из 40 утверждений, проведена оценка внутренней согласованности и ретестовой надежности, по ее итогу исключены утверждения с низкими показателями согласованности по отношению к суммарному показателю шкалы (α -Кронбаха менее 0,6) и незначимыми корреляционными связями ($p < 0,05$); на втором этапе (октябрь 2024 г. — апрель 2025 г., выборка 320 человек) верифицирована уточненная версия опросника — 15 утверждений, сгруппированных в 3 шкалы.

Структура опросника. Пилотный вариант опросника состоял из 40 утверждений, сгруппированных по 6 шкалам, соответствующим положительным и отрицательным измерениям конструкта. Ответы регистрируются шкалой, сходной с предложенной Р. Лайкертом, включающей пять вариантов-градаций от «абсолютно не согласен» до «полностью согласен» [18].

Оценка внешней валидности. При оценке внешней валидности использовались ответы на индикаторы анкеты, посвященные:

а) субъективной готовности к увольнению из органов внутренних дел (представление о перспективах прохождения службы (варианты ответа: продолжать службу / увольняться), жизненных планах после получения права на пенсию (варианты ответа: продолжать службу / увольняться));

б) условиям прохождения службы (оценка трудностей в выполнении служебных обязанностей (от 1 мин. до 5 макс.); потребности в продолжительном отдыхе (от 1 мин. до 5 макс.); уровню психоэмоционального утомления (от 1 мин. до 5 макс.);

в) удовлетворенности отношениями в служебном коллективе (негативное/позитивное); одобрению членами семьи, родственниками служебной деятельности (неодобрение/одобрение); влиянию служебной деятельности на взаимоотношения с членами семьи и родственниками (негативное/позитивное).

Оценка надежности опросника. Надежность опросника оценивалась в параметрах внутренней согласованности ответов на утверждения и шкалы. С этой целью рассчитывались показатели согласованности α -Кронбаха [18, р. 297–334], корреляции между утверждениями опросника, корреляции утверждений со шкалами опросника, а также между четными и нечетными пунктами (табл. 1).

Таблица 1. Показатели надежности опросника «Мотивация к прохождению службы в органах внутренних дел»
(Table 1. Reliability Indicators of Questionnaire “Motivation to Serve in Internal Affairs’ bodies”)

Анализируемые показатели	Параметры				
	Статистика пунктов	Ср. значение α -Кронбаха	Ср. значение корреляции утверждений	Ср. значение корреляции утверждений со шкалой	Корреляция по расщеплению
Мотивация к службе в ОВД (суммарный)	Ср. знач.=31,68 SD=6,71	0,71	0,43	0,44	0,71
Мотивы (показатели шкал опросника)					
Мотив служения	Ср. знач.=12,07 SD=3,25	0,69	0,49	0,49	0,76
Мотив законности	Ср. знач.=11,46 SD=4,38	0,72	0,37	0,51	0,66
Мотив исполнительности	Ср. знач.=17,21 SD=3,27	0,73	0,34	0,42	0,70

Результаты свидетельствуют об удовлетворительных показателях согласованности ответов респондентов на утверждения, связи утверждений друг с другом и показателями шкал, в которые они входят. В целом результаты позволяют говорить о способности опросника с приемлемой точностью проводить измерение, обеспечивая необходимую устойчивость к действию различных помех.

Оценка конструктивной валидности. Осуществлялась методом конфирматорного факторного анализа,

что позволило определить соответствие эмпирической структуры опросника его теоретической модели, а также выбрать его оптимальную структуру. Возможность его выполнения проверялась расчетом критерия Кайзера-Мейера-Олкина (КМО) [19, р. 111–117], составившего для всех утверждений диапазон от 0,701 до 0,832, критерия Бартлетта [20, р. 268–282] ($\chi^2=995,01$, $df=105$, $p<0,001$).

Поскольку качество модели, рассчитанной на всем объеме утверждений, показало недостаточное соответствие эмпирическим данным, был выполнен расчет нескольких моделей опросника. Его целью был поиск оптимальной структуры опросника, с одной стороны, приближенной к теоретической структуре, с другой — состоящей из минимального количества утверждений, обладающих при этом максимальной информативностью (табл. 2).

Таблица 2. Показатели структуры модели опросника «Мотивация к прохождению службы в органах внутренних дел Российской Федерации»
(Table 2. Indicators of Structure of Questionnaire Construct “Motivation to Serve in Internal Affairs’ bodies of the Russian Federation”)

Характеристика структур опросника	χ^2 — тест		Индексы подгонки модели			
	χ^2	p	RMSEA	90% CI	CFI	TLI
Шесть шкал из 3 утверждений в каждой	95,01	>0,1	0,031	0,00	0,066	0,995
Три шкалы из 7 утверждений в каждой	170,25	>0,05	0,059	0,031	0,082	0,981
Три шкалы из 5 утверждений в каждой	181,3	<0,001	0,051	0,045	0,063	0,992

Примечания: RMSEA (root mean square error of approximation) — среднеквадратическая ошибка аппроксимации; CFI (comparative fit index) — индекс сопоставления эмпирической и базовой модели; TLI (Tucker-Lewis index) — индекс отклонения базовой модели от эмпирической.

В результате была определена структура опросника, обладающая наилучшими показателями из всех рассчитанных. Показатели соответствия модели эмпирическим данным располагаются в диапазонах удовлетворительных значений (RMSEA меньше 0,08; CFI>0,990, TLI>0,97) [21]. При этом модель близка к предложенному нами теоретическому конструкту мотивации и состоит из трех шкал, каждая из них содержит пять утверждений. Отличия от теоретической модели заключаются в уменьшении количества вопросов в шкалах, что допустимо вследствие специфики респондентов, их отношения к процедуре измерения.

Кроме того, получены данные о корреляции показателей опросника между собой, демонстрирующие взаимодействие мотивов. Выявлено, что мотивы взаимосвязаны друг с другом и с суммарным показателем на уровнях статистической значимости ($p<0,05$). Совместно с результатами конфирматорного факторного анализа это подтверждает гипотезу о конструктивной валидности опросника.

Показатели внешней (дивергентной) валидности. Оценка дивергентной валидности осуществлялась изучением уровня показателей мотивации у сотрудников, различающихся по представлениям о служебной деятельности и ее перспективам (желание продолжить службу в настоящее время и после получения права на пенсию); с разным восприятием условий служебной деятельности (полярными оценками трудностей служебной деятельности, потребностью в отдыхе и уровне утомления), взаимоотношениями в коллективе и вне его. Различия выявлялись посредством Н-критерия Краскела-Уоллиса (табл. 3).

Результаты свидетельствуют о различиях в общем уровне мотивации к прохождению службы, а также в отдельных мотивах — служению, законности и исполнению обязанностей. Суть различий соответствует психологическому значению шкал мотивации и указывает на снижение мотивации служения, правопослушности и исполнительности при высоком уровне трудностей, неудовлетворенности потребностью в отдыхе и психоэмоциональном утомлении. Похожие выводы представлены Е. В. Костиной с соавторами при обсуждении мотивации к увольнению у курсантов высших учебных заведений МВД России в связи с высокими физическими и волевыми затратами [22].

Следует отметить, что выявленные различия в уровне мотивации демонстрируют зависимость мотивов служения, законности и исполнения обязанностей от организационных и социально-психологических причин. В частности, мотив служения усиливается под влиянием эмоционального отношения к деятельности ($p=0,05$), снижен у сотрудников, планирующих увольнение при получении права

на пенсию ($p=0,05$). Повышение мотивации к служению зависит от поддержки членов семьи и родственников ($p=0,036$), отсутствия негативных воздействий служебной деятельности на семью и родственников ($p=0,041$). Исследования отечественных ученых в области ценностно-мотивационной сферы сотрудников в процессе профессионального обучения демонстрируют положительное влияние на адаптацию полицейских их социальной активности, понимания важности семейных ценностей и значимости их профессиональной деятельности [23, с. 181].

Мотив законности, по-видимому, зависит от представлений о служебной деятельности и отношений, поскольку, как показал анализ результатов опроса сотрудников, он снижается в связи с ухудшением условий служебной деятельности. Нами выявлено пониженное значение у сотрудников, указывающих на трудности служебной деятельности ($p=0,039$) и недостаток времени для восстановления от службы ($p=0,025$), негативные отношения в служебном коллективе ($p=0,039$). В исследовании мотивации сотрудников полиции, проведенном В. Л. Цветковым и Т. А. Хрустальной, отмечается сходный комплекс факторов, неблагоприятно влияющих на отношение к службе (наличие риска для жизни и здоровья; отсутствие возможности полноценного отдыха; неудовлетворительные бытовые условия; несправедливое распределение нагрузки; плохие взаимоотношения в коллективе) [24, с. 56].

Мотив исполнения служебных обязанностей в сравнении с другими мотивами существенно зависит от субъективных представлений сотрудника о служебной деятельности, ее условий и отношений с социальным окружением. Из таблицы 3 видно, что

Таблица 3. Показатели внешней валидности опросника «Мотивация к прохождению службы в органах внутренних дел»
(Table 3. Indicators of External Validity of Questionnaire "Motivation to Serve in Internal Affairs' bodies")

Субъективные представления о служебной деятельности	Показатели мотивации к прохождению службы			
	Суммарный показатель	Мотив служения	Мотив законности	Мотив исполнения
Представление о служебной деятельности и ее перспективе				
1. Желание продолжать службу в ОВД (буду служить / уволюсь)	Нет различий	Нет различий	Нет различий	Есть различия $\chi^2=50,43$; $p<0,001$
2. Эмоциональное отношение к службе (нравится / не нравится)	Есть различия $\chi^2=7,43$; $p=0,02$	Есть различия $\chi^2=12,43$; $p=0,05$	Нет различий	Есть различия $\chi^2=79,81$; $p<0,001$
3. Желание продолжать службу после права на пенсию (буду служить / уволюсь)	Нет различий	Есть различия $\chi^2=12,62$; $p=0,05$	Нет различий	Есть различия $\chi^2=45,91$; $p<0,001$
Восприятие условий служебной деятельности				
4. Восприятие трудностей служебной деятельности (нет трудностей / трудно)	Нет различий	Нет различий	Есть различия $\chi^2=6,48$; $p=0,034$	Есть различия $\chi^2=13,61$; $p<0,001$
5. Оценка достаточности времени отдыха (не хватает / достаточно)	Есть различия $\chi^2=7,24$; $p=0,027$	Нет различий	Есть различия $\chi^2=7,38$; $p=0,025$	Есть различия $\chi^2=42,12$; $p<0,001$
6. Субъективная оценка психоэмоционального утомления (нет утомления / высокое утомление)	Нет различий	Нет различий	Нет различий	Есть различия $\chi^2=40,04$; $p<0,001$
Служебные и внеслужебные отношения				
7. Удовлетворенность отношениями в служебном коллективе (нет/да)	Есть различия $\chi^2=5,68$; $p=0,05$	Нет различий	Есть различия $\chi^2=6,31$; $p=0,039$	Есть различия $\chi^2=17,12$; $p<0,001$
8. Одобрение членами семьи, родственниками служебной деятельности (нет/да)	Нет различий	Есть различия $\chi^2=6,62$; $p=0,036$	Нет различий	Есть различия $\chi^2=26,03$; $p<0,001$
9. Влияние служебной деятельности на отношения с семьей и родственниками (негативно/позитивно)	Нет различий	Есть различия $\chi^2=6,11$; $p=0,041$	Нет различий	Есть различия $\chi^2=27,39$; $p<0,001$

ухудшение представлений сказывается на уровне мотивации к осуществлению служебной деятельности. Можно отметить, что отчасти данные представления относятся к жизнедеятельности сотрудника, т. е. более широкому контексту его социальных взаимодействий, порождаются его семейными и родственными отношениями, личными жизненными планами.

Влияние различных сфер жизнедеятельности сотрудника на его отношение к служебной деятельности уже отмечалось отечественными исследователями. Так, к сходным выводам приходят Ю. Ю. Стрельникова и Н. А. Гончарова при изучении субъективных переживаний значимости, продуктивности и удовлетворенности профессиональной деятельностью сотрудников полиции [25, с. 35]. Важность условий формирования личности сотрудника полиции (регион проживания, этнокультурные и профессиональные прессы, пол, возраст), а также их ценностно-мотивирующее значение для служебно-профессиональной деятельности сотрудников описаны И. Н. Носсом и А. Ю. Федотовым [26].

Подводя итоги оценки дискриминативных характеристик, можно заключить, что результаты подтверждают предположение о валидности опросника, поскольку демонстрируют статистически значимые различия в уровне мотивации у сотрудников, по-разному представляющих свою служебную деятельность.

Выводы

Изучение психологического содержания мотивов прохождения службы в органах внутренних дел выступает важной научно-методической задачей, открывающей дополнительные возможности в осуществлении работы с личным составом. В статье описаны первые этапы ее решения, заключающиеся в концептуализации ключевых мотивов служебной деятельности, их операционализации в виде опросника и оценки его надежности и отдельных характеристик внешней и конструктивной валидности.

1. Теоретическим выводом исследования выступает модель мотивации к служебной деятельности, включающая три мотива: служения, законности и исполнения. Совокупность мотивов отражает представление гражданина, принимающего решение о службе, а также сотрудника ОВД о ключевых мотивах служебной деятельности: а) мотиве служения, проявляющемся в верности органам внутренних дел, принятии ответственности, возлагаемой государством и обществом на сотрудников ОВД; б) мотиве законности, состоящем в принципиальном следовании нормам права при осуществлении служебной деятельности;

в) мотиве исполнения, выражающемся в приоритете служебной деятельности над иными видами деятельности сотрудника.

2. Методическим выводом исследования выступает опросник мотивации к службе в органах внутренних дел, представляющий собой операционализацию теоретической модели в виде стандартизированного самоотчета, включающего 15 утверждений, сгруппированных в три шкалы — показателя мотивов служения, законности и исполнения, а также суммарного показателя, обобщенно характеризующего уровень мотивации к служебной деятельности. Проверка надежности и согласованности измерения, оценка конструктивной валидности и внешней (дивергентной) валидности продемонстрировали удовлетворительные показатели надежности и валидности.

3. Результаты исследования мотивации сотрудников ОВД показали, что мотивы служения, законности и исполнения обязанностей находятся под влиянием организационно- и социально-психологических факторов, что указывает на необходимость дальнейшего анализа психометрических свойств разработанного опросника, определения перспектив его применения для прогноза мотивации к служебной деятельности у кандидатов на службу, а также изучения мотивации служения, законности и исполнения обязанностей у сотрудников ОВД в целях предупреждения нарушений служебной дисциплины и законности.

Область применения и перспективы дальнейших исследований. Конструкт мотивации расширяет теоретические представления о мотивации служебной деятельности сотрудников ОВД, создавая предпосылки для уточнения теории мотивации субъекта правоохранительной деятельности. Методика диагностики мотивации к служебной деятельности может применяться в целях научно-методического изучения мотивации и мотивов сотрудников ОВД. Результаты и эмпирические выводы по ее валидации пригодны в целях уточнения аналогичных исследований. Перспективы дальнейших исследований: в применении конструкта мотивации и мотивов служения, законности и исполнения в качестве теоретического объяснения побуждений к службе в различных условиях оперативно-служебной деятельности; в дальнейшей валидации методики диагностики мотивации к служебной деятельности вследствие отсутствия альтернативной психодиагностики мотивации сотрудников ОВД, раскрывающих альтруистично-идеалистическое отношение к службе, базирующееся на чувстве долга и ответственности.

Список источников / References

1. Кубышко В. Л., Крук В. М., Гайдамашко И. В., Вахнина В. В., Федотов А. Ю. Мотивация специалиста силовых структур как основная компонента профессионально-личностной надежности в сложных ситуациях // Психология и право. 2022. Т. 12, № 4. С. 66–82.

2. Олпорт Г. Избранные труды / под ред. Д. А. Леонтьева. М., 2002. 462 с.
 3. McClelland D. C. Human motivation. Cup Archive, 1987. 663 p.
 4. Ковалев В. И. Мотивы поведения и деятельности. М., 1988. 191 с.
 5. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб., 2008. 400 с.
 6. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. М., 1992. 569 с.
 7. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб., 2011. 512 с.
 8. Kanfer R., Frese M., Johnson R. E. Motivation related to work: A century of progress. *Journal of applied psychology*. 2017. Vol. 102. No. 3. Pp. 338–355.
 9. Maslow A. H. Motivation and personality 3rd ed. New York: Harper and Row, 1987. 293 p.
 10. Alderfer C. P. An empirical test of a new theory of human needs. *Organizational behavior and human performance*. 1969. Vol. 4. No. 2. Pp. 142–175.
 11. McClelland D. C., Atkinson J. W., Clark R. A., & Lowell E. The achievement motive. New York: Appleton-Century-Crofts, 1953. 384 p.
 12. Skolnick A. Motivational imagery and behavior over twenty years. *Journal of Consulting Psychology*. 1966. Vol. 30. No. 6. Pp. 483–487.
 13. Murray H. A. Explorations in Personality. New York: Oxford University Press., 1938. 790 p.
 14. Романов П. В. Профессии в социальном государстве // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие : мат-лы IV очередного всерос. социологического конгресса. М., 2012. С. 7980–7986.
 15. Романов П., Ярская-Смирнова Е. Идеология профессионализма и социальное государство // Антропология профессий, или Посторонним вход разрешен / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой (Библиотека Журнала исследований социальной политики). М., 2011. 356 с.
 16. Злоказов К. В. Психодиагностика : учебник. СПб., 2018. 56 с.
 17. Cronbach L. J. Coefficient alpha and the internal structure of tests. *Psychometrika*. 1951. Vol. 16. No. 3. Pp. 297–334.
 18. Likert R. A technique for the measurement of attitudes. *Archives of psychology*. 1932. 55 p.
 19. Kaiser H. F., Rice J. Little jiffy, Mark Iv. *Educational and psychological measurement*. 1974. Vol. 34. No. 1. Pp. 111–117.
 20. Bartlett M. S. Properties of sufficiency and statistical tests. *Proceedings of the royal society of London. Series a-mathematical and physical sciences*. 1937. Vol. 160. No. 901. Pp. 268–282.
 21. Kline R. B. Principles and Practice of Structural Equation Modeling (4th ed.). New York, NY: The Guilford Press, 2016. 534 p.
 22. Костина Е. В., Дубинский А. А., Булыгина В. Г. Индивидуально-психологические характеристики курсантов учебных заведений МВД с мотивацией к увольнению в связи с высокими физическими и волевыми затратами // Психология и право. М., 2022. Т. 12, № 4. С. 2–15.
 23. Белов В. В., Попинако Е. А. Динамика характеристик ценностно-мотивационной сферы сотрудников органов внутренних дел с разным уровнем личностного адаптационного потенциала в процессе профессионального обучения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 4(88). С. 174–182.
 24. Цветков В. Л., Хрусталева Т. А. Проблемы содержательно-динамической характеристики профессиональной мотивации сотрудников полиции // Психология и педагогика служебной деятельности. 2023. № 1. С. 54–58.
 25. Стрельникова Ю. Ю., Гончарова Н. А. Психологические особенности профессиональной востребованности и мотивации сотрудников полиции // Психология и право. 2023. Т. 13, № 1. С. 27–39.
 26. Носс И. Н., Федотов А. Ю. Ценностная спецификация в личностно-профессиональной мотивации сотрудников правоохранительных органов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2025. Т. 30, № 2(101). С. 137–146.
- Поступила 20.07.2025; одобрена после рецензирования 30.07.2025; принята к публикации 25.12.2025.
Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-практическая статья

УДК 316.6 © Терехин Р. А., Прокофьева В. А., Белюшина И. В., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-1104-21-27

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология

Особенности формирования психологической готовности к действиям в условиях террористической угрозы

Роман Алексеевич Терехин, кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры общей и прикладной психологии¹; r87terekhin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2238-6640>

Виктория Альбертовна Прокофьева, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и прикладной психологии¹; nastenka66@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0245-4861>

Ирина Валентиновна Белюшина, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры общей и прикладной психологии¹; irina_valent@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0004-0061-0375>

¹ Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург, 198206, ул. Летчика Пилутова, 1, Россия

Реферат. Введение. В условиях современной геополитической напряженности и социально-экономической обстановки весьма актуальной становится проблема психологической готовности населения к действиям в условиях террористической угрозы. Цель — подготовка программы формирования психологической готовности обучающихся и преподавателей общеобразовательных организаций к действиям в условиях террористической опасности. **Материалы и методы.** В качестве основных методов формирования умений и навыков поведения заложников выступили тренинговые упражнения. Общее количество испытуемых 598 человек (обучающиеся и педагогический состав средней образовательной школы). **Результаты и обсуждение.** Разработана и апробирована программа формирования психологической готовности к поведению заложника в условиях захвата образовательного учреждения, включающая в себя 4 основных этапа. Выделены основные поведенческие ошибки обучающихся и педагогического состава в условиях террористической угрозы, намечены пути устранения данных ошибок. **Выводы.** Внедрение в практику образовательных организаций программ теоретико-прикладных учений, направленных на отработку поведенческих навыков в случае террористической угрозы, способствует формированию психологической готовности участников образовательного процесса к действиям в условиях террористической угрозы.

Ключевые слова: психологическая готовность, психология заложника, образовательные организации, психологический тренинг

Для цитирования: Терехин Р. А., Прокофьева В. А., Белюшина И. В. Особенности формирования психологической готовности к действиям в условиях террористической угрозы // Психопедagogика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 1(104). С. 21–27. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-1104-21-27>

Scientific and Practical Article

UDC 316.6 © Terekhin R. A., Prokofieva V. A., Belyushina I. V., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-1104-21-27

5.3.5. Social Psychology, Political and Economic Psychology

Characteristics of Formation of Psychological Readiness to Act in Conditions of Terrorist Threat

Roman A. Terekhin, Candidate of Science (in Psychology), Associate-Professor, chief of the chair of General and Applied Psychology¹; r87terekhin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2238-6640>

Viktoria A. Prokofieva, Candidate of Science (in Psychology), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of General and Applied Psychology¹; nastenka66@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0245-4861>

Irina V. Belyushina, Candidate of Science (in Pedagogy), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of General and Applied Psychology¹; irina_valent@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0004-0061-0375>

¹ Saint Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, 1, Letchik Pilyutov st., St. Petersburg, 198206, Russia

Abstract. Introduction. Under conditions of modern geopolitical tension and the socio-economic situation, the problem of the psychological readiness of the population to act in the context of a terrorist threat is becoming very urgent. The objective is to prepare a program for psychological readiness of students and teachers of general education organizations for actions in conditions of terrorist threat. **Materials and Methods.** The main methods of forming skills and abilities to deal with hostages' behavior included training exercises. There were 598 respondents (students and teaching staff of a secondary school). **Results and Discussion.** The authors developed and tested a program to form psychological readiness for hostage's behavior in conditions of capturing an educational institution, which includes 4 main stages. The main behavioral errors of students and teachers in conditions of terrorist threat are revealed, the ways to tackle these errors outlined. **Conclusions.** Introduction into the practice of educational organizations programs of theoretical-applied exercises aimed at testing behavioral skills in case of terrorist threat contributes to the formation of psychological readiness of participants of the educational process for actions under the threat of terrorism.

Keywords: psychological readiness, hostage's behavior, educational organizations, psychological training

Citation: Terekhin R. A., Prokofieva V. A., Belyushina I. V. Characteristics of Formation of Psychological Readiness to Act in Conditions of Terrorist Threat. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 1(104). Pp. 21–27 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-1104-21-27>

Основные положения

1. Основу программы формирования психологической готовности к действиям в качестве заложника в условиях захвата образовательного учреждения составляют этап теоретической подготовки для формирования когнитивного компонента готовности и этап формирования практических умений и навыков, реализуемый в форме проведения тренинговых упражнений для формирования поведенческого компонента готовности.

2. Поведенческие реакции заложников в условиях захвата образовательного учреждения имеют свою специфику, а формирование правильного поведения и психологической готовности к экстремальной ситуации является залогом сохранения жизни как можно большего количества людей, оказавшихся в условиях террористической опасности.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Современный этап общественного развития характеризуется не только интенсивным прогрессом и внедрением новых технологий, облегчающих нашу жизнь, но и возникновением экстремальных ситуаций, представляющих угрозу как всему обществу, так и жизни отдельных граждан, в том числе и детей. Статистические данные свидетельствуют о том, что у населения Земли на руках находится более 640 млн единиц огнестрельного оружия, не менее половины из которого принадлежит гражданам США на законных основаниях [1; 2].

За последние десятилетия практика захвата террористами и прочими преступными элементами невинных людей в качестве заложников стала весьма распространенным «оружием террора». Современный терроризм можно определить как систему использования насилия для принуждения к совершению тех или иных действий в пользу террористов, для реализации угроз по отношению к определенным лицам или группам, объектам жизнеобеспечения общества, источникам повышенной опасности для людей или окружающей среды.

Существует термин, обозначающий вооруженное нападение обучающегося или стороннего человека на школьников внутри учебного заведения, — скулшутинг (от англ. school — школа, shooting — стрельба).

За рубежом случаи стрельбы в школе и захвата заложников имеют еще более давнюю историю, чем в нашей стране, они известны с начала XX в. и характеризуются тенденцией к распространению на территории всего земного шара. Чаще всего подобные случаи

происходили в странах, где продажа огнестрельного оружия легализована. В частности, США занимают первое место в мире по массовым убийствам в учебных заведениях [3–5]. Случаи вооруженного захвата учебного заведения и массового расстрела школьников и педагогов также зафиксированы в Азербайджане, Канаде, Германии, Финляндии, Чехии, Сербии, Китае, Швеции и др. Несмотря на строгое законодательное регулирование владения огнестрельным оружием в Японии, эта страна не избавлена от подобных явлений, но с использованием холодного оружия.

Учитывая высокое количество актов нападения на учебные заведения в США, а также степень угрозы, государственные органы, ученые и общественность разработали меры по борьбе с скулшутингом [6]. Так, было рекомендовано официально создать многопрофильную группу по оценке угрозы безопасности школы из числа работников образовательных организаций. В группу по оценке угрозы безопасности школы должны входить специалисты от школьных психологов до опытных классных руководителей. Для обеспечения безопасности и сохранения жизни участников образовательного процесса в некоторых учебных заведениях, например в США, Тайланде и Израиле, не только разрешалось педагогам иметь огнестрельное оружие в школе, но и требовалось пройти специальную подготовку по владению оружием.

Долгое время массовые убийства в учебных заведениях в нашей стране были крайне редкими [7]. Однако комплекс причин военно-политического, экономического, социального и психолого-педагогического характера спровоцировал скулшутинг и обострил необходимость изучения данной проблемы с разных сторон.

Только в нашей стране произошли события, повлекшие за собой смерти ни в чем не повинных людей: террористический акт в г. Беслане (1 сентября 2004 г.), массовые убийства в политехническом колледже г. Керчи (17 октября 2018 г.), в гимназии № 175 г. Казани (11 мая 2021 г.), в детском саду п. Вешкайм Ульяновской области (26 апреля 2022 г.), в средней общеобразовательной школе № 88 г. Ижевска (26 сентября 2022 г.), жертвами которых стали более трехсот человек, преимущественно дети и подростки. И это только перечень преступлений, совершенных за последние десятилетия в нашей стране и унесших жизни безвинных жертв. А сколько еще было предпринято аналогичных попыток посягательств на участников образовательного процесса, не приведших к смертельному исходу.

Несмотря на то что, по данным Российской криминологической ассоциации, три из четырех возможных скулшутингов в России отслеживаются и предупреждаются, проблема безопасности участников образовательного процесса продолжает оставаться актуальной и требует оказания целенаправленной помощи педагогическому коллективу и обучающимся, оказавшимся в экстремальной ситуации, связанной с угрозой их жизни [8].

Необходимо отметить, что социально-криминологическая и психологическая природа рассматриваемой категории преступлений является малоизученной как в отечественной, так и в зарубежной науке и практике, поэтому требуется углубленное развитие накопленных знаний для осуществления эффективных мер по предупреждению подобных преступлений.

В образовательных учреждениях нашей страны лишь учения по пожарной безопасности являются обязательными. Но очевидно, что наличие алгоритма действий в конкретных ситуациях, а также их тренировка помогут слаженным и эффективным действиям в ситуации опасности, что будет способствовать предупреждению трагедии.

Целью исследования является подготовка программы формирования психологической готовности обучающихся и преподавателей общеобразовательных организаций к действиям в условиях террористической опасности.

Теоретические предпосылки, обзор и степень изученности проблемы. Для осуществления психологического анализа поведения заложников в условиях захвата образовательного учреждения целесообразно обратиться к изучению психологии толпы [9–11], так как механизмы возникновения реакций и особенности их проявления имеют сходство. Особое внимание в психологической науке уделяется изучению социально-психологических аспектов терроризма [8; 12; 13], психологического обеспечения антитеррористической деятельности, в том числе переговорной деятельности при захвате заложников. Конечные цели захвата заложников бывают разные. Поэтому важной представляется разработка сценариев психологического воздействия на участников террористического акта [10].

Специфика поведения жертв терроризма, а также особенности их поведенческих реакций на данный момент являются малоизученными в теории и слабо проработанными в практической сфере [10; 13–15]. К психологическим последствиям терроризма можно отнести негативное воздействие на психоэмоциональное здоровье человека. Смысл психической травмы заключается в том, что люди, перенесшие стрессовое событие, через некоторое время могут обнаружить, что они не в состоянии жить и взаимодействовать

в обществе, справляясь с возникающими жизненными проблемами по-прежнему. Посттравматическому стрессу подвержены как непосредственно жертвы, так и «зрители», которые стали свидетелями травматического события или узнали о нем через средства массовой информации.

С учетом разнообразных способов захвата и мотивов совершения нападения на мирных жителей (от «случайного стрелка» до организованного террористического акта в составе организованной преступной группы), осуществления различных видов насилия (физического и психического) тактика поведения жертв должна иметь свои особенности, что должно быть сформировано в виде необходимых компетенций у всех, кто может оказаться в зоне риска.

Безусловно, общество не в силах повлиять на мысли, чувства и поведение преступников, террористов и убийц, однако психологическая наука может оказать существенную помощь и поддержку случайным жертвам, которые были включены в систему экстремальных событий помимо собственной воли и претерпевают всю тяжесть этих бесчеловечных актов [8; 14; 16].

Известно, что поведение человека в различных ситуациях предполагает соответствующий способ его выполнения, который характеризуется определенным порядком действий [10; 15; 17]. Поведение закрепляется не сразу, а путем систематического повторения действий, в связи с чем его можно и необходимо формировать.

Обученность человека поведению в экстремальных ситуациях будет способствовать его эффективному приспособлению к жизни после освобождения [8; 16], его поведение будет более спокойным и адекватным, и при необходимости он сможет дать более полную и объективную информацию о происшедшем, а также облегчить или нейтрализовать негативное воздействие на психику и предупредить возникновение посттравматического синдрома.

Есть основания полагать, что использование современных психологических технологий формирования навыков поведения и действий в ситуации захвата заложников позволяет повысить эффективность антитеррористической деятельности по сохранению жизни и здоровья заложников, обеспечению безопасности и поддержанию общественного порядка.

Материалы и методы

В качестве испытуемых выступили обучающиеся и педагогический состав средней образовательной школы № 290 Красносельского района г. Санкт-Петербурга. В качестве основных методов формирования навыков поведения заложников выступили тренинговые упражнения. Общее количество испытуемых — 598 человек (обучающиеся и педагогический состав средней образовательной школы).

Результаты и обсуждение

Информированность обучающихся в вопросах террористической угрозы. Внимание к данной проблематике обусловлено отсутствием специальной подготовки и незащищенностью перед вызовами времени всех субъектов образовательного процесса — от самых младших школьников до всего педагогического коллектива в целом. Так, на первом этапе эмпирического исследования было проведено анкетирование о степени информированности обучающихся в вопросах террористической угрозы (рис. 1).

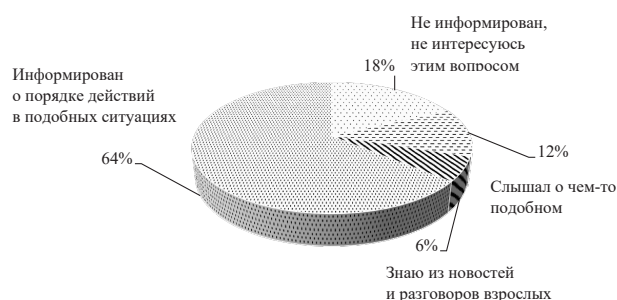

Рис. 1. Степень информированности обучающихся в вопросах террористической угрозы в школе и других общественных местах
(Fig. 1. The level of students' awareness concerning terrorist threat in school and other public places)

В ходе анкетирования обучающихся школы № 290 Красносельского района г. Санкт-Петербурга только 64% из них отмечают свою информированность о порядке действий в ситуации террористической угрозы; 18% всех опрошенных обучающихся, к сожалению, даже не интересуются подобным вопросом (рис. 1).

При этом сами обучающиеся далеко не всегда обращают внимание на информацию о нападении вооруженных людей. Результаты анкетирования представлены на рис. 2.

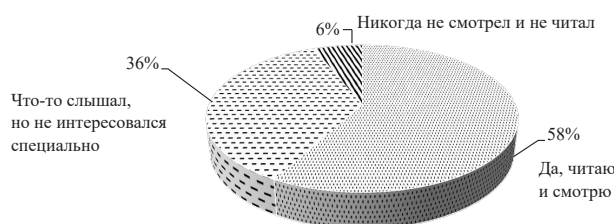

Рис. 2. Особенности информационной осведомленности обучающихся о риске террористической угрозы в образовательном учреждении
(Fig. 2. Peculiarities of students' awareness concerning risk of terrorist threat at an educational organization)

Как отражено на рис. 2, осведомленных о возможных прецедентах и рисках террористической угрозы оказывается немногим больше половины — 58%; 6% респондентов вообще никогда не просматривали и не читали подобную информацию, оставшиеся 36% школьников «что-то слышали, но специально не интересовались».

Учитывая вышесказанное, авторы разработали программу формирования психологической готовности к поведению заложника в условиях захвата образовательного учреждения и реализовали на базе средней общеобразовательной школы № 290 Красносельского района г. Санкт-Петербурга.

Программа формирования психологической готовности к поведению заложника в условиях захвата образовательного учреждения. Данная программа включала в себя следующие этапы:

1. *Подготовительный этап.* Его целью является диагностика информированности участников образовательного процесса об особенностях поведения в экстремальных условиях захвата школы. В рамках данного этапа было проведено анкетирование, результаты которого выступили методологическим основанием для разработки последующих мероприятий и мониторинга эффективности проведенных учений. Фрагменты результатов анкетирования представлены выше и будут освещены в дальнейшем.

2. *Этап теоретической подготовки* формирования психологической готовности к поведению заложника в условиях захвата образовательного учреждения, включающий организацию и проведение информирования по изучаемой проблеме всех участников образовательного процесса, начиная с учеников младших классов и заканчивая педагогическим коллективом школы.

С этой целью разрабатывался теоретический материал, который содержал обоснование актуальности проблемы, тактику и универсальные правила поведения в условиях захвата школы, взятия в заложники и штурма образовательного учреждения в целях освобождения от захвата. Процесс информирования сопровождался демонстрацией презентационных слайдов и учебного видеофильма.

Особое внимание было уделено анализу отрицательных эмоциональных состояний, возникающих у жертв, от страха до паники, возможных ошибок, которые совершают люди в данном состоянии, а также способам управления стрессом и сохранения самообладания.

В рамках раскрытия данной темы и информирования участников образовательного процесса были отражены исследования «болезни колючей проволоки» (которая возникает у людей как реакция на насильственное ограничение свободы и сопровождается чувством апатии, смирения как защитным механизмом психики) и стокгольмского синдрома (синдрома заложника, начинающего испытывать чувство эмпатии к своему захватчику).

Мы посчитали, что наиболее целесообразно разделение всех школьников на потоки по ступеням образования — школьники начальных классов, обучающиеся среднего звена и старшеклассники, что предполага-

ло доведение информации с учетом их социально-психологических и возрастных особенностей.

Важным элементом данного этапа работы была эмоциональная составляющая, побуждающая проникнуться важностью изучаемой проблемы и создающая необходимый настрой для усвоения материала, что достигалось за счет использования специально подобранного музыкального сопровождения, объявления минуты молчания в память о погибших в террористических актах жертвах.

3. *Этап формирования практических умений и навыков* поведения заложника в условиях захвата школы. Был осуществлен подбор тренировочных упражнений, способствующих усвоению полученных знаний и выработке практических умений вести себя в экстремальной ситуации захвата в заложники.

Комплекс тренировочных упражнений был разбит на несколько учебных психологических площадок, каждая из которых предусматривала выполнение участниками упражнений, направленных на достижение определенных целей, таких, например, как оказание самопомощи и первой психологической помощи при экстремальной ситуации, формирование знаний психологии заложника, формирование слаженных действий и уверенного поведения.

Весь педагогический коллектив и обучающиеся старших классов последовательно друг за другом в составе групп численностью 15–20 человек проходили через учебные психологические площадки, отрабатывая упражнения и формируя необходимые навыки поведения в ситуации захвата школы.

4. *Этап отработки сформированных знаний, умений и навыков* в условиях, приближенных к реальным событиям. На конечном этапе реализации программы были осуществлены учения по отработке полученных знаний и умений на практике. В условиях, приближенных к реальным, были имитированы нападение и захват школы с соответствующим шумовым эффектом, с привлечением военнотружущих войск национальной гвардии, военно-медицинской академии, МЧС. Данный этап, несмотря на имитацию экстремальной ситуации, наглядно продемонстрировал усвоение участниками образовательного процесса школы полученных знаний, применение их на практике, а также позволил выявить ошибки их поведения и наметить пути их устранения.

Анализ слаженности практических действий педагогического коллектива, обеспечивающих безопасность обучающихся. В ходе учений совершенствовалась слаженность деятельности педагогического коллектива, направленной на принятие решений и осуществление действий, обеспечивающих безопасность обучающихся, отрабатывались навыки помощи пострадавшим в чрезвычайной ситуации, самопомощи, умение выдерживать изоляцию, схемы эвакуации при захвате заложников.

Анализ листов наблюдений показал, что педагогический коллектив и обучающиеся в подавляющем большинстве ситуаций действовали слаженно, в соответствии с инструкциями. Типичные реакции обучающихся представлены на рис. 3.

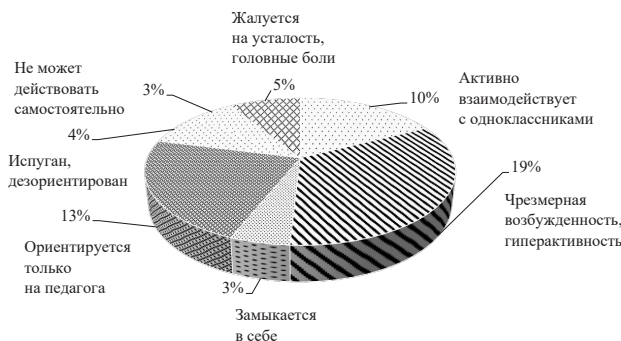

Рис. 3. Типичные реакции обучающихся в ходе учений (Fig. 3. Typical reactions of students during the training)

По результатам анализа листов наблюдений необходимо отметить, что обучающиеся были четко проинструктированы, в большинстве ситуаций действовали слаженно, согласно указаниям педагогов. Большинство школьников своевременно включались в обстановку, могли самостоятельно принимать решение и взаимодействовать со взрослыми. Последовательность действий знают и выполняют уверенно. Учащиеся кадетских классов оказывали помощь ученикам других классов. Находясь в изолированном помещении, некоторые учащиеся использовали приемы саморегуляции. Это свидетельствует о том, что мероприятие имело обучающий, развивающий и воспитательный характер.

Несмотря на общую организованность, в действиях педагогического коллектива можно отметить некоторую хаотичность. Типичные реакции педагогов представлены на рис. 4.

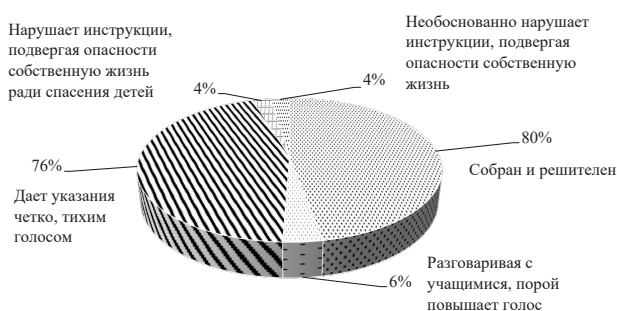

Рис. 4. Типичные реакции педагогов в ходе учений (Fig. 4. Typical reactions of teachers during the training)

Старший руководитель не сразу сориентировался в порядке действий, а через несколько минут. В дальнейшем организация эвакуации пострадавших прошла без заминок, первую помощь оказали. Наряду с этим, некоторые педагоги вносят сумятицу и панику в происходящее слишком поспешными действиями. Сложно назвать согласованными некоторые действия педагогов и администрации образовательного учреж-

дения. Например, спасателям так и не передали данные о количестве пострадавших, отправили учащихся с носилками в задымленное помещение без средств индивидуальной защиты, хотя спасатели уже прибыли на место. Одна из учителей побежала в задымленное помещение спасать раненых. В итоге спасатели эвакуировали ее саму как пострадавшую.

Эффективность проведенных учений отражает динамика ответов учащихся на вопрос о необходимости и целесообразности проведения подобных мероприятий в образовательном учреждении. Данные представлены в виде сводной гистограммы (рис. 5).

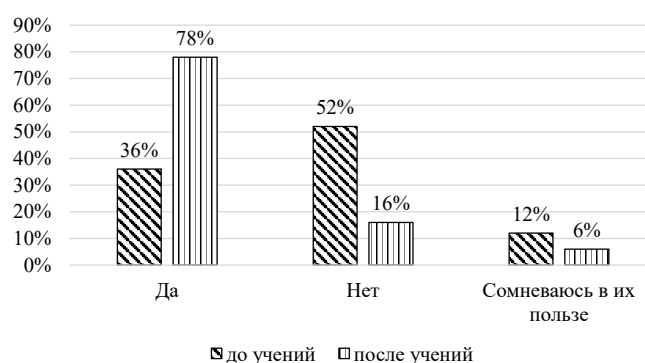

Рис. 5. Оценка необходимости и целесообразности проведения специальных занятий по отработке действий в случае нападения вооруженных людей на школу («глазами» учащихся)

(Fig. 5. Assessment of necessity and reasonability of conducting special lessons to practice actions in case of armed people attacking school (as viewed by students))

Как показывает анализ полученных результатов, заинтересованность в проведении учений и информационно-практических мероприятий возрослакратно: с 36 до 78% после проведения комплекса мероприятий.

Таким образом, формирование правильного поведения и психологической готовности к экстремальной ситуации является залогом сохранения жизни как можно большего количества заложников.

Выводы

1. В ходе первичного анкетирования обучающихся общеобразовательной школы были обнаружены существенные пробелы в информированности о порядке действий в ситуации террористической угрозы и, как следствие, фиксировалась низкая готовность к активным целенаправленным действиям в подобных условиях.

2. На основании результатов диагностики была разработана программа формирования психологической готовности к поведению заложника в условиях захвата образовательного учреждения. Программа включает четыре основных этапа и способствует как углублению теоретических знаний, так и отработке практических умений и формированию навыков осознанного поведения в экстремальной ситуации.

3. Результаты контрольного диагностического среза показали эффективность предлагаемых мероприятий, а также позволили наметить пути дальнейшего совершенствования комплекса мероприятий, направленных на повышение уровня безопасности коллектива общеобразовательной школы в условиях возникновения террористической угрозы.

Рекомендации. На основе проведенной работы можно сформулировать следующие рекомендации по формированию психологической готовности к поведению заложника в условиях захвата образовательного учреждения:

1. Разработка и внедрение в образовательный процесс учебных заведений программы специального курса по обучению способам оказания первой помощи раненым и пострадавшим, самопомощи и саморегуляции психоэмоционального состояния в критических ситуациях.

2. Информирование учащихся и сотрудников педагогического коллектива о возможных действиях в случае террористической угрозы. Доведение инструкций о порядке и последовательности действий в экстремальных ситуациях.

3. Отработка порядка действий и взаимодействия администрации и педагогического коллектива образовательного учреждения.

4. Регулярное информирование родителей школьников (в том числе на родительских собраниях и при взаимодействии с представителями родительского комитета школы) о целесообразности ознакомительных бесед с детьми и подростками о риске террористической угрозы и об особенностях действий и поведения в экстремальных ситуациях.

5. Внедрение в практику образовательных учреждений программы теоретико-прикладных учений, направленных на отработку поведенческих навыков в случае террористической угрозы.

Область применения и перспективы. Апробированный комплекс мероприятий можно воспроизводить при проведении занятий по вопросам безопасности, разработке и внедрении в практику общеобразовательных учреждений правил поведения в экстремальных ситуациях, а также при обучении навыкам оказания первой помощи.

Представленные теоретические материалы целесообразно использовать при разработке и распространении информационных материалов (плакаты, памятки, видеоролики) с инструкциями по действиям в случае террористической угрозы в общеобразовательном учреждении.

Кроме того, разработанные упражнения и система взаимодействия с образовательным учреждением могут быть положены в основу планирования регулярных учений по эвакуации и другим мероприятиям, связанным с террористической угрозой,

а также при разработке тренингов и практических занятий в целях повышения информированности и мобильности обучающихся и педагогических коллективов.

Таким образом, перспективы исследования проблемы формирования психологической готовности населения к действиям в условиях террористической

угрозы мы видим в изучении факторов, повышающих степень усвоения умений и навыков действий в подобной экстремальной ситуации, применении и апробации программы формирования данной готовности не только в рамках организаций общего профессионального образования, но и в рамках других социальных институтов.

Список источников / References

1. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage, 1992. 211 p.
2. Соснин В. А., Нестик Т. А. Современный терроризм: Социально-психологический анализ. М., 2008. 240 с.
3. Олышанский Д. В. Психология терроризма. СПб., 2002. 288 с.
4. Агуирре К. Х. Э. Психологические аспекты воздействия терроризма на общество. СПб., 2005. 128 с.
5. Ланцов С. А. Террор и террористы. СПб., 2004. 184 с.
6. James C. McKinley Jr.: In Texas School, Teachers Carry Books and Guns. New York Times. August 28. 2008. 324 p.
7. Суходольская Ю. В. Массовое убийство в образовательных организациях как объект криминологического исследования : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 210 с.
8. Соснин В. А. Психология современного терроризма : учеб. пособие. М., 2017. 160 с.
9. Назаретян А. П. Психология стихийного массового поведения. М., 2001. 158 с.
10. Решетников М. М. Общие закономерности в динамике состояния, поведения и деятельности людей в экстремальных ситуациях с витальной угрозой: отдаленные последствия и реабилитация пострадавших // Вестник психотерапии. 2004. № 12(17). С. 97–110.
11. Сигеле С. Преступная толпа: Опыт коллективной психологии / пер. с фр. С. Сигеле. М., 2011. 124 с.
12. Дробижева Л. М., Паин Э. А. Политический экстремизм и терроризм: социальные корни проблемы // Век толерантности. 2003. № 5. С. 26–39.
13. Зверев В. О., Шевченко С. В., Юрицин А. Е. Психолого-правовые основы экстремальной коммуникации в условиях захвата заложников (библиографический обзор) // Вестник Омской юридической академии. 2014. № 1(22). С. 50–55.
14. Мельник И. К., Кочукаев Н. Т., Хазов Е. Н. Ведение переговоров с преступниками с целью освобождения заложников в ходе проведения контртеррористических операций (исторический обзор) // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 7. С. 30–38.
15. Терехин Р. А. Социально-психологические детерминанты психологической готовности военнослужащих к изменению служебной ситуации в процессе военно-профессиональной социализации : монография. СПб., 2020. 88 с.
16. Безносков Д. С., Почебут Л. Г. Психология терроризма и толпы : учеб. пособие / под ред. В. П. Сальникова. СПб., 2006. 266 с.
17. Терехин Р. А., Прокофьева В. А., Утюганов А. А. Диагностика психологической готовности военнослужащих к выполнению служебно-боевых задач : монография. СПб., 2024. 112 с.

Поступила 17.04.2025; одобрена после рецензирования 20.05.2025; принята к публикации 30.09.2025.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-теоретическая статья

УДК 316.6 © Ворожейкин С. А., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-1104-28-34

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология

Социально-психологические факторы радикализации сознания российской молодежи

Сергей Андреевич Ворожейкин, кандидат психологических наук, преподаватель кафедры военной педагогики и психологии¹;
vorozhon@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2231-8808>

¹ *Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 410023, Саратов, ул. Московская, 158, Россия*

Реферат. Введение. Проведен теоретический анализ социально-психологических причин радикализации сознания российской молодежи. Цель — изучение и определение значимых социально-психологических факторов, оказывающих существенное влияние на радикализацию сознания молодежи, для дальнейшего эмпирического исследования. **Материалы, результаты и обсуждение.** Определены необходимые условия, способствующие формированию антитеррористического мировоззрения и антиэкстремистского сознания у молодежи на современном этапе развития российского общества. Рассмотрены особенности социально-психологических процессов, оказывающих влияние на мировоззрение молодежи, возникающих с развитием информационно-телекоммуникационной сети Интернет и связанных с ней явлений и феноменов, таких как саморадикализация, скулшутинг, группы смерти, деструктивные субкультуры и др. **Выводы.** Противодействие радикализации сознания молодежи требует комплексного подхода, прежде всего купирования факторов, способствующих этому процессу. Выдвигается предположение о том, что процессы милитаризации современного российского общества способны стать «заграждающей» технологией на пути распространения идей радикализма и фундаментом для формирования конструктивного мировоззрения.

Ключевые слова: социально-психологические факторы, терроризм, экстремизм, идеология, мировоззрение, милитаризация

Для цитирования: Ворожейкин С. А. Социально-психологические факторы радикализации сознания российской молодежи // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 1(104). С. 28–34. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-1104-28-34>

Scientific and Theoretical Article

UDC 316.6 © Vorozheikin S. A., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-1104-28-34

5.3.5. Social Psychology, Political and Economic Psychology

Socio-Psychological Factors of Russian Youth Consciousness' Radicalization

Sergey A. Vorozheikin, Candidate of Science (in Psychology), Lecturer at the chair of Military Pedagogy and Psychology¹;
vorozhon@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2231-8808>

¹ *Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, 158, Moskovskaya st., Saratov, 410023, Russia*

Abstract. Introduction. The paper comprises a comprehensive theoretical analysis of social and psychological causes of radicalization of Russian youth consciousness. The mission is to study and determine significant socio-psychological factors having a significant influence on the radicalization of youth consciousness for further empirical research. **Materials, Results and Discussion.** The author establishes necessary conditions that contribute to the formation of anti-terrorist worldview and anti-extremist consciousness among young people at the current stage of development of Russian society. Under consideration are the features of socio-psychological processes having influence on the worldview of young people connected with the development of information and telecommunication network "Internet" and related phenomena, such as self-radicalization, "schoolshooting", "groups of death", destructive sub-cultures, etc. **Conclusions.** Counteracting the radicalization of the consciousness of young people requires a comprehensive approach, first of all to eliminate the factors that contribute to this process. There is an assumption that the processes of militarization of modern Russian society can become a "locking" technology on the way of spreading ideas of radicalism and the foundation for the formation of a constructive worldview.

Keywords: socio-psychological factors, terrorism, extremism, ideology, worldview, militarization

Citation: Vorozheikin S. A. Socio-Psychological Factors of Russian Youth Consciousness' Radicalization. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 1(104). Pp. 28–34 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-1104-28-34>

Основные положения

1. Возрастные кризисы, подростковый возраст и сопутствующие ему психофизиологические процессы стимулируют нигилизм по отношению к общественным авторитетам и протестную активность молодежи как способ самоутверждения в социуме.

2. Внутриличностный конфликт между «Я-реальным» и «Я-идеальным». Неудовлетворенность своей социальной ролью, своим текущим положением оказывает фрустрирующее влияние, что приводит к поиску компенсаторных стратегий поведения, в том числе через радикальные идеи.

3. Социально-экономические причины. Существенный разрыв в уровне благосостояния граждан, доступности различных социальных благ и «социальных лифтов» вызывает чувство тревоги, запускающее девиантные формы поведения как способа обойти имеющиеся ограничения.

4. Информационное пространство. Наиболее широкой площадкой для инспирирования радикальной идеологии в обществе на сегодняшний день является информационно-телекоммуникационная сеть Интернет.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Молодое поколение является одной из наиболее уязвимых социальных групп по отношению к угрозам распространения экстремистской идеологии. Это вызвано социально-психологическими особенностями периода взросления и социализации молодежи, а также той колоссальной информационной нагрузкой, которую испытывают лица этого возраста в современных реалиях, связанных с потоком данных в телекоммуникационной сети Интернет.

Определение генезиса социально-психологических условий формирования антитеррористического и антиэкстремистского мировоззрения молодежи на современном этапе имеет неопределимую практическую значимость для организации и проведения профилактических мероприятий в целях искоренения этих явлений из жизни российского общества.

Отсутствие целенаправленной государственной программы по формированию конструктивного мировоззрения, навыков критического мышления, логики как обязательной дисциплины для общеобразовательных учреждений, способствующей развитию аналитического мышления, конструктивизма и осознанности, в контексте происходящих военно-политических и социально-экономических процессов в стране и мире делает информационное воздействие в более зрелом возрасте, направленное на формирование нетерпимости к идеологии экстремизма и терроризма, малоэффективным.

Цель — изучение и определение значимых социально-психологических факторов, оказывающих

существенное влияние на радикализацию сознания молодежи.

Материалы, результаты и обсуждение

На данный момент учеными в области общественных наук отмечается активный процесс сепарации поколения Альфа, для которого, в отличие от предыдущих поколений X, Y и Z, по классификации Нейлома Хоува и Уильяма Штрауса, характерны повышенная агрессивность, конфликтность, эгоцентризм, высокая требовательность к окружающим, прагматичность, эмоциональная нестабильность, отсутствие просоциальной направленности, проблемы с концентрацией памяти и внимания [1].

Неокрепшие, молодые умы, отравленные суррогатами постмодернистской западной культуры, легко поддающиеся психологическим манипуляциям через многократно отработанные в ходе «цветных революций» технологии, являются благоприятной почвой для взращивания идеологии экстремизма и терроризма [2]. Это требует от органов государственной власти и общественных институтов создания необходимых социально-психологических условий, которые способствовали бы формированию у молодежи антитеррористического мировоззрения как неотъемлемого качества современного гражданина нашего государства, в отношении которого непрерывно растет негативное информационно-психологическое воздействие, оказываемое информационными ресурсами и специальными службами стран коллективного запада.

Мировое сообщество единогласно сходит в во мнении о необходимости организованной борьбы с экстремистскими и террористическими организациями по всему миру. При очевидной неизбежности борьбы с проявлениями экстремизма и терроризма такой подход оказывается вторичным, выступая против последствий, в то время как ключевые результаты, на наш взгляд, должны достигаться путем профилактики возникновения подобных угроз, где создание благоприятных социально-психологических условий для социализации молодежи — одно из приоритетных направлений.

Интернет как источник угроз. Наиболее широкой площадкой для инспирирования радикальной идеологии в обществе на сегодняшний день служит информационно-телекоммуникационная сеть Интернет, она, как ящик Пандоры, вместе с очевидной пользой всеобщей доступности информации принесла миру и многочисленные угрозы, скорость борьбы с которыми значительно уступает скорости их появления.

Исследователи в области информационной безопасности в интернете указывают на наличие существенных пробелов в законодательстве, особенно когда дело касается несовершеннолетних пользователей [3, с. 368]. Тогда как современный интернет переполнен

деструктивным контентом разной степени радикальности, часто находящегося в свободном доступе.

Психологический механизм вовлечения молодого поколения в деятельность деструктивных организаций экстремистской и террористической направленности базируется, прежде всего, на переживании негативных психологических состояний, вызванных разочарованием подростков в реалиях жизни, которые приводят к социальной дезадаптации и фрустрации. Именно такое ослабленное состояние психики подростков наиболее подвержено суггестивному воздействию и манипулятивному контролю сознания, когда в силу своей текущей дезориентации они просто не способны на критический анализ появляющейся информации. Более того, основное смысловое содержание деструктивных идеологий поступает в сознание имплицитно вместе с информацией, не требующей подтверждения, что делает его сложным для обнаружения.

Молодые люди, не сумевшие найти конструктивные способы самовыражения, взаимодействия с социумом, оказавшиеся один на один со своими жизненными трудностями и духовно-мировоззренческим самоопределением, становятся идеальными объектами для внедрения в их сознание радикального нарратива, заменяющего ценностные ориентации с традиционных на экстремистские [4].

Важным для понимания механизма экстремизации сознания молодежи является тот факт, что вне системы социальных институтов психолого-педагогическое воздействие, оказываемое на молодое поколение, имеет хаотичный характер, как совокупность всех стимулов внешней среды, в то время как воздействие экстремистских и террористических организаций, напротив, ведется систематически, методично и точно, вскрывая слабые места в системе социализации, обучения и воспитания подрастающего поколения [5].

Особую озабоченность вызывает тот факт, что запрещенные организации часто используют различные психоактивные вещества, к которым молодое поколение проявляет особый интерес. Употребление психоактивных веществ приводит к подавлению воли человека, потере самостоятельной жизненной позиции и способности к критическому анализу ситуации, формируется психофизиологическая зависимость от источника получения наркотических веществ. Широкое привлечение молодежи в деятельность по обороту наркотиков создает своего рода субкультуру вне рамок социальных норм морали и нравственности, связанную с культом потребления, «прожигания жизни», без обязательств и ответственности, что также выступает благоприятной почвой для проявления экстремизма, вторящего основным мотивам подобного поведения. Кроме того, наркозависимыми и вовлеченными в деятельность наркомафии легко манипулировать, оказывая на них

психологическое давление либо через доступ к психоактивному веществу, либо под угрозой уголовного наказания в случае раскрытия факта причастности к правонарушению.

Отдельного внимания заслуживает феномен саморадикализации как наименее предсказуемый и представляющий наибольшие трудности в обнаружении и профилактике, связанный прежде всего с индивидуальными психологическими особенностями личности. Индивид, подвергаящий себя саморадикализации, занимается активным поиском интернет-контента деструктивного содержания. Предпосылками к такого рода поведению в молодежной среде могут служить различные социально-психологические факторы, например: социальная депривация подростков; буллинг сверстников или целенаправленный кибербуллинг; газлайтинг со стороны взрослых; дегуманизация какой-либо социальной группы по признакам расы, национальности, вероисповедания; высокая степень геймификации повседневной деятельности, приводящей к значительному отрыву от объективной реальности, и т. д. Эти факторы могут порождать депрессивное состояние, характеризующееся проявлением агрессии к окружающим, недовольством своей социальной ролью, или, наоборот, реакцию эскейпизации и поиск других стратегий поведения, в том числе радикальных.

На фоне переживания отрицательных психоэмоциональных состояний подростки ищут интернет-контент, который оказывал бы поддерживающую функцию, подкрепляя их негативную оценку окружающей социальной действительности [6, с. 63]. Такой поиск неминуемо приводит их к знакомству с экстремистским контентом. Активное погружение в радикальные псевдоидеи, поощряющие крайние формы поведения, позволяют молодежи, не затрачивая свои интеллектуальные ресурсы, проходя трудоемкий процесс социализации и личностного роста, находить ответы на волнующие их вопросы социальных отношений, свое место в этом мире, основываясь лишь на эмоционально насыщенных постулатах радикальной идеологии, потворствующих их ошибочным представлениям и маскирующих существующие у них психологические проблемы.

Саморадикализация также может привести их к знакомству с феноменом скулшутинга или к вступлению их в так называемую интернет-субкультуру колумбайнеров. Ученые, исследующие данную проблематику, сходятся во мнении, что нельзя выделить универсальную причину совершения скулшутинга, однако можно определить основные социально-психологические факторы, способствующие саморадикализации подростков по подобному сценарию: социальную изоляцию, самодепривацию, социальную роль изгоя, «белой вороны»; психологические расстройства, заболевания,

деструктивные акцентуации черт характера; отсутствие возможности самовыражения; необъективную оценку результатов успеваемости и др.

Нельзя обойти стороной также возникновение такого психологического феномена, распространившегося среди молодежи, как участие в «группах смерти». В определенной мере причины возникновения этого феномена объясняются, как и в случае с саморадикализацией, отрицательными психоэмоциональными состояниями, которым подвержена современная молодежь. Распространение среди молодежи «групп смерти» является в какой-то степени культурным феноменом, субкультурой, обесценивающей саму жизнь. Молодое поколение, вторя мыслителям философии экзистенциализма, использует нарратив об одиночестве индивида в обществе и его ненадежном, бренном существовании, стремлении к небытию для объяснения своего девиантного поведения, что приводит к совершению суицида.

На первый взгляд может показаться, что феномен «групп смерти» не имеет прямого отношения к обсуждаемому нами предмету, однако стоит отметить тот психологический эффект, который он оказывает на общество. Доведение до совершения самоубийства, в особенности его групповых форм, может использоваться в качестве террористического акта, учитывая общественный резонанс, вызываемый ими. Подобные суицидальные акты, их широкое обсуждение и создание культового образа суицидента в средствах массовой информации запускают психологический «эффект Вертера», когда факт совершенного самоубийства, описанный в прессе, кинематографе, литературе и фольклоре, становится образом, притягательным к подражанию, и порождает волны самоубийств в обществе [7].

Стоит обратить внимание еще на одну социально-психологическую закономерность, во многом определяющую механизм вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность. Так, по мнению британского социолога Ральфа Дарендорфа, низкий уровень коммуникаций между высшими и низшими социальными группами общества вызывает высокую вероятность возникновения экстремистских настроений у последних. Ученый заключает, что чем ниже уровень жизни населения, тем выше уровень предпринимаемых насильственных действий [8, с. 243].

Социально-психологический контекст радикализации сознания молодежи. Высокая степень коррумпированности современного российского общества, многомиллиардные взятки в высших эшелонах власти и государственной службы способствуют возникновению у населения страны, в том числе молодежи, недовольства и сомнений в компетентности государственных органов. При этом существенный разрыв в уровне благосостояния граждан, доступ-

ности различных социальных благ и «социальных лифтов», ограниченность санкционированных площадок, на базе которых молодое поколение могло бы выказать свое недовольство и озабоченность в связи с имеющимися в обществе проблемами, повышают вероятность их вовлечения в радикальную деятельность.

Отдельного внимания заслуживает процесс виктимизации молодежной среды, в том числе художественными средствами. Например, российский сериал 2023 г. «Слово пацана. Кровь на асфальте», откровенно романтизирующий бандитизм, вызвал всплеск агрессии среди молодежи, подражающей экранным героям, совершающей отнюдь не постановочные преступления, в том числе тяжкие, не забывающей при этом фиксировать процесс на видеокамеру и выкладывать в сеть Интернет. Такого рода телепроекты наталкивают молодежь на проявление делинквентного поведения, выраженного в социальном протесте против общепринятых норм поведения, что значительно усиливает риски их обращения к радикальным идеям терроризма и экстремизма.

По мнению исследователей, протекание социализации в условиях виктимизации молодежной среды приводит к личностной деформации молодых людей, проявлению агрессии, смене ценностных ориентаций на деструктивные, отказ от просоциальной направленности [9, с. 51; 10].

К сожалению, на данном этапе развития нашего общества молодое поколение чаще находит искомые общность, единение, значимость, цель и идентичность в отрицательных примерах и негативных стратегиях поведения, а не в просоциальных формах, таких, например, как служение Отечеству [11, с. 341].

Социально-психологические тенденции современного российского общества позволяют молодежи рассматривать деструктивную субкультуру как некоторую невещественную ценность или жизненную стратегию, характерную для общества риска, что неизбежно направляет их на путь экстремизма и терроризма. По мнению М. А. Швецово и К. Р. Мориной, в Российской Федерации можно выделить следующую типологию деструктивных субкультур: криминально-делинквентные, анархонигилистические, экстремальные, гедонистическо-развлекательные, эскапистские и аутоагрессивные [12, с. 35]. Особую опасность представляет участие в криминально-делинквентных субкультурах, таких как «Арестантское уголовное единство» (сокращенно «АУЕ»¹), истоками которой являются тюремные понятия и поведенческие паттерны, установленные в местах лишения свободы, что существенно деформирует сознание молодого поколения, уводя его от понятий нормы социального взаимодействия к радикальным моделям поведения.

¹ Признано экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

Значимым индивидуально-психологическим фактором, повышающим риски вовлечения в деструктивные организации террористической и экстремистской направленности, является степень внушаемости человека, которая, по мнению исследователей, связана с неуверенностью в себе и в своих действиях, значительно снижая общую оценку удовлетворенности жизнью [13, с. 79].

Направления противодействия радикализации сознания молодежи. По мнению экспертов, фундаментальной основой противодействия радикализации молодого поколения выступает воспитание у них гражданственности, опирающейся на психологический механизм вовлечения молодежи в значимую для государства деятельность, осознания своей причастности к великому историческому наследию, текущим событиям и актуальным направлениям ее развития. Перспективным способом, доказавшим свою эффективность в формировании гражданственности, является вовлечение молодежи в деятельность добровольческих (волонтерских) и трудовых движений [14–16].

Одной из базовых составляющих в процессе формирования антитеррористического мировоззрения молодежи, по мнению специалистов, служит достижение ими групповой идентичности с референтными социальными группами [17, с. 31].

Совершенно очевидно, что для противодействия радикализации сознания молодежи необходимо ее приобщение к системе традиционных, общечеловеческих, гуманных ценностей, которые выступают надежным барьером между молодежью и экстремистской идеологией. При этом существенно, по меткому выражению Виктора Франкла, что «ценностям мы не можем научиться — ценности мы должны пережить» [18].

Учитывая, что в Российской Федерации в соответствии со ст. 13 Конституции РФ признается идеологическое многообразие и никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, затруднительно использовать идеологическую составляющую в обучении и воспитании молодого поколения. Такая ситуация в какой-то степени развязывает руки различного рода деструктивным силам, в том числе признаваемым сегодня иноагентами. Это требует от общества и государственных институтов определения идеологической канвы, согласно которой будут намечаться направления и перспективы дальнейшего развития государства. После распада СССР подобной необходимости не было, ввиду того что все сферы жизни общества в предыдущие десятилетия преломлялись через призму коммунистической идеологии, вызывая некоторое утомление. Сегодня мы видим обратную тенденцию, когда возникает явный

идеологический голод, выражающийся в экзистенциальном кризисе, переживаемом гражданами нашего государства, и поиске ближайших перспектив развития. Особенно ярко этот кризис проявлен у молодого поколения.

Ранее нами уже были получены результаты, указывающие на то, что благополучие молодых людей, например курсантов военного института, выражается такими представлениями, которые касаются их восприятия жизни в соответствии с традиционными ценностями, хорошими взаимоотношениями с окружающими, уверенностью в завтрашнем дне и в частности с идеологической определенностью в обществе [19, с. 150].

Процессы милитаризации общества на фоне проведения Специальной военной операции могут способствовать разрешению экзистенциального кризиса российского общества, актуализируя активный поиск конструктивных поведенческих стратегий и ориентацию на ценности и традиции, в которых раскрыты наиболее важные сущностные принципы, нормы морали и нравственности, характерные для данной общности на конкретном историческом этапе развития.

В Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809² традиционные ценности определяются как нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России. Специальная военная операция вытолкнула на поверхность необходимость обращения к традиционным духовно-нравственным ценностям, которые должны послужить фундаментом, позволяющим выстроить столпы противодействия радикализму среди молодого поколения. Опорой в этом процессе должны стать социально-психологические условия, при которых личностный поиск молодого человека своего места в жизни не приводил бы его к радикальным и экстремистским взглядам.

Следование традиционным российским духовно-нравственным ценностям по своей сути и есть главное социально-психологическое условие формирования такого мировоззрения, так как подобными ценностями являются патриотизм, гражданственность, крепкая семья, созидательный труд, справедливость, взаимопомощь, единство народов, приоритет духовного над материальным, историческая память и преемственность поколений.

Таким образом, следование традиционным российским духовно-нравственным ценностям, охватывая

² Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утверждены Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

абсолютно все сферы жизни общества, а также психику каждого индивида, определяет эффективность противодействия распространению идеологии экстремизма и терроризма.

Выводы

Анализ социально-психологических условий, способствующих радикализации молодежи на современном этапе развития российского общества, демонстрирует многообразие факторов, оказывающих воздействие на данный процесс. Это требует более тщательного изучения как отдельных факторов, так и их комплексного эффекта, оказываемого на молодое поколение. Кратко резюмируя вышесказанное, можно выделить основания, которые необходимо учитывать при работе с молодежью, такие как выраженная антигуманистическая направленность идеологии терроризма и экстремизма; объективные деструктивные последствия следования идеологии терроризма и экстремизма для их приверженцев, их ближнего окружения (членов семьи, близких и т. д.), общества, государства и человечества в целом; резкое осуждение основными религиозными конфессиями деятельности террористических и экстремистских организаций; развенчание мифов, разоблачение псевдоидеологии терроризма и экстремизма, умышленного искажения общественно-политических событий; фальсификация истории; радикальная трактовка священных писаний; разъяснение особенностей процесса вербовки, применения приемов психологического давления, обмана и манипуляции сознанием в интересах терроризма и экстремизма; неотвратимость наказания за совершение преступлений террористической и экстремистской направленности; возможность конструктивного разрешения конфликтов, противоречий, социальных и бытовых проблем, достижение жизненных целей и реализация личностного роста без использования радикальных, насильственных методов.

Приоритетными направлениями по созданию социально-психологических условий, способствующих противодействию радикализации сознания молодежи на современном этапе развития российского общества, являются:

1. Необходимость определения идеологической парадигмы воспитания молодого поколения в Российской Федерации.
2. Внедрение в обязательную программу школьного обучения предмета, посвященного информационной безопасности, цифровой грамотности и информационной гигиене.
3. Повышение референтной значимости общественной среды (повышение авторитета, престижности и значимости роли института семьи, старшего поколения, учителей, наставников).
4. Внедрение стратегии повсеместного включения молодежи в социально значимую деятельность.
5. Минимизация личных данных в интернете, мессенджерах, защита от преступных посягательств в указанной сети.
6. Создание программы просвещения граждан в области противодействия идеологии экстремизма и терроризма.
7. Государственный контроль в области распространения информации в цифровой среде, деятельности СМИ.
8. Поддержка и развитие российского сегмента интернета, видео-, аудиоконтента, конструктивного видеоблогинга, пропагандирующих позитивные стратегии поведения и традиционные культурные ценности.

Область применения и перспективы. Перспективными направлениями исследований являются изучение роли религии, государственной идеологии в противодействии распространению экстремизма, а также риски миграционной политики.

Список источников / References

1. Ожиганова Е. М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения // Бизнес-образование в экономике знаний. 2015. № 1(1). С. 94–97.
2. Abdulwahid MS J. The youth susceptibility to radicalization and violent extremism in tawi-tawi. *Global Scientific Journals*. 2023. Vol. 11. Pp. 528–551.
3. Филиппов В. М., Насонкин В. В., Панаچارаламбоус Ч. Права и интересы детей в информационной сфере: реформирование законодательства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. № 2. С. 362–372.
4. Losel F., Bender D., Jugl I., & King S. Resilience against political and religious extremism, radicalization, and related violence: A systematic review of studies on protective factors. (Eds.), *Understanding recruitment to organized crime and terrorism*. Luxembourg, 2020. Pp. 55–84.
5. Simpson G. The missing peace: Independent progress study on youth, peace and security, United Nations General Assembly/ Security Council, A/72/761–S/2018/86. URL: https://www.youth4peace.info/system/files/2018-03/ProgressStudyYouthPeaceSecurity_A-72-761_S-2018-86_ENGLISH_0. 2018. New York (дата обращения: 10.02.2025).
6. Ворожейкин С. А. Влияние интернет-коммуникации на субъективное благополучие молодежи // Страховские чтения. 2023. № 31. С. 59–64.
7. Доронина И. М. Медиавиктимизация как результат влияния виктимогенного контента СМИ // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4(35). С. 50–56.
8. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / пер. с нем. Л. Ю. Панфиной. М., 2002. 243 с.
9. Морозова Л. Б., Поварова В. Н. Исследование виктимной деформации личности и девиантного поведения среди подростков общеобразовательной школы // Мир науки. 2018. Т. 6, № 4. С. 51–63.

10. Barracosa & March (2022). Dealing With Radicalized Youth Offenders: The Development and Implementation of a Youth-Specific Framework. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsy.2021.773545/full> (дата обращения: 10.02.2025).
11. Ворожейкин С. А. Роль военной идентичности в переживании субъективного благополучия курсантами военного института // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2023. № 2(66). С. 335–344.
12. Швецова М. А., Морина К. Р. Методы противодействия молодежным деструктивным субкультурам // Интерактивная наука. 2021. № 2(57). С. 33–36.
13. Семкин А. В., Жуков А. А. Степень внушаемости у подростков с разными психологическими особенностями // Вестник современной науки. 2016. № 3-3(15). С. 77–82.
14. Дьячкова Т. В., Зарниченко Н. В. Вовлечение подростков в волонтерское движение как средство противодействия асоциальным группировкам // Обзор. НЦПТИ. 2018. № 1(12). С. 70–79.
15. Толвайшис Л., Филипова А. Г. Подростково-молодежное волонтерство как путь к участию в решении социально значимых вопросов: обзор зарубежных работ // Комплексные исследования детства. 2020. № 3. С. 152–161.
16. Чермит К. Д., Рахматулина Б. Р. Изменение приоритетных показателей гражданской ответственности подростков в условиях добровольческих (волонтерских) трудовых бригад // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2021. Вып. 2(278). С. 90–99.
17. Абакумова И. В., Бабиянц К. А., Мануйлова О. В. Методы и методики изучения особенностей отношений молодежи к проблеме терроризма // Мир Кавказу: антитеррористический фестиваль студенческой, научной и творческой молодежи : сб. в 2 т. / под ред. П. Н. Ермакова. Ростов н/Д, 2013. Т. 1–2. С. 27–39.
18. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. 368 с.
19. Ворожейкин С. А. Место государственной идеологии в детерминации субъективного благополучия курсантов военного института // Гуманизация образовательного пространства: Культура воспитывающей деятельности : мат-лы междунар. форума, посвященного году педагога и наставника, Саратов, 19–20 апреля 2023 года. Саратов, 2023. С. 147–153.

Поступила 19.03.2025; одобрена после рецензирования 28.03.2025; принята к публикации 30.08.2025.

Научно-практическая статья

УДК 159.9.075 © Ахмадеева Е. В., Тулитбаева Г. Ф., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-1104-35-41

5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии

Взаимосвязь глубинных убеждений и копинг-стратегий сотрудников органов внутренних дел

Елена Владимировна Ахмадеева, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологического сопровождения и клинической психологии¹; elena-ram@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4159-0401>

Галина Фанилевна Тулитбаева, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологического сопровождения и клинической психологии¹; tulitbaevagf@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3754-9473>

¹ Уфимский университет науки и технологий, 450076, Уфа, ул. Заки Валиди, 32, Россия

Реферат. Введение. Умение применять продуктивные поведенческие копинг-стратегии дает возможность в негативных психоэмоциональных ситуациях сохранить позитивный настрой и психологическое здоровье. Цель — установление взаимосвязи между дисфункциональными и глубинными убеждениями и применяемыми копинг-стратегиями. **Материалы и методы.** В исследовании участвовали 67 сотрудников полиции управления МВД России по г. Уфе в возрасте от 22 до 45 лет, с разным стажем службы. Применялись методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях CISS» (С. Норман, Д. Ф. Эндлер, Д. А. Джеймс, М. И. Паркер, адаптированный вариант Т. А. Крюковой); шкала базисных убеждений (Р. Янов-Бульман, в адаптации М. А. Падун, А. В. Котельниковой); шкала дисфункциональности (А. Вейсман, Д. Бернс, в переводе Л. Славина). **Результаты и обсуждение.** Установлено, что при недостаточном умении управлять стрессом сотрудники правоохранительных органов чаще прибегают к эмоционально-ориентированному копингу. Обсуждение своих переживаний с близкими людьми свойственно надеющимся на удачное стечение обстоятельств. Верящие в справедливость мира стремятся осмыслить трудности и найти выход. Служащие с нереалистичными ожиданиями избегают решения сложных ситуаций, а те, кто берет ответственность за неподвластные контролю события, в стрессовых ситуациях предпочитают занятия, приносящие им радость и удовлетворение. **Выводы.** У сотрудников органов внутренних дел преобладают глубинные убеждения о ценности собственного Я и о справедливости окружающего мира. Среди дисфункциональных убеждений доминируют «любовь», «одобрение», «достижение» и «безупречность». В арсенале копинг-стратегий преобладают адаптивные проблемно-ориентированные, просоциальные и пассивные.

Ключевые слова: копинг-стратегии, глубинные убеждения, дисфункциональные убеждения, стрессовые ситуации, сотрудники органов внутренних дел, профессиональная деформация

Для цитирования: Ахмадеева Е. В., Тулитбаева Г. Ф. Взаимосвязь глубинных убеждений и копинг-стратегий сотрудников органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 1(104). С. 35–41. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-1104-35-41>

Scientific and Practical Article

UDC 159.9.075 © Akhmadeeva E. V., Tulitbaeva G. F., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-1104-35-41

5.3.1. General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology

The Relationship of Law Enforcement Officers' Core Beliefs and Coping Strategies

Elena V. Akhmadeeva, Candidate of Science (in Psychology), Associate-Professor at the chair of Psychological Maintenance and Clinical Psychology¹; elena-ram@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4159-0401>

Galina F. Tulitbaeva, Candidate of Science (in Psychology), Associate-Professor, head of the chair of Psychological Maintenance and Clinical Psychology¹; tulitbaevagf@rambler.ru; <https://doi.org/0000-0002-3754-9473>

¹ Ufa University of Science and Technologies, 32, Zaki Validi st., Ufa, 450076, Russia

Abstract. Introduction. The skill to apply productive behavioral coping strategies provides an opportunity to maintain positive mood and psychological health in negative psycho-emotional situations. The goal is to establish a relationship between dysfunctional and core beliefs and coping strategies applied. **Materials and Methods.** The study involved 67 police officers from the Directorate of the Russian Ministry of Internal Affairs in Ufa, aged from 22 and 45, with different terms of service. Method "Coping-behavior in stressful situations CISS" (by N. S. Endler, J. D. A. Parker adapted by T. A. Krukova); Scale of basic beliefs (R. Janov-Bulman adapted by M. A. Padun, A. V. Kotelnikova); Scale of disfunctionality (A. Weissman, D. Burns translated by L. Slavin). **Results and Discussion.** If they lack stress management skills, law enforcement officers are more likely to resort to emotion-focused coping. Those who believe in the justice of the world, seek to comprehend difficulties and find a way out. Employees with unrealistic expectations avoid solutions of complex situations, and those who take responsibility for events beyond their control in stressful situations prefer activities that bring them joy and satisfaction. **Conclusions.** The officers of the Ministry of Internal Affairs have core beliefs about the value of their own self and about the justice of the surrounding world. Among the dysfunctional beliefs dominate "Love", "Approval", "Achievement" and "Perfection". The range of coping strategies is headed by problem-oriented, pro-social and passive adaptive ones.

Keywords: coping strategies, core beliefs, dysfunctional beliefs, stressful situations, law enforcement officers, professional deformation

Citation: Akhmadeeva E. V., Tulitbaeva G. F. The Relationship of Law Enforcement Officers' Core Beliefs and Coping Strategies. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 1(104). Pp. 35–41 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-1104-35-41>

Основные положения

1. Профессиональная деятельность сотрудников правоохранительных органов подвержена воздействию стрессоров. Совладание с трудной, стрессовой ситуацией сопряжено с глубинными и дисфункциональными убеждениями.

2. Владение широкой палитрой копингов способствует успешному преодолению стрессовых ситуаций и дает возможность выбрать наиболее адаптивную в конкретных обстоятельствах стратегию.

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Деятельность сотрудников правоохранительных органов вызывает интерес у широкого круга исследователей (социологов, культурологов, юристов, политологов, психологов). При изучении психологических особенностей деятельности и личности сотрудников органов внутренних дел (далее — ОВД) одной из актуальных для юридической психологии является проблема копинг-поведения и глубинных убеждений. Возрастающий интерес к этому феномену объясняется тем, что профессиональная деятельность данной категории служащих связана с напряженными условиями несения службы, серьезными эмоциональными трудностями, большими нагрузками и сопровождается регулярным воздействием многочисленных стрессогенных факторов. Кроме того, новые глобальные вызовы, такие как международный терроризм, экстремизм, незаконная миграция, организованная преступность, демографические проблемы и др., приводят к нарушению субъективного благополучия, увеличению угроз психологической безопасности и снижению психологического самочувствия личности. В исследовании А. В. Лавренко отмечено, что служащие правоохранительных органов в своей профессиональной деятельности регулярно сталкиваются с разнообразными неблагоприятными психоэмоциональными проявлениями, среди которых «умершие люди и горе близких; телесные повреждения, жестокость и насилие; тяжелые последствия дорожно-транспортных и чрезвычайных происшествий» [1, с. 339]. В связи с этим стоит подчеркнуть, что сотрудникам, работающим в таких специфических условиях, крайне необходимо обладать высокой стрессоустойчивостью, в основе которой лежат определенные модели копинг-стратегий.

Бесспорно, продуктивность служебной деятельности сопряжена с особенностями стресс-преодолевающего поведения. Следовательно, важно понимать, как сотрудники ОВД справляются с эмоциональными нагрузками, какими глубинными и дис-

функциональными убеждениями обладают, а также какие копинг-стратегии выбирают для сохранения психологического здоровья и удовлетворенности жизнью в стрессовых, стрессогенных и других нестандартных ситуациях. Следует отметить, что проблема взаимосвязи копинг-стратегий в стрессовой ситуации с глубинными и дисфункциональными убеждениями у сотрудников ОВД в научной психологической литературе исследована достаточно подробно. Между тем существует ряд пробелов, связанных с особенностями копинга в профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов, которые необходимо заполнить. **Цель** — установление взаимосвязи между дисфункциональными и глубинными убеждениями сотрудников ОВД с их копинг-стратегиями, применяемыми для выхода из стрессовой ситуации.

Не вызывает сомнений, что работники правоохранительных органов нередко находятся в ситуациях, связанных с повышенным стрессом и опасностью для жизни, что оказывает значительное влияние на их психологическое здоровье. Между тем глубинные убеждения и копинг-стратегии этих служащих воздействуют на то, как они воспринимают свою работу, на их мотивацию, адаптацию к стрессовым ситуациям, эмоциональное выгорание и профессиональную деятельность в целом.

Исследование этой темы может привести к пониманию, какие глубинные убеждения и копинг-стратегии наиболее распространены среди сотрудников ОВД, как они влияют на их эффективность и профессиональное развитие и какие меры могут быть предприняты для поддержки их психологического здоровья.

Теоретические предпосылки и степень разработанности проблемы. Глубинные убеждения являются важной составляющей личности и оказывают значительное влияние на поведение, мышление и эмоции человека. В современной психологии они рассматриваются в рамках различных подходов, таких как психоанализ, когнитивная психология, гештальт-терапия. Каждый из этих подходов имеет свои особенности в изучении глубинных убеждений. Например, Дж. Бек высказывает мысль о том, что встроенные в когнитивные схемы глубинные убеждения лежат в основе мышления личности и помогают или мешают преодолевать трудности, а также способствуют или препятствуют интегрированию в окружающий мир [2, с. 90]. Американский психолог Р. Янов-Булман разработала психодиагностическую методику «Шкала базисных

убеждений», благодаря которой можно определить убеждения человека о доброте людей, благосклонности мира, контролируемости мира, справедливости мира, случайности как принципе распределения происходящих событий, ценности собственного Я, степени контроля над происходящими событиями, степени удачи или везения. Она полагала, что здоровое чувство безопасности лежит в основе базовых ощущений психически разумной личности [об этом см.: 3]. В дальнейшем М. А. Падун и Н. В. Тарабрина составили русскоязычную версию этого опросника, адаптировали и валидизировали ее. С. А. Богомаз и А. Г. Гладких доказали, что средний арифметический показатель всех шкал этого опросника можно использовать в качестве индекса психологической безопасности личности [4].

В настоящей статье под глубинными убеждениями понимаются устойчивые идеи человека о мире, других людях и о самом себе, оказывающие значительное влияние на поведение, установки, мышление и эмоции человека.

В предшествующей работе, в которой исследовались глубинные убеждения, социальная фрустрированность и жизнестойкость сотрудников правоохранительных органов, было обнаружено, что им не свойственно верить в удачу, справедливость и доброжелательность мира. При этом они убеждены в ценности и значимости собственного Я и способности контролировать происходящие жизненные события. Эти результаты свидетельствуют о высоком уровне самооценки и уверенности в том, что обстоятельства сложатся удачно, даже несмотря на существующие сложности. Сотрудники полагаются на свои ресурсы в стрессовых, стрессогенных и нестандартных ситуациях, включая непредвиденные. В то же время они не верят в справедливость и доброжелательность мира, что указывает на недостаточную удовлетворенность потребности в безопасности [5].

В исследовании Е. В. Башкиной, проводимом среди сотрудников полиции, относительно глубинных убеждений получены примерно такие же результаты. Наиболее характерными убеждениями для них оказались «вера в удачу» и «позитивный образ „Я“». Вместе с тем отсутствуют вера в справедливость и доброжелательность мира [6].

Стоит отметить, что глубинные убеждения играют важную роль в психологической безопасности личности сотрудников правоохранительных органов, поскольку они могут служить своеобразной опорной точкой в преодолении сложных стрессовых ситуаций и помочь справиться с их негативными последствиями, в том числе и с помощью адекватного выбора копинг-стратегий.

В настоящий момент проблема копинга в психологии находится в активной стадии исследования, в том числе и в отношении сотрудников правоохрани-

тельных органов, для которых стрессовые ситуации представляются обычным явлением. Крайне важно определить наиболее предпочтительные копинги, и в случае использования непродуктивных скорректировать с помощью специальных программ, которые могут поддерживать психологическое здоровье и профессиональную эффективность этих сотрудников.

Как отмечают отечественные (Л. А. Александрова, Т. О. Гордеева, И. Б. Лебедев, Д. А. Леонтьев, С. К. Нартова-Бочавер, Е. И. Рассказова, М. Р. Хачатурова, В. М. Ялтонский) [7–14] и зарубежные психологи (К. С. Карвер, Р. Лазарус, Т. Д. Литтл, Д. Лопес, К. Паркес, С. Фолкман, Э. Фрайденберг, Р. Льюис, И. Р. де Оливейра) [15–21], совладание, преодоление, купирование (копинг) в широком смысле — это осознанный способ поведения, которым личность пытается помочь себе справиться со стрессовыми и другими сложными ситуациями или смягчить их последствия. Зарубежные ученые рассматривают это явление в трех подходах: ситуационный (динамический), интегративный и диспозиционный. Отечественные ученые предлагают исследовать этот феномен с позиции личностного подхода. Например, в работе И. Б. Лебедева выделено три направления к изучению копинг-поведения. В первом — совладание направлено на эффективную адаптацию личности в сложных обстоятельствах, в том числе и с помощью ригидных механизмов защиты. Во втором — копинг связан с личностными особенностями, которые позволяют одинаковым образом реагировать на стрессовые ситуации. В третьем — копинг ориентирован на активное устранение или изменение стрессовой ситуации, обусловленный субъективным переживанием личности [10].

В исследовании, проведенном Р. Лазарусом, копинг-поведение рассматривается как стремление человека целенаправленно и результативно разрешить неблагоприятную (стрессовую) ситуацию, нарушающую его психологическую безопасность и субъективное чувство благополучия. Ученый выделил восемь стратегий совладающего поведения: «планирование решения проблемы», «принятие ответственности», «конфронтационный копинг», «самоконтроль», «положительная переоценка», «поиск социальной поддержки», «дистанцирование», «избегание». Это свидетельствует о том, что личность может использовать различные сочетания копингов в зависимости от проблемных обстоятельств и личностных ресурсов. При этом часто используемые копинг-стратегии в зависимости от индивидуальных и ситуационных факторов могут меняться. Лазарус отметил предпочтительные копинг-стратегии, которые люди используют в зависимости от вызвавших стресс событий, связанных с природными катаклизмами, чрезвычайными происшествиями и катастрофами. В данном случае положительный копинг, состоящий из стратегий «планирование» и «ак-

тивный поиск решений проблем», был более эффективным. В то же время негативные копинг-стратегии, такие как уход от проблем, привлечение внимания или употребление алкоголя и наркотиков, были использованы в ответ на события, связанные с личными трудностями, в частности семейными конфликтами или проблемами в работе [16].

Следует отметить, что некоторые зарубежные психологи считают копинг аналогом защитных механизмов, которые помогают снизить интенсивность стресса благодаря пластичным действиям и объективным здравым мыслям [22]. Между тем О. В. Кроповицкий высказывает мнение о том, что совладающее поведение «может включать в себя как сознательное, так и бессознательное поведение, а также неосознанные (автоматические) действия, представляется довольно сложным провести четкую демаркационную линию между психологическими защитами и копинг-поведением» [23]. В то же время психологи С. К. Нартова-Бочавер, Т. Л. Крюкова, Е. В. Куфтяк полагают, что защитные механизмы неравнозначны копингу [11; 24; 25].

Мы склоняемся к мнению, что совладающее поведение не может быть бессознательным механизмом защиты, поскольку в его основе лежат осознанные, целенаправленные и активные действия по преодолению нестандартной ситуации.

Существует немало исследований, в которых совладающее поведение рассматривается в контексте профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов (В. П. Андронов, Е. В. Камнева, И. Н. Коноплева, Е. Н. Конькова, Ю. М. Охотников, В. А. Рогачев, И. В. Рябченко и др.).

Учеными выявлены предпочитаемые копинг-стратегии у успешных и неуспешных служащих. Для первой категории сотрудников характерны стратегии, направленные на разрешение проблемы, а для второй — «избегание», стремление действовать «как все» [26]. В другом исследовании психологами обнаружено, что на выбор копинг-стратегии оказывают влияние уровень толерантности к неопределенности, стаж службы и уровень нервно-психической устойчивости. Так, у служащих в правоохранительных органах в зависимости от стажа предпочитаемыми копинг-стратегиями оказались «конфронтация», «планирование решения проблемы», «положительная переоценка», «поиск социальной поддержки» [27]. Схожие результаты получены Е. Н. Коньковой [28]. В. П. Андронов установил, что сотрудники, имеющие стаж более десяти лет, в стрессовых ситуациях предпочитают применять копинг-стратегии «принятие ответственности» и «бегство — избегание» [29].

Из вышесказанного следует вывод, что крайне важно учитывать все возможные факторы (возраст, пол, стаж работы, индивидуальные ресурсы, лич-

ностные черты и характерологические особенности), влияющие на выбор той или иной копинг-стратегии, способствующие адаптивному поведению в условиях стресса, которые, в свою очередь, помогут сотрудникам правоохранительных органов эффективно бороться с негативными эмоциями, вызываемыми работой. Кроме того, необходимо учитывать, что копинг-стратегии и глубинные убеждения могут быть индивидуальными и зависеть от личностных черт, опыта и социальной ситуации, личностной зрелости.

Материалы и методы

Исследование проведено с помощью шкалы базисных убеждений (Р. Янов-Бульман, в адаптации М. А. Падун, А. В. Котельниковой); шкалы дисфункциональности (А. Вейсман, Д. Бернс, в переводе Л. Славина); методики «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях CISS» (С. Норман, Д. Ф. Эндлер, Д. А. Джеймс, М. И. Паркер, адаптированный вариант Т. А. Крюковой). Математическая обработка данных проведена с помощью методов описательной статистики, критерия Шапиро-Уилка, учитывающего нормальность распределения данных, коэффициента корреляции по г-критерию Спирмена в программе Statistica 12.0.

Выборку исследования составили сотрудники отдела полиции управления МВД России по г. Уфе. Общее количество — 67 человек, из них 19 женщин и 48 мужчин. Возраст испытуемых от 22 до 45 лет. Стаж службы от 1 года до 20 лет.

Результаты и обсуждение

Анализ глубинных убеждений сотрудников ОВД.

Прежде всего были проанализированы глубинные убеждения сотрудников ОВД. Согласно полученным результатам по методике «Шкала базисных убеждений» (Р. Янов-Бульман, в адаптации М. А. Падун, А. В. Котельниковой) у 42% опрошенных выявлен низкий уровень по шкале «доброжелательность окружающего мира», что демонстрирует недоверие у них к окружающему миру, неверие в доброту людей, их дружелюбность, отзывчивость и готовность прийти на помощь. Высокий уровень по шкале «образ Я» имеют 44% участников исследования. Это свидетельствует о том, что сотрудники, обладающие высоким уровнем самооценки и выраженной субъектной рефлексией, характеризуются позитивным самоотношением. Средний уровень по шкале «справедливость» наблюдается у 73% сотрудников, т. е. большинство убеждено в том, что к хорошим и достойным людям чаще других приходят счастье и удача, они получают то, чего заслуживают в жизни. Средний уровень по шкале «удача» зафиксирован у 55% респондентов. Иными словами, они верят, что течение нашей жизни во многом определяется случаем. Средний уровень по шкале «убежденность о контроле» у 61% опрошенных демонстрирует, что они в силах контролировать происходящие события, выбирают такую стратегию

поведения, которая увеличивает вероятность благоприятного для них исхода дела.

Далее рассмотрены дисфункциональные убеждения сотрудников ОВД, которые связаны с неадекватным восприятием, переработкой и воспроизведением информации о себе, о людях и об окружающем мире.

Согласно полученным результатам по методике «Шкала дисфункциональности» (А. Вейссман, Д. Бернс, в переводе Л. Славина) у 54% обследованных высокий положительный показатель по шкале «любовь», откуда можно заключить, что они не придают первостепенного значения этому феномену «как животворящей и созидающей энергии, силы, которая рождает, поддерживает, содержит новое видение и веру в человека» [30]. Они осознают свою ценность и принимают себя как в одиночестве, так и в отношениях. У них есть и другие интересы, которые помогают им чувствовать себя счастливыми.

Высокий положительный показатель у 48% сотрудников по шкале «одобрение» свидетельствует о том, что они вполне ассертивны, самодостаточны, способны адекватно реагировать на критику и не полагаться на мнение окружающих. Высокий отрицательный показатель по шкале «достижения» у 46% участников приводит к выводу, что почти для половины респондентов эмоционально-личностное благополучие обусловлено карьерным ростом и успехами в профессиональной деятельности. Высокий положительный показатель у 67% опрошенных по шкале «безупречность» демонстрирует, что они способны ставить разумные цели, не стремятся к безукоризненности и совершенству во всем и не драматизируют из-за совершенных ошибок. Низкий показатель по шкале «мне все должны» у 56% позволяет вести речь о том, что участники исследования для позитивного самоощущения ожидают от других людей удовлетворения собственных желаний и потребностей, полагая, что только от них можно получить необходимые любовь, уважение, комфорт и безопасность. По шкале «всемогущество» низкий отрицательный показатель у 52% сотрудников указывает на то, что они считают себя ответственными за происходящие негативные события и способными влиять на их результаты. Низкий уровень по шкале «автономия» у 43% обследованных отражает, по всей вероятности, их зависимость от других во мнениях, решениях и поступках.

Поведенческие копинг-стратегии сотрудников. В ходе дальнейшего исследования были определены предпочитаемые поведенческие копинг-стратегии: проблемно-ориентированные, эмоционально-ориентированные, копинги, ориентированные на избегание, и две дополнительные стратегии — «отвлечение» и «социальное отвлечение».

Анализ результатов по методике «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях CISS» (С. Норман, Д. Ф. Эндлер, Д. А. Джеймс, М. И. Паркер, адаптированный вариант Т. А. Крюковой) выявил следующее. Чуть больше половины опрошенных (64%) во время стрессовой ситуации используют проблемно-ориентированные копинги. Это говорит о том, что они имеют направленность на разрешение ситуации и предпринимают для этого осознанные активные действия. Чуть меньше респондентов (63%) применяют стратегию «социальное отвлечение», которая подразумевает стремление человека контактировать с другими людьми, искать у них поддержку, понимание, в том числе делиться глубинными чувствами и эмоциональными переживаниями. Далее расположилась стратегия «отвлечение», — ее выбирают 52% испытуемых, которые в нестандартных (ответственных) обстоятельствах стремятся получить удовольствие от покупок, еды, чтения книг, просмотра телевизора, прогулок по любимым местам и других приятных занятий. Половина опрошенных (50%) в затруднительных и стрессовых обстоятельствах предпочитает копинги, ориентированные на избегание, демонстрирующие уклонение от решения проблемы. Эмоционально-ориентированные копинги выбирают 42% сотрудников ОВД. Они пытаются, прежде всего, снизить интенсивность эмоционального стресса за счет изменения своего отношения к ситуации с помощью ее переосмысления, выплеска отрицательных эмоций, ухода в творческую деятельность. Стремления преодолеть сложившиеся обстоятельства нет.

Можно констатировать, что в совладающем репертуаре сотрудников ОВД адаптивные копинг-стратегии преобладают над пассивными.

Взаимосвязь глубинных убеждений и копинг-стратегий у сотрудников правоохранительных органов. Далее по критерию Шапиро-Уилка обнаружено, что данные по применяемым методикам отличаются от нормального распределения, поэтому был использован непараметрический корреляционный анализ Спирмена.

В результате корреляционного анализа определены значимые взаимосвязи между глубинными и дисфункциональными убеждениями с предпочитаемыми копингами.

Установлена умеренная обратная взаимосвязь между шкалами «Убеждение о контроле» и «Эмоции» ($r = -0,42$; $p < 0,05$). Этот результат показывает, что чем меньше сотрудники правоохранительных органов способны управлять стрессовой ситуацией, тем вероятнее они будут использовать стратегии эмоционально-ориентированного копинга. Иными словами, вместо того чтобы предпринимать активные шаги для решения проблем, люди выражают свои эмоции (гнев, плач, крик) или вымещают недовольство на окружающих,

стремясь таким образом уменьшить уровень напряжения.

Следующая умеренная прямая взаимосвязь проявилась между шкалами «удача» и «социальное отвлечение» ($r=0,35$; $p<0,05$). Это значит, что сотрудники, которые в сложных ситуациях надеются на удачу и благосклонность случая, чаще всего стремятся обсудить свои переживания и выговориться перед близкими людьми.

Установлена умеренная обратная взаимосвязь между шкалами «справедливость мира» и «избегание» ($r=-0,48$; $p<0,05$). Данная взаимосвязь свидетельствует о том, что люди, которые верят в справедливость мироустройства, не избегают сложных и неблагоприятных ситуаций, а стремятся разобраться в их причинах и найти решение собственными силами.

Обнаружена умеренная прямая связь между шкалами «позитивный образ „Я“» и «разрешение проблемы» ($r=0,37$; $p<0,05$). Это означает, что сотрудники, которые высоко оценивают свои возможности и уверены в успехе, считают, что окружающие настроены к ним доброжелательно, и более склонны к объективному анализу сложных, стрессовых ситуаций. Они способны самостоятельно разрабатывать планы и моделировать стратегии для их преодоления.

Далее обнаружены значимые взаимосвязи между дисфункциональными убеждениями и копинг-поведением.

Шкала «избегание» имеет умеренные прямые взаимосвязи со шкалой «мне все должны» ($r=0,30$; $p<0,05$) и шкалой «автономия» ($r=0,33$; $p<0,05$). Это свидетельствует о том, что сотрудники, которые имеют завышенные, нереалистичные ожидания от окружающих и считают, что все события в их жизни вызваны влиянием других людей и внешних факторов, чаще отстраняются от решения стрессовых или сложных ситуаций.

Следующая взаимосвязь проявляется между шкалами «всемогущество» и «отвлечение». Это можно проинтерпретировать следующим образом. Когда человек часто и безосновательно винит себя за действия других людей, которые он не может контролировать, и берет на себя ответственность за внешние события, он сильнее стремится снизить напряжение от сложных или стрессовых ситуаций с помощью различных способов релаксации, таких как покупки, чтение книг, просмотр фильмов, занятия йогой и другие приятные активности.

В целом можем утверждать, что корреляционный анализ выявил существенное число значимых взаимосвязей между глубинными убеждениями, иррациональными убеждениями и копинг-стратегиями. Это подтверждает то, что как глубинные, так и иррациональные убеждения связаны с выбором стратегий преодоления стрессовых и сложных ситуаций.

Выводы

1. Результаты проведенного исследования глубинных убеждений, дисфункциональных убеждений и копинг-стратегий у сотрудников ОВД позволяют заключить, что у данной категории респондентов наиболее популярным является убеждение о ценности и значимости собственного Я. С большой вероятностью можно сказать, что они достаточно часто рассчитывают на счастливое стечение обстоятельств и уверены в контролируемости жизненных событий. Менее всего они убеждены в доброжелательности окружающего мира. Среди иррациональных убеждений доминирующее место занимает «любовь», далее следуют «одобрение», «достижения», «безупречность», «мне все должны», «всемогущество» и «автономность». Предпочитаемыми копинг-стратегиями оказались «разрешение проблемы», «социальное отвлечение» и «избегание».

2. В ходе корреляционного анализа были выявлены статистически значимые связи между глубинными и иррациональными убеждениями с выбором определенных моделей копинг-стратегий. Участники исследования, руководствуясь своими глубинными и иррациональными убеждениями, выбирают конкретные стратегии преодоления стрессовых, сложных и нестандартных ситуаций, которые позволяют им снизить интенсивность эмоциональных переживаний, защититься от внешних вызовов и сохранить ощущение относительной психологической безопасности.

Область применения и перспективы. Полученные данные можно использовать при составлении программы психологического сопровождения, в том числе социально-психологических тренингов для сотрудников ОВД, ориентированной на повышение уровня психологического здоровья, субъективного благополучия, удовлетворенности профессиональным статусом личности, а также трансформацию неадаптивных убеждений на адаптивные. В перспективе планируется исследование глубинных убеждений в сопряженности с гендерными, возрастными, типологическими, этническими особенностями, а также с трудовым стажем сотрудников правоохранительных органов.

Список источников / Reference

1. Лавренко А. В. Проблема копинг-поведения сотрудников полиции при несении службы в условиях профессионального стресса // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9, № 4(33). С. 339–342. <https://doi.org/10.26140/anip-2020-0904-0077>.
2. Бек Дж. Когнитивная терапия: полное руководство. М., 2006. 400 с.
3. Кисляков П. А., Шмелева Е. А. Концептуальные подходы и методы диагностики психологической безопасности за рубежом // Современная зарубежная психология. 2023. Т. 12, № 3. С. 8–18. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2023120301>.

4. Богомаз С. А., Гладких А. Г. Психологическая безопасность и ее измерение с помощью Шкалы базисных убеждений // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 318. С. 191–194.
5. Ахмадеева Е. В., Галютдинова С. И. Изучение социальной фрустрированности, жизнестойкости и психологической безопасности личности сотрудников МВД // Психология и право. 2021. Т. 11, № 1. С. 106–120. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110109>.
6. Башикина Е. В. Взаимосвязь базисных убеждений и психологической безопасности личности сотрудников полиции // Психология и педагогика служебной деятельности. 2021. № 1. С. 26–29.
7. Александрова Л. А., Леонтьев Д. А. Копинг-стратегии как проявление саморегуляции // Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы, здоровье, развитие : мат-лы IV междунар. науч. конф. Кострома, 22–24 сентября 2016 г. : в 2 т. / отв. ред. Т. Л. Крюкова, М. В. Сапоровская, С. А. Хазова. Кострома, 2016. Т. 1. С. 14–17.
8. Рассказова Е. И., Гордеева Т. О. Копинг-стратегии в психологии стресса: подходы, методы и перспективы // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2011. Т. 3, № 17. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/850> (дата обращения: 25.01.2025).
9. Стресс, выгорание, совладание в современном контексте / под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М., 2011. 512 с.
10. Лебедев И. Б. Психологические механизмы, стратегии и ресурсы стресспреодолевающего поведения (копинг-поведения) специалистов экстремального профиля: на примере сотрудников МВД России : дис. ... д-ра психол. наук. М., 2002. 432 с.
11. Нартова-Бочавер С. К. „Coping behavior“ в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. 1997. № 5. С. 21–30.
12. Рассказова Е. И. Возможности диспозиционной и ситуативной оценки копинг-стратегий (на примере применения общей и специфичной для пандемии версий методики COPE) // Экспериментальная психология. 2022. Т. 15, № 1. С. 204–219. <https://doi.org/https://doi.org/10.17759/expsy.2022150113>.
13. Хачатурова М. Р. Совладающий репертуар исследований // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10, № 3. С. 160–169.
14. Ялтонский В. М. Современные теоретические подходы к исследованию совладающего поведения // Медицинская психология в России: электронный научный журнал. 2010. № 1. URL: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2010_1_2/nomer/pomer03.php (дата обращения: 25.01.2025).
15. Carver C. S., Scheier M. F., Weintraub J. K. Assessing coping strategies: A theoretically based approach. *J. of personality and social psychology*. 1989. Vol. 56. No. 2. Pp. 267–283.
16. Lazarus R. S., Folkman S. The concept of coping. Monat A. and Richard S. Lazarus. Stress and Coping. N. Y., 1991. Pp. 189–206.
17. Lopez D. F., Little T. D. Children's action-control beliefs and emotional regulation in the social domain. *Developmental Psychology*. 1996. Vol. 32. Pp. 299–312.
18. Parkes K. R. Loss-of-control, cognitive Appraisal, and coping in stressful situations. *J. of personality and social psychology*. 1984. Vol. 46. Pp. 655–668.
19. Folkman S., Lazarus R. S. Coping and emotion. Monat A. and Richard S. Lazarus. Stress and Coping. N. Y., 1991. Pp. 207–227.
20. Frydenberg E., Lewis R. Adolescent Coping Styles and Strategies. *Australian J. of Guidance and Counseling*. 1991. Vol. 1. Pp. 35–43.
21. Рейс де Оливейра И. Когнитивная терапия, основанная на исследованиях. Отличительные особенности. М., 2023. 176 с.
22. Vaillant G. E. Adaptation to life. Boston, Toronto, 1977. 176 p.
23. Кроповицкий О. В. Копинг-стратегии в структуре личности руководителя : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2021. 25 с.
24. Крюкова Т. Л. Человек как субъект совладания // Психология совладающего поведения : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Е. А. Сергиенко, Т. Л. Крюкова. Кострома, 2007. С. 41–44.
25. Куфтык Е. В. Совладающее поведение в семье, регулярно применяющей физические наказания детей : дис. ... канд. психол. наук. Кострома, 2003. 231 с.
26. Рябченко И. В. Психология совладающего поведения сотрудников ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2007. № 2(29). С. 59–61.
27. Рогачев В. А., Коноплева И. Н. Толерантность к неопределенности и выбор копинг-стратегий у сотрудников правоохранительных органов // Психология и право. 2017. Т. 7, № 4. С. 106–126. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2017070409>.
28. Конькова Е. Н. Стратегии совладания со стрессом в профессиональной деятельности // Вестник Витебского государственного университета. 2020. № 2. С. 95–97.
29. Андронов В. П. Особенности проявления копинг-стратегий у сотрудников МВД // Мир науки. Педагогика и психология. 2024. Т. 12, № 2. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/37PSMN224.pdf> (дата обращения: 25.01.2025).
30. Братусь Б. С. Любовь как психологическая презентация человеческой сущности // Вопросы философии. 2009. № 12. С. 30–43.

Поступила 10.03.2025; одобрена после рецензирования 20.03.2025; принята к публикации 30.08.2025.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-теоретическая статья

УДК 378 © Селин Б. Н., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-1104-42-48

5.8.7. Методология и технология профессионального образования

Поликультурная среда деятельности полицейских: состав, особенности, факторы (на примере участковых уполномоченных полиции)

Борис Николаевич Селин, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков¹;

selin.boris@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0009-1349-5085>

¹ Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, 308024, Белгород, ул. Горького, 71, Россия

Реферат. Введение. Цель — определить поликультурные факторы, оказывающие существенное влияние на выполнение функциональных обязанностей участковыми уполномоченными полиции России в современных условиях поликультурного окружения. **Материалы, результаты и обсуждение.** Особенности деятельности участковых уполномоченных полиции в условиях поликультурной среды представлены целевыми установками взаимодействия с субъектами профессиональной деятельности; нормативно-правовой регламентацией работы в поликультурном социуме; особым субъектным составом поликультурной среды профессиональной деятельности; предпочтительными стратегиями реализации поликультурного взаимодействия с субъектами профессиональной деятельности; способами осуществления поликультурного взаимодействия; контекстом сфер реализации поликультурного взаимодействия. **Выводы.** Повышению эффективности выполнения участковыми уполномоченными полиции функциональных обязанностей в поликультурной среде, снятию напряженности и повышению стрессоустойчивости будет способствовать учет в их деятельности таких поликультурных компонентов, как факторы общей среды жизнедеятельности, поликультурной компетенции, межэтнической напряженности внешнего воздействия на поликультурную среду.

Ключевые слова: поликультурность, поликультурная среда, профессиональная деятельность полицейских, функциональные обязанности, поликультурные факторы, участковый уполномоченный полиции

Для цитирования: Селин Б. Н. Поликультурная среда деятельности полицейских: состав, особенности, факторы (на примере участковых уполномоченных полиции) // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 1(104). С. 42–48. <https://doi.org/10. 24412/1999-6241-2026-1104-42-48>

Scientific and Theoretical Article

UDC 378 © Selin B. N., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-1104-42-48

5.8.7. Methodology and Technology of Professional Education

Multicultural Environment of Police Officers' Activities: Composition, Characteristics, Factors (by the example of District Police Officers)

Boris N. Selin, Candidate of Science (in Pedagogy), Associate-Professor at the chair of Foreign Languages¹;

selin.boris@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0009-1349-5085>

¹ the Belgorod Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs named after Putilin I. D., 71, Gorky st., Belgorod, 308024, Russia

Abstract. Introduction. The goal is to identify multicultural factors that have a significant influence on the performance of functional duties by district police officers in Russia under modern conditions of a multicultural environment. **Materials, Results and Discussion.** The characteristics of the activities of district police officers in the context of a multicultural environment are represented by: target settings for interaction with the subjects of professional activity; normative and legal regulation of work in a multicultural society; the special subject composition of the multicultural environment of professional activity; preferred strategies for the implementation of the multicultural interaction with the subjects of professional activity; ways of implementing the multicultural interaction; the context of the spheres of realization of multicultural interaction. **Conclusions.** To enhance the performance of functional duties by district police officers in a multicultural environment, relieve tensions and increase resilience to stress, consideration will be given in their activities to such multicultural components as factors of the common living environment, multicultural competence, inter-ethnic tension of external impact on the multicultural environment.

Keywords: multiculturalism, multicultural environment, professional police activity, functional duties, multicultural factors, district police officer

Citation: Selin B. N. Multicultural Environment of Police Officers' Activities: Composition, Characteristics, Factors (by the example of District Police Officers). *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 1(104). Pp. 42–48 (In Russ.). <https://doi.org/10. 24412/1999-6241-2026-1104-42-48>

Основные положения

1. Поликультурная среда профессиональной деятельности участковых уполномоченных полиции представляет собой совокупность физических и юридических лиц и отдельных специалистов, участвующих во взаимодействии в условиях этой среды, разнонаправленно воздействующих друг на друга, исходя из особенностей собственного мироощущения, традиций, обычаев, стереотипов восприятия, ценностных установок, нормативных предписаний, уровня правосознания.

2. Факторы, влияющие на эффективность выполнения возложенных на сотрудников полиции обязанностей в условиях поликультурного окружения, предопределяются спецификой деятельности в этой среде и ее субъектным составом.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Одной из важнейших сфер жизни человека является его трудовая деятельность. Профессиональная деятельность любой категории работников протекает в социальной среде, обладающей различными признаками: временными и нормативными ограничениями, условиями и требованиями работодателей и получателей результатов этой работы, иными социально-профессиональными и личностно-психологическими рамками.

Уникальной особенностью среды жизнедеятельности в нашей стране является то, что Россия признанно представляет собой многонациональное, многоконфессиональное общество со сложившейся системой ценностей, ориентиров, установок, единой историей и культурой, а при этом социумом, в котором в равных условиях есть возможности для развития и поддержания отдельных этносов и иных групп населения, обладающих признаками, отличными от титульной этнической общности, основной религиозной конфессии. Иными словами, «системообразующим фактором выступают мировоззренческие универсалии, которые в своем взаимодействии создают целостный обобщенный образ человеческого мира» [1].

Кроме того, и внутренняя государственная политика, и процессы, проистекающие из ее реализации по различным направлениям современного российского общества, указывают на эксплицирование тенденции к усилению роли поликультурности общественных отношений. При этом значение и содержание понятия поликультурности, сформировавшегося в нашем общественном сознании, заметно отличаются от сущности этого атрибута, принятого за рубежом.

В связи с этим в рамках нашего исследования важную роль играет рассмотрение таких феноменов, как собственно поликультурность, а также поликультурная среда, поликультурная среда сотрудника полиции,

поликультурные факторы деятельности участковых уполномоченных полиции.

Цель — определение факторов, существенным образом влияющих на выполнение функциональных обязанностей сотрудниками подразделений участковых уполномоченных полиции России в условиях поликультурной среды.

Теоретические предпосылки и степень изученности проблемы. Прежде всего необходимо отметить, что ключевым элементом работы выступает термин «культура». Анализ исследований, посвященных проблемам формирования общей и профессиональной культуры специалиста, позволяет констатировать отсутствие однозначного толкования сущности этого понятия. В отечественной и зарубежной научной литературе насчитывается несколько сотен определений и толкований культуры, что свидетельствует о ее многофункциональности и многообразии.

Опираясь на множественность имеющихся концепций и видов общей и личностной культуры (А. В. Барабанщиков, М. М. Бахтин, А. Я. Гуревич, Н. С. Злобин, Л. Н. Коган, П. А. Сорокин, З. И. Файнбург и др.), можно предположить, что в одном поликультурном пространстве существует большое количество их разновидностей. Наиболее актуальной применительно к нашей теме выступает система уровней культуры, представленная в работах Г. В. Драча, В. К. Королева и др. и предполагающая оппозицию этнических и национальных уровней культуры срединным и специфическим [2].

Согласно идее авторов, этнические и национальные культуры образуют собой органическое единство, при этом основой *этнической культуры* рассматриваются этнические ценностные ориентиры, ядром которых выступает чувство этнической идентичности. Признаками наличия *национальной культуры*, соответственно, являются единая территория, общность экономической и политической жизни, а ментальные признаки идентификации выступают вторичными. Под *срединными* (т. е. традиционными) культурами понимается система доминирующих в конкретном обществе и временном отрезке ценностей и идеалов, которые выражают интересы и потребности населения, необходимые для поддержания и развития данного социума. В свою очередь, *специфические культуры*, а к ним исследователи относят маргинальную культуру, субкультуру и контркультуру, представляют собой подсистемы срединной культуры, отличающиеся по половозрастным, профессиональным, конфессиональным, социальным и прочим признакам. Наряду с традиционно выделяемыми национально-этническими и срединными культурами, именно учет последних, т. е. специфических культур, играет особую роль в деятельности сотрудников полиции.

Термин «поликультурность» был введен в научный тезаурус американским политологом В. Прэшемом и историком Р. Келли, которые концептуально обосновали неизбежность развития взаимосвязи и взаимовлияния культур титульных этносов с малыми этническими группами, традиционно или вынужденно проживающими в рамках одного общества, что должно вести к формированию единого социума [3; 4].

Сторонники идеи поликультурности (поликультурализма) утверждают, что этнические и иные культуры являются гибкими, подверженными изменениям конструктами, в рамках которых их представители самостоятельно определяют свою идентичность [5, р. 385]. Анализ зарубежных источников указывает на то, что этот процесс может выражаться как в отказе от культурной самоидентификации в рамках титульной нации, так и в привнесении в собственную культуру (субкультуру) элементов иных культур [6; 7]. Таким образом, органичное сосуществование основного культурного сообщества и альтернативного, иного, представляется естественным для их успешного взаимодействия и взаимного обогащения процессом формирования единой по целям и интересам социально-культурной общности.

Развивая идею поликультурности, отечественные ученые предпринимали попытки осмысления этого многомерного понятия. Так, независимо от зарубежных исследователей В. И. Матис определил поликультурность как процесс сохранения и проникновения культурной самобытности личности в контексте многонационального общества в целях выработки навыков толерантного отношения к представителям различных национальностей, формирования культуры межнациональных отношений [8, с. 15]. По мнению М. Б. Насыровой, поликультурное многообразие отражает вариативность и многообразие реализуемых культурных ценностей: жизненные стили, культурные традиции, ценностные ориентации и пр., основанные не только и не столько на этнических характеристиках субъектов взаимодействия [9].

Анализ научной литературы показывает, что идеи поликультурности оказались наиболее представленными в области образования, а ее терминологическое поле нашло отражение в таких концептуально изоморфных понятиях, как многокультурное образование (М. Л. Воловикова, Г. Д. Дмитриев и др.), поликультурное образование (И. В. Васютенкова, О. В. Гукаленко, А. Н. Джурицкий и др.), межкультурное обучение (Д. К. Диэрдорф, А. В. Нуждин, Я. М. Саидова и др.), интернациональное образование (Н. К. Крупская, А. В. Луначарский, В. А. Сухомлинский и др.).

Наряду с поликультурностью, в отечественной научной среде продолжается культивирование представления о синонимичности исходного термина

понятиям «многокультурность» и «мультикультурность». Видимо, это связано с недостаточной проработанностью вопроса, решение которого находят в плоскости лингвистической компаративистики. В качестве доказательства (А. А. Борисова, В. С. Малахов, В. Л. Назаров, В. А. Тишков и др.) приводятся обоснования своего рода игры идентичными по значению приставками много- (в русском языке) и мульти- (приставки, заимствованной из латинского языка, *multus* — *много*), как по сути и поли- (от древнегр. *πολύς* — *многий*).

И если равнозначное толкование поликультурности и многокультурности не вызывает отторжения, то приставка мульти- в смысловом поле мультикультурности не так однозначна. Обратившись к ее употреблению при словообразовании в русском языке, можно прийти к выводу об узкой сфере ее использования — преимущественно в техническом контексте (например, мультипликация, мультиплекс, мультипликатор, мультипрограммирование, мультиаккаунт и пр.), передающем значение множественности, делимости, членения, многократности¹.

Подтверждением гипотезы о разнородности слов, содержащих в своем составе приставки поли- и мульти-, служит исследование семантического значения этих морфем, проведенное группой лингвистов под руководством профессора Л. Г. Золотых. Так, ученые установили, что приставки мульти- и поли- с лингвистической точки зрения обладают единым семантическим наполнением «много», но отличаются смысловой нагрузкой: мульти- обозначает простую множественность, многократно повторяющиеся однопорядковые элементы, в то время как поли- передает соотношение многообразия и сложной связи множества компонентов [10, с. 70].

Для определения валидности толкования указанных понятий применительно к теме нашего исследования необходимо обратиться к первоисточникам.

Концепт «мультикультурность» или «мультикультурализм» в сфере отношений, возникающих в социуме, был также введен в научный оборот зарубежными учеными. Он появился в конце XX в. в среде американских социологов и культурологов (Б. Бэрри, А. М. Шлезингер, Р. Хьюз и др.) как выражение сосуществования разных культур в рамках одного социально-культурного пространства в целях взаимопроникновения и взаимного развития, как выражение стремления к интеграции представителей внешних по отношению к титульной нации культурных сообществ [11, с. 14].

Т. В. Зиновьева, рассматривая соотношение поликультурности и мультикультурализма, приходит к выводу, что «если при поликультурности происходит взаимодействие разных культур, дополнение их друг

¹ Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М., СПб., 2000. С. 27.

другом, и в итоге образуется общее, единое общество, то мультикультурализм не поддерживает такие общественные принципы, считая „чужую“ культуру „другой“, и, не вступая с ней во взаимосвязь, остается для „другой“ культуры нечто инородным, неопознанным» [12, с. 6].

Иными словами, в основе поликультурности лежат идеи формирования единого общества представителями разных культурных групп, в то время как мультикультурализм выделяет инаковость как способность автономного сосуществования отдельных культурных образований в рамках общего социума [13].

Обращаясь к толкованию понятия «среда» (как социальное явление), необходимо отметить, что оно раскрывается как окружение, совокупность природных условий, в которых осуществляется деятельность человеческого общества, окружающие социальные условия, обстановка, а также совокупность людей, связанных общностью этих условий (Л. С. Выготский, С. И. Ожегов, Д. Н. Ушаков и др.). Культурная среда формируется под воздействием социума, который приспосабливает естественную среду под свои потребности. Поскольку в современном научном сообществе признается необходимость подготовки будущих поколений к жизнедеятельности в мире, характеризующемся этническим, культурным, языковым, религиозным разнообразием, то в этом смысле среду жизни можно называть поликультурной. Поэтому поликультурная среда может рассматриваться как сочетание разнообразных условий жизнедеятельности человека и социально-ролевого поведения, его случайные контакты и глубинные взаимодействия с другими людьми, конкретное природное, вещное и предметное окружение, представленное как открытая к взаимодействию часть социума [14]; как сосуществование и взаимодействие в некоем социальном пространстве разнообразных, равноправных и равноценных культур, их представителей, подразумевающее определенное отношение личностей к этому многообразию [15, с. 11].

Анализируя поликультурное пространство профессиональной деятельности, Г. Н. Слепцова указывает, что его ключевыми характеристиками выступают умения взаимодействовать в поликультурном социуме; сохранять и развивать многообразие культурных ценностей и идентичностей; развивать толерантное отношение к представителям других этнических культур и умения строить диалогические отношения с представителями иных культурных общностей [16, с. 13].

Поликультурная среда современной России, таким образом, выступает в качестве объединяющего элемента жизнедеятельности наших граждан и включает в себя все разнообразие этнонациональных, культурных, конфессиональных, социально-ролевых, статусных, гендерных и иных образований, находящихся прямо или косвенно в разной степени взаимозависимости и взаимодействия.

Материалы, результаты и обсуждение

Поликультурная среда сотрудника полиции.

Процесс взаимодействия субъектов в социальной среде может иметь разные векторы — от содействия друг другу, поиска взаимопонимания, достижения консенсуса, реализации взаимных интересов до противодействия [17]. Выбор направленности зависит от совпадения или противоположности интересов субъектов в совместной деятельности. Ключевой особенностью профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел выступает именно то, что она ориентирована на разрешение и устранение конфликтных ситуаций, на борьбу с преступностью во всех ее проявлениях.

Исследуя проблематику повышения эффективности деятельности в условиях поликультурного окружения, мы пришли к заключению, что сотрудникам полиции необходима полноценная адаптация к выполнению обязанностей в этой среде; демонстрация критического отношения к реалиям поликультурного общества; наличие способностей выявления факторов поликультурной среды, а также умений квалифицировать поликультурные ценности субъектов деятельности, что способствует осознанию мотивов, установок, стереотипов партнеров по взаимодействию (противодействию), которые в той или иной степени влияют на их правосознание, и, соответственно, рациональный выбор именно тех вариативных способов взаимодействия, которые способствовали бы максимально эффективной реализации профессиональных функций.

Таким образом, поликультурную среду сотрудника полиции можно определить как совокупность физических и юридических лиц и отдельных специалистов, участвующих во взаимодействии в условиях этой среды, разнонаправленно воздействующих друг на друга, исходя из особенностей собственного мироощущения, традиций, обычаев, стереотипов восприятия, ценностных установок, нормативных предписаний, уровня правосознания.

В свою очередь, в субъектный состав поликультурного окружения, т. е. среды, в рамках которой сотрудники полиции осуществляют свои профессиональные обязанности, входит как традиционно включаемый в него различными исследователями конгломерат этнонациональных, гендерных, конфессиональных и прочих групп населения, так и более широкий спектр специфических элементов (например, представителей субкультурных и криминальных (антикультурных) сообществ, в разной степени воздействующих на процессы воспроизводства преступности).

В рамках данной статьи в качестве примера делается акцент на деятельности участковых уполномоченных полиции России, поскольку именно эти специалисты, в отличие от сотрудников иных служб полиции, в большей степени и с более высокой ча-

стотностью взаимодействуют с представителями многокультурного социума в процессе выполнения своих функциональных обязанностей. Обращаясь к деятельности этой группы полицейских, необходимо отметить, что, несмотря на общее для любой профессии представление о социальной среде жизнедеятельности, служба полицейских обладает специфическим контекстом, уровнем интенсивности и определенными нормативными рамками. Поскольку нами установлено, что трудовая деятельность любого гражданина нашей страны осуществляется в условиях естественной для Российской Федерации поликультурности, полагаем необходимым определить факторы, которые существенным образом воздействуют на деятельность участковых уполномоченных полиции в условиях поликультурного окружения.

Факторы профессиональной деятельности.

Современные научные подходы, применяемые в отношении оценки работы персонала, опираются на то, что измерение только степени достижения конечного результата является недостаточным. Необходимо также учитывать демонстрацию работником личностных и профессиональных качеств как условия достижения эффективности деятельности [18, с. 94]. Соответственно, как показатели итоговых результатов, так и содержательная сторона самой деятельности находятся в зоне воздействия различных факторов.

Фактор, трактуемый в словарях иностранных слов как движущая сила (причина) какого-либо процесса², а также обуславливающая его или определяющая его характер³, является основным конструктом, применяемым в целях определения качества деятельности. Уникальной особенностью этого термина выступает то, что с течением времени его семантическое значение не претерпело сколько-нибудь существенных изменений в различных языках-реципиентах.

В рамках этой оценочной сферы наиболее часто выделяют две группы факторов: личностные и производственные, в свою очередь, подразделяя их по классифицирующим признакам на социально-экономические, технико-организационные, социально-психологические, рыночные, естественно-биологические (И. Ф. Зайнетдинова, И. Ю. Петрова, Н. А. Екимова и др.) [19–21]. В свою очередь, система личностных факторов может включать в себя внеличные, межличностные и внутриличностные факторы [22].

Для определения факторов, которые прямо или косвенно влияют на успешное выполнение возложенных на участковых уполномоченных полиции задач в условиях поликультурного окружения, необходимо выделить особенности осуществления деятельности этих сотрудников в поликультурной среде.

Особенности деятельности участковых уполномоченных полиции в поликультурной среде. Доминирующая роль специфики службы полицейских при определении структурно-содержательной составляющей поликультурной среды их деятельности была установлена по результатам исследования когнитивного и операционального компонентов опыта поликультурного взаимодействия. Участниками исследования в качестве экспертов выступили 56 слушателей факультета переподготовки и повышения квалификации Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина — сотрудники служб участковых уполномоченных полиции, представлявших различные регионы России. Для проведения эксперимента были разработаны карты экспертной оценки указанных компонентов, содержавшие общие и специфические характеристики уровня знаний поликультурных реалий современного российского общества и степени владения способами взаимодействия с субъектами поликультурной среды в процессе реализации функциональных обязанностей.

Обобщенные данные экспертных оценок и структурного анализа функциональных обязанностей сотрудников подразделений участковых уполномоченных позволили выделить специфику их службы в поликультурной среде. К этой специфике относятся:

- предметные и интерактивные целевые установки взаимодействия с субъектами профессиональной деятельности в процессе обеспечения правопорядка на вверенной административной территории;

- нормативно-правовая регламентация работы в поликультурной среде (строгие требования соблюдения нормативных актов, предписывающих осуществление деятельности в нейтральной форме, отрицающей действия дискриминационного характера по половозрастным, расовым, этнонациональным, языковым, социальным, имущественным признакам, семейному положению, культурным, субкультурным / контркультурным, политическим или религиозным предпочтениям);

- особый субъектный состав поликультурной среды профессиональной деятельности (индивидуальные и коллективные субъекты некриминальной и потенциально криминальной направленности, индивидуальные и групповые представители криминальной среды, внутриведомственные субъекты);

- предпочтительные стратегии реализации поликультурного взаимодействия с субъектами профессиональной деятельности (взаимовыгодное сотрудничество с субъектами для достижения общих целей; манипулятивное взаимодействие с лицами с девиантным и криминальным поведением);

² Крысин Л. П. Современный словарь иностранных слов. М., 2023. 416 с.

³ Большой словарь иностранных слов: Более 24000 слов. М., 2003. 815 с.

— способы осуществления поликультурного взаимодействия (классические: соревнование, приспособление, компромисс, избегание и сотрудничество; специальные: диалоговое общение, содействие, взаимообучение, взаимоконтроль, противодействие, противоборство, конфронтация);

— контекст сфер реализации поликультурного взаимодействия (сложившиеся ранее межличностные отношения между его участниками, нормы поведения, предубеждения, стереотипы, стигмы, традиции, формы вербальной или невербальной коммуникации, а также личностные качества субъектов, прямо или опосредованно воздействующие на характер взаимодействия).

Поликультурные факторы в деятельности участковых уполномоченных полиции. Выявленные особенности службы полицейских в условиях поликультурного окружения позволяют предположить, что ведущие факторы профессиональной деятельности этой категории сотрудников органов внутренних дел в поликультурной среде можно распределить следующим образом:

— *фактор общей среды жизнедеятельности* (естественная полиэтничность России, взаимовлияние этнокультур, традиций, норм, представлений, взаимное уважение и толерантное отношение к субъектам взаимодействия, наличие различных механизмов обмена информацией);

— *фактор поликультурной компетенции* (способность понимания особенностей окружающих культур и их отдельных представителей, способность проявления эмпатии, демонстрация устойчивой толерантности к проявлениям культурной инаковости, субкультурности в социуме, способность квалификации культурно-этнических проявлений, поведенческих паттернов, воздействующих на правосознание);

— *фактор межэтнической напряженности* (нарастание тревожности, недоверия по отношению к мигрантам, их отторжение, изоляция в контексте девиации структурно-мотивационных установок социальных и трудовых мигрантов, находящихся на территории нашей страны).

Кроме того, существенное значение в современных условиях функционирования Российского государства приобретает *фактор деструктивного внешнего воздействия на поликультурную среду* деятельности полицейских, который выражается в давлении на эмоциональную сферу посредством «дегуманизации» об-

раза России и ее граждан через зарубежные средства массовой информации, телекоммуникационные каналы, в стремлении экономического подавления нашей страны при помощи санкций.

Выводы

1. Субъектный состав среды профессиональной деятельности участковых уполномоченных полиции состоит из индивидуальных и коллективных субъектов некриминальной и потенциально криминальной направленности, индивидуальных и групповых представителей криминальной среды, внутриведомственных субъектов, выражается представленностью этнонациональных, гендерных, конфессиональных, половозрастных, субкультурных, криминальных сообществ Российской Федерации.

2. Ведущие факторы воздействия на поликультурную среду деятельности полицейских в России: общая среда жизнедеятельности, поликультурная компетенция, межэтническая напряженность, деструктивное внешнее воздействие на поликультурную среду.

3. Учет как содержательных особенностей профессиональной поликультурной среды деятельности сотрудников полиции, в частности служб участковых уполномоченных, так и специфических факторов, влияющих прямо или косвенно на нее, будет способствовать в целом повышению уровня эффективности правоохранительной деятельности и достижению более высокой индивидуальной результативности.

Область применения и перспективы. Результаты проведенного исследования не претендуют на исключительность суждений, но могут быть использованы для углубления понимания отдельных специфических проблем деятельности сотрудников полиции в условиях расширения субъектного состава поликультурной среды, интенсификации межкультурного взаимодействия.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку диагностического инструментария определения степени и интенсивности воздействия поликультурных факторов на результативность деятельности различных категорий сотрудников полиции в условиях поликультурного окружения. Отдельным направлением научных изысканий в этой области представляется выявление и анализ фрустрирующих факторов влияния субъектов поликультурной среды на эмоциональную и эмпатийную сферы личности сотрудников полиции в процессе выполнения ими своих функциональных обязанностей.

Список источников / References

1. Мельникова Е. А. Современные тенденции в изучении феномена «поликультурность» в отечественной и зарубежной науке: методологический аспект // Мир науки, культуры и образования. 2021. № 5(90). С. 272–274.
2. Драч Г. В., Штомпель О. М., Штомпель Л. А., Королев В. К. Культурология. СПб., 2023. 384 с.
3. Prashad V. Everybody Was Kung Fu Fighting: Afro-Asian Connections and the Myth of Cultural Purity. Boston, 2001. 216 p.
4. Kelley R. D. G. Freedom Dreams: The Black Radical Imagination. 20th Edition. Boston, 2022. 336 p.

5. Valenzuela M. A., Bernardo A. B. I. The potential of fostering connections: Insights into polycultural organizations. *Industrial and Organizational Psychology*. 2023. Vol. 16. Issue 3. Pp. 378–397.
6. Cho J., Tadmor C. T., Morris M. W. Are all diversity ideologies creatively equal? The diverging consequences of colorblindness, multiculturalism, and polyculturalism. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2018. No. 49(9). Pp. 1376–1401.
7. Flint K. Indian-African encounters: Polyculturalism and African therapeutics in Natal, South Africa, 1886-1950. *Journal of Southern African Studies*. 2006. No. 32. Pp. 367–385.
8. Матис В. И. Теория и практика развития национальной школы в поликультурном обществе : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Барнаул, 1999. 38 с.
9. Насырова М. Б. Поликультурное образование: факторы актуализации, сущность феномена, концептуальные идеи и возможные модели реализации содержания // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2014. № 4(12). С. 186–191.
10. Золотых Л. Г., Космачева О. Ю., Куликова Е. Ю. Смысловая вариативность префиксов мульти- и поли- в понятиях «поликультурный» и «мультикультурный» // Гуманитарные исследования. 2015. № 4(56). С. 66–71.
11. Назаров В. Л. Теория и практика мультикультурализма в странах Запада. Екатеринбург, 2015. 212 с.
12. Зиновьева Т. В. Основные социологические термины. Челябинск, 2006. 66 с.
13. Макажанова Ж. М. Поликультурность в современном образовании, или Чем отличается поликультурность от мультикультурализма // Непрерывное образование: XXI век. 2018. № 3(23). С. 106–113.
14. Погонина Е. А., Гребенников А. Б. Личностно-профессиональное развитие курсантов образовательных учреждений МВД России. Белгород, 2005. 76 с.
15. Гайсина Л. Ф. Готовность студентов вуза к общению в мультикультурной среде и ее формирование : монография. Оренбург, 2004. 113 с.
16. Слепцова Г. Н. Поликультурная компетентность — ключевой компонент профессионального педагогического образования // Антропологическая дидактика и воспитание. 2013. Т. 6, № 5. С. 10–16.
17. Панченко В. Ю. Юридическое содействие и юридическое противодействие как парные правовые категории // Lex russica. 2015. № 12. С. 30–42.
18. Тобышева А. А., Кельчевская Н. Р. Подходы к оценке результативности труда персонала: учет когнитивных искажений // Российские регионы в фокусе перемен : сб. докладов : в 2 т. (18–20 ноября 2021 года, Екатеринбург). Екатеринбург, 2022. Т. 2. С. 93–98.
19. Зайнетдинова И. Ф. Оценка деятельности работников организации. Екатеринбург, 2016. 120 с.
20. Петрова И. Ю. Оценка результатов труда персонала как ключевой фактор, определяющий эффективность труда // Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии. 2010. № 4(12). С. 65–72.
21. Екимова Н. А. Факторы и резервы роста производительности труда в России: концепции и количественные оценки // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2019. Т. 18, № 6. С. 944–966.
22. Аллин О. Н., Сальникова Н. И. Кадры для эффективного бизнеса. М., 2005. 242 с.

Поступила 12.02.2025; одобрена после рецензирования 20.02.2025; принята к публикации 30.03.2025.

Научно-практическая статья

УДК 159.923 © Цимбал А. С., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-1104-49-55

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Характерологические особенности сотрудников органов внутренних дел с разным уровнем информационно-психологической уязвимости

Александр Сергеевич Цимбал, адъюнкт кафедры юридической психологии¹;

tsi-m-ball@rambler.ru; <https://orcid.org/0009-0002-7994-484X>

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилутова, 1, Россия

Реферат. Введение. На основе эмпирического материала изучены характерологические особенности полицейских в свете информационно-психологической уязвимости. Рассмотрены характерологические отличия сотрудников полиции с разной степенью ее выраженности. Цель — изучение взаимосвязи характерологических особенностей сотрудников органов внутренних дел с разным уровнем информационно-психологической уязвимости. **Материалы и методы.** Респондентами выступили 115 сотрудников органов внутренних дел центрального аппарата и территориальных органов МВД России в возрасте от 35 до 45 лет. В исследовании были использованы авторская методика «Шкала информационно-психологической уязвимости», а также «Опросник черт характера взрослого человека» (В. М. Русалов, О. Н. Манолова). **Результаты и обсуждение.** Установлены связи информационно-психологической уязвимости с показателями черт характера. Показано, что характерологические особенности сотрудников органов внутренних дел, такие как гипертимность, экзальтированность, циклотимность, дистимность и тревожность, есть детерминанты информационно-психологической уязвимости в пространстве «устойчивость — виктимность». **Выводы.** Установлено, что в качестве характерологических особенностей сотрудников органов внутренних дел с информационно-психологической устойчивостью выступают оптимистичность, умеренная эмоциональная восприимчивость, впечатлительность, уверенность в себе, смелость и толерантность к неопределенности; сотрудников с информационно-психологической уязвимостью — пониженное настроение, пессимистичность, безынициативность, лабильность настроения, впечатлительность, тревожность и неуверенность в себе.

Ключевые слова: информация, влияние, воздействие, уязвимость, устойчивость, виктимность, характерологические особенности

Благодарности: автор выражает благодарность Сергею Витальевичу Духновскому, доктору психологических наук, профессору кафедры юридической психологии, за научное сопровождение исследования.

Для цитирования: Цимбал А. С. Характерологические особенности сотрудников органов внутренних дел с разным уровнем информационно-психологической уязвимости // Психопедagogика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 1(104). С. 49–55. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-1104-49-55>

Scientific and Practical Article

UDC 159.923 © Tsimbal A. S., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-1104-49-55

5.3.9. Legal Psychology and Psychology of Security

Character Traits of Law Enforcement Officers with Different Levels of Informational and Psychological Vulnerability

Alexandr S. Tsimbal, post-graduate student at the chair of Legal Psychology¹; tsi-m-ball@rambler.ru; <https://orcid.org/0009-0002-7994-484X>

¹ the St. Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs, 1, Letchik Pilyutov st., St. Petersburg, 198206, Russia

Abstract. Introduction. Professional activity of law enforcement officers nowadays involves active integration into information space. Information-psychological stability is a key professional competence, deficit of which leads to information-psychological vulnerability. The objective is to study the relationship of character traits of law enforcement officers with different levels of informational and psychological vulnerability. **Materials and Methods.** The respondents involved 115 law enforcement officers of the central apparatus and territorial bodies of the Russian Ministry of Internal Affairs between the ages of 35 and 45. The study employed the author's methodology "Scale of informational-psychological vulnerability" as well as "Questionnaire of adult character traits" (V. M. Rusalov, O. N. Manolova). **Results and Discussion.** It is shown that the character traits of law enforcement officers, such as "hyperthymic temperament", "exhilaration", "cyclothymia", "dysthymia" and "anxiety" are determinants of informational-psychological vulnerability in the space "resilience — victimization". **Conclusions.** It is established that character traits of the law enforcement officers with informational and psychological stability include optimism, moderate emotional sensitiveness, susceptibility, self-confidence, courage and tolerance to uncertainty.

Keywords: information, influence, impact, vulnerability, stability, victimization, character traits

Acknowledgements: the author expresses her to the supervisor, S. V. Dukhnovsky, Doktor of Science (in Psychology), Professor at the chair of Legal Psychology.

Citation: Tsimbal A. S. Character Traits of Law Enforcement Officers with Different Levels of Informational and Psychological Vulnerability. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 1(104). Pp. 49–55 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-1104-49-55>

Основные положения

1. Информационно-психологическая уязвимость представляет собой реальную и (или) потенциальную подверженность влиянию информационного воздействия (прямого и (или) косвенного).

2. Характерологические особенности сотрудников органов внутренних дел могут являться индикаторами информационно-психологической устойчивости, уязвимости, виктимности.

3. Характерологическими детерминантами информационно-психологической уязвимости выступают гипертимность, экзальтированность, циклотимность, дистимность и тревожность.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Сфера жизнедеятельности людей на текущем этапе развития информационно-телекоммуникационных технологий — это пространство информации. Ее чрезвычайный объем, доступность, содержательное наполнение, нередко провокационное и деструктивное, могут оказывать негативное воздействие на психическое состояние человека, угрожать благополучию и успешной реализации профессиональной деятельности. Это также актуально и для сотрудников органов внутренних дел (далее — ОВД), чью профессиональную деятельность можно охарактеризовать ростом вызовов, связанных с информационным пространством и цифровизацией оперативно-служебной деятельности.

В Концепции формирования и развития культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации к психологическим угрозам человеку в информационном пространстве отнесены такие отрицательные феномены, как травля в цифровом пространстве, пропаганда насилия, национализма, распространение недостоверной информации, иной вредоносный контент*.

В связи с этим дополнительные требования предъявляются к характерологическим особенностям сотрудников ОВД, где одно из ключевых мест занимает информационно-психологическая устойчивость, обратной стороной которой выступает информационно-психологическая уязвимость.

Цель — выявление взаимосвязи характерологических особенностей сотрудников ОВД с разным уровнем информационно-психологической уязвимости.

Теоретические предпосылки и степень изученности проблемы. В рамках предметного поля юридической психологии и психологии безопасности вопросы характерологических особенностей, профессионально значимых качеств сотрудников ОВД изучались в контексте описания профессиограмм

различных юридических специальностей, наиболее известные из которых изложены в работах В. Л. Васильева [1], М. И. Еникеева [2], Ю. В. Чуфаровского [3], И. И. Аминова, Н. А. Давыдова [4], Ю. А. Шаранова, И. Ю. Кобозева, Н. А. Гончаровой [5] и др.

Обращают на себя внимание работы А. В. Осинцевой, О. В. Гармановой, которые на базе эмпирических данных описали эталонный образ полицейского, включающий в себя: характеристики интеллекта, психических форм отражения (быстроту восприятия информации, объективность при ее обобщении, внимательность, сосредоточенность, логичность и гибкость мышления, развитое воображение); особенности эмоциональной сферы (сочувствие к окружающим, позитивное настроение, эмоциональную устойчивость, уравновешенность); черты характера (ответственность, работоспособность, целеустремленность, терпеливость, самокритичность, требовательность, чувство самообладания, патриотизм); направленность личности (самореализацию, чувство долга, активную жизненную позицию) [6, с. 19].

М. М. Османов, Р. А. Темботов в качестве характерологических особенностей сотрудников ОВД указывают на повышенную скорость реакции на нестандартные обстоятельства, высокую степень контроля аффективных психических процессов, предприимчивость, инициативность, стрессоустойчивость и высокие показатели спортивной подготовленности [7, с. 263–264].

Н. В. Аникеева к характерологическим качествам полицейских относит настойчивость и упорство в преодолении возникающих трудностей, способность брать на себя ответственность в сложных ситуациях (решительность), объективно оценивать свои достижения, силы и возможности, самостоятельность и инициативность в принятии важных решений, самообладание и умение контролировать собственное поведение и эмоции [8].

Специфика работы подразделений информации и общественных связей МВД России, в частности ее психологические аспекты, поднималась в работах Р. Ю. Ивановой и Т. В. Мальцевой. Исследователи приводят ряд характерологических качеств сотрудников ОВД ведомственных пресс-служб, к которым относят:

— гибкость и умение обладать быстрой реакцией и способностью оперативно переходить с одного задания на другое, если того требуют обстоятельства и руководство;

— надежность и честность, так как часто возникает ситуация, когда сотрудник сталкивается с конфиденциальной информацией;

* Об утверждении Концепции формирования и развития культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации : распоряжение Правительства Российской Федерации от 22 декабря 2022 г. № 4088-р // Правительство России : официальный сайт. URL: <http://government.ru/docs/all/145092/> (дата обращения: 16.05.2025).

— воля к победе и успеху, так как PR-специалист должен быть настроен на борьбу за достижение наилучших результатов;

— наличие широкого кругозора;

— обаяние (индивидуальность, оптимизм, эмоциональная заразительность, остроумие, внимательность, доброжелательность, коммуникабельность) [9, с. 27–28].

В рамках изучения специфики психологической подготовки сотрудников полиции к профессиональной деятельности М. И. Марьин, В. Е. Петров, А. Д. Сафонов выделяют среди профессионально значимых характерологических качеств коммуникативные навыки и умения, интеллектуальные качества, особенности памяти, внимание и наблюдательность, волевые качества, эмоциональные особенности, моторные свойства [10].

В контексте изучения впервые принятых на службу сотрудников правоохранительных органов Л. Ю. Нежкина, И. В. Ярославцева к личностно-характерологическим качествам полицейских с высоким и нормальным уровнем адаптации относят эмоциональную устойчивость, общительность, бесконфликтность, умение подстраиваться под быстро меняющуюся обстановку, устойчивость к негативному морально-психологическому воздействию [11].

А. Г. Караяни с соавторами рассматривает информационно-психологическую устойчивость как «характерологическую особенность сотрудников ОВД, структура которой включает когнитивный, мотивационно-ценностный, эмоционально-волевой, поведенческий и регулятивный компоненты» [12, с. 111]. Информационно-психологическая устойчивость «понимается как способность противостоять неблагоприятному влиянию / воздействию информации, получаемой и используемой в информационном пространстве служебной деятельности, сохраняя целостность картины мира, личностную и профессиональную идентичность, эмоциональную стабильность и работоспособность» [13, с. 470].

В. А. Цилик рассматривает ключевые личностно-характерологические особенности полицейских исходя из их профессиональной специализации. Так, для оперуполномоченных наиболее значимыми признаками являются развитая память и внимательность, а также коммуникативные навыки; для занимающихся профилактической деятельностью полицейских — интеллектуальные и коммуникативные способности; для сотрудников, осуществляющих административный надзор, — волевые и коммуникативные качества [14, с. 116].

Литературный обзор показывает, что в свете рассмотрения вопросов информационно-психологической уязвимости характерологические особенности сотрудников ОВД требуют нового теоретического обобщения и эмпирического обоснования. Взаимосвязаны ли характерологические особенности сотрудников ОВД

с информационно-психологической уязвимостью? Являются ли они ее детерминантами? Имеются ли характерологические отличия у сотрудников ОВД с различной степенью информационно-психологической уязвимости (устойчивости и виктимности)? Поиск ответов на указанные вопросы и определил основные цели данного эмпирического исследования.

Избирая информационно-психологическую уязвимость в качестве одного из объектов изучения, требуется указать, что слово «уязвимость» толкуется как слабость, ранимость, повышенный уровень чувствительности к чему-либо.

В ряде зарубежных работ по прикладным вопросам экологии [15; 16] термин «уязвимость» употребляется как синоним подверженности разного рода воздействиям.

В научных исследованиях, посвященных всевозможным формам когнитивной войны, уязвимость личности определяется как:

— «способность субъекта быть подверженным внешнему воздействию, искажающему его убеждения, установки, ценности» [17];

— «неспособность субъекта оценивать информационные сообщения критически, отделять ложное от истинного, осознанно регулировать воздействие эмоционально значимой информации на собственные представления, чувства и поведение» [18].

Р. Джервис изучает проблематику информационно-психологической уязвимости в контексте когнитивных искажений [19]. Д. Канеман рассматривает «ловушки» мышления (восприятия) в качестве проявлений информационно-психологической уязвимости человека, к которым он относит иллюзию истины, эффект настроения и ореола, автозамену и мнимую убедительность, феномен «что видишь, то и есть» и др. [20].

Под «информационно-психологической уязвимостью» будем понимать «реальную и/или потенциальную подверженность влиянию информационного воздействия (прямого и/или косвенного). С одной стороны, уязвимость характеризует негативные аспекты восприятия, оценки и использования информации. Это приводит к ошибкам ее восприятия (например, неполноте, неточности), трудностям ее оценки (преувеличения, преуменьшения, игнорирования) и, соответственно, к проблемам ее использования, в том числе и профессиональной деятельности. С другой стороны, уязвимость проявляется в негативном влиянии на самого субъекта, его психическое состояние, настроение, формирование установок по отношению к себе, другим людям, миру в целом, либо отдельным их аспектам» [21, с. 45].

При рассмотрении проблематики информационно-психологической уязвимости будем придерживаться следующей позиции: «Каждый человек, живя в современном информационном пространстве, является

уязвимым. Так, повышение уязвимости выражается в *информационно-психологической виктимности* — способности и возможности субъекта стать жертвой информационно-психологического воздействия (прямого и/или косвенного) в информационном пространстве; это его неспособность избежать негативного влияния информации там, где оно объективно и/или субъективно было предотвратимо. Снижение уязвимости является индикатором *информационно-психологической устойчивости* человека — его способности противостоять неблагоприятному воздействию (и влиянию) информации, получаемой и используемой в информационном пространстве, сохраняя целостность картины мира, благоприятное психическое состояние и настроение, психологическое здоровье, благополучие и работоспособность в различных жизненных ситуациях» [22, с. 45].

Материалы и методы

Респондентами выступили 115 сотрудников центрального аппарата и территориальных органов МВД России в возрасте от 35 до 45 лет: 40 сотрудников — УОС МВД России (19 мужчин, 21 женщина); 75 сотрудников подразделений информации и общественных связей территориальных органов МВД России (33 мужчины; 42 женщины).

Гипотезы исследования: 1) информационно-психологическая уязвимость и характерологические особенности сотрудников полиции взаимосвязаны; 2) характерологические особенности являются детерминантами информационно-психологической уязвимости в континууме «устойчивость — виктимность»; 3) имеются характерологические отличия у полицейских с разной степенью выраженности информационно-психологической уязвимости (устойчивости и виктимности).

Использовался комплекс психодиагностических методик:

— «Шкала информационно-психологической уязвимости» (С. В. Духновский, А. С. Цимбал), «позволяющая оценить потенциальную возможность субъекта стать жертвой информационно-психологического воздействия (прямого и/или косвенного), включая его неспособность избежать негативного влияния информации там, где оно объективно и/или субъективно было предотвратимо. В зависимости от выраженности итогового показателя, оценивается уровень информационно-психологической уязвимости в континууме „устойчивость — виктимность“. Чем выше балл, тем больше оценки отклоняются в сторону виктимности, низкие значения говорят об информационно-психологической устойчивости» [21];

— «Опросник черт характера взрослого человека» (В. М. Русалов, О. Н. Манолова) [23], применявшийся для описания доминирующих характерологических особенностей (гипертимность, застревание, эмотив-

ность, педантичность, тревожность, циклотимность, демонстративность, возбудимость, дистимность, экзальтированность).

Применялись следующие методы математической статистики: первичные описательные статистики, сравнительный критерий, множественный регрессионный анализ. Проведению сравнительного анализа предшествовал расчет статистического критерия нормальности Колмогорова-Смирнова для каждой переменной. Уровень значимости p по всем переменным выше 0,05. Это сделало возможным сформулировать вывод о нормальном распределении и установить в качестве метода параметрический t -критерий Стьюдента для независимых выборок. Результаты обрабатывались с использованием программного пакета SPSS 23.0.

Результаты и обсуждение

В целях обоснования гипотезы о взаимосвязи информационно-психологической уязвимости с характерологическими особенностями сотрудников ОВД был применен корреляционный анализ с использованием r -коэффициента Пирсона. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1. Корреляционные связи показателя «информационно-психологическая уязвимость» с показателями по шкалам методики

«Опросник черт характера взрослого человека» (ОЧХ-В)
(Table 1. Correlation of the indicator of information-psychological vulnerability with the indicators on the scales of the methodology "Adult Character Traits Questionnaire" (ACQ-B))

Шкалы методики «ОЧХ-В»	Уровень уязвимости
Гипертимность ГП	-0,38
Экзальтированность ЭК	0,41
Циклотимность ЦК	0,40
Ригидность РГ	0,36
Дистимность ДС	0,42
Тревожность ТР	0,37
Эмотивность ЭМ	0,27

Из таблицы 1 следует, что установлены значимые корреляционные связи показателей по шкалам методики «Опросник черт характера взрослого человека» с показателем «информационно-психологическая уязвимость».

Повышение величин по шкале «уязвимость» сопровождается возрастанием по шкалам «дистимность», «экзальтированность», «циклотимность», «тревожность» и «ригидность» (коэффициенты корреляции в диапазоне от 0,36 до 0,42 при $p \leq 0,01$).

Следовательно, при трансформации значений по шкале «информационно-психологическая уязвимость» в сторону виктимности у сотрудников ОВД снижается активность (дистимность), усиливаются пессимистичность и впечатлительность относительно негативных, минорных событий (экзальтированность), неустойчивость настроения (циклотимность),

беспокойство, настороженность перед внешними обстоятельствами, неуверенность в себе (тревожность), трудности в изменении поведения в зависимости от обстоятельств (ригидность).

Доказано, что критерий «информационно-психологическая уязвимость» имеет отрицательную корреляцию с критерием «гипертимность» по методике «ОЧХ-В» ($r = -0,38$ при $p \leq 0,01$). Соответственно, снижение значений по шкале «уязвимость» в сторону информационно-психологической устойчивости соотносится с повышенным настроением, оптимистичностью, способностью преодолевать трудности благодаря своей деятельной активности. Вместе с тем снижение гипертимности как черты характера сопровождается повышением уязвимости, а также возможности стать жертвой информационно-психологического воздействия, негативного влияния информации там, где этого несложно избежать (информационно-психологическая виктимность).

Для доказательства гипотезы о характерологической детерминации информационно-психологической уязвимости использовался множественный регрессионный анализ. Его итогом стало создание регрессионной модели «Характерологические детерминанты информационно-психологической уязвимости» ($R^2 = 0,75$; $F = 3,87$; $p = 0,001$), в которой 75% дисперсии указанной переменной устанавливается суммарным воздействием значений по шкалам «гипертимность» ($\beta = -0,77$), «экзальтированность» ($\beta = 0,70$), «циклотимность» ($\beta = 0,69$), «дистимность» ($\beta = 0,74$) и «тревожность» ($\beta = 0,75$). Следовательно, гипотеза о детерминации характерологических особенностей полицейских и информационно-психологической уязвимости субъектов правоохранительной деятельности эмпирически подтверждена. Степень выраженности рассмотренных характерологических особенностей будет определять информационно-психологическую устойчивость либо виктимность сотрудников органов внутренних дел.

В целях доказательства гипотезы о наличии характерологических различий у сотрудников ОВД с разной выраженностью информационно-психологической уязвимости (устойчивости и виктимности) было проведено сравнительное исследование. Для этого на основе данных опросника «Шкала информационно-психологической уязвимости» изученная выборка была разделена на две группы:

первая группа — сотрудники ОВД со значениями информационно-психологической устойчивости (76 чел.);

вторая группа — сотрудники ОВД со значениями информационно-психологической виктимности (39 чел.).

Затем с помощью параметрического t -критерия Стьюдента были определены устойчивые различия по шкалам методики «Опросник черт характера взрос-

лого человека» (ОЧХ-В) между указанными группами. Результаты приведены в таблице 2.

Таблица 2. Выраженность черт характера у сотрудников ОВД с разным уровнем информационно-психологической устойчивости и уязвимости

(Table 2. Intensity of character traits in law enforcement officers with different levels of informational and psychological stability and vulnerability)

Шкалы методики «ОЧХ-В»	Информационно-психологическая	
	устойчивость (n=76)	виктимность (n=39)
Гипертимность	26,8±2,8 (7) *	16,3±3,5 (3)
Экзальтированность	18,4±2,1 (5)	25,5±3,3 (8) *
Циклотимность	12,5±2,4 (3)	25,7±4,2 (8) *
Дистимность	9,1±1,2 (2)	20,2±3,5 (8) *
Тревожность	12,3±2,3 (3)	24,6±3,7 (8) *

Примечания: * — различия достоверны на уровне $p \leq 0,01$; значение t -критерия в диапазоне от 2,97 до 3,5.

Результаты, представленные в таблице 2, свидетельствуют об устойчивых различиях по шкалам методики «Опросник черт характера взрослого человека» между обследованными с информационно-психологической устойчивостью и уязвимостью.

Итак, показатель «гипертимность» у сотрудников ОВД с информационно-психологической устойчивостью (далее — устойчивые сотрудники) достоверно выше, чем у сотрудников с информационно-психологической виктимностью (далее — виктимные или уязвимые). После перевода сырых табличных значений в стандартные данный показатель у устойчивых сотрудников выражен на завышенном уровне (в диапазоне 7 стэнов), тогда как у виктимных — на низком (в диапазоне 3 стэнов). Показатель «экзальтированность» у устойчивых сотрудников достоверно выше, чем у виктимных. При переводе сырых табличных значений в стандартные указанный показатель у устойчивых сотрудников выражен на среднем уровне (в диапазоне 5 стэнов), тогда как у виктимных — на повышенном (в диапазоне 8 стэнов).

Кроме того, показатели «циклотимность», «дистимность» и «тревожность» у сотрудников устойчивых достоверно ниже, чем у уязвимых. При переводе сырых табличных значений в стандартные данные показатели в группе устойчивых сотрудников находятся на низком уровне (в диапазоне от 2 до 3 стэнов), тогда как у виктимных — на повышенном (в диапазоне от 7 до 8 стэнов).

Таким образом, гипотеза о наличии характерологических различий между сотрудниками ОВД с разной выраженностью информационно-психологической уязвимости (устойчивости и виктимности) нашла эмпирическое подтверждение.

Исходя из полученных данных, определим характерологические черты сотрудников ОВД с инфор-

мационно-психологической устойчивостью и уязвимостью.

Сотрудники ОВД с информационно-психологической устойчивостью отличаются:

- повышенным настроением, активностью, оптимистичностью, общительностью (повышенной гипертимностью);
- умеренной эмоциональной восприимчивостью и впечатлительностью (умеренной экзальтированностью);
- устойчивостью поведения и ровным настроением, независимо от обстоятельств (низкой циклотимностью);
- уверенностью в себе, смелостью, толерантностью к неизвестным ситуациям (низкой тревожностью);
- включенностью в деятельность, эмоциональной подвижностью (низкой дистимностью).

Сотрудники ОВД с информационно-психологической виктимностью характеризуются:

- пониженным настроением, безынициативностью (низкой гипертимностью);
- эмоциональной подавленностью, впечатлительностью относительно негативных, минорных событий и фактов (повышенной экзальтированностью);
- неустойчивостью настроения (повышенной циклотимностью);
- беспокойством по поводу возможных неудач и несчастий (при отсутствии причин для этого), робостью, настороженностью и неуверенностью в себе (повышенной тревожностью);
- пессимистичностью, пониженным настроением, низкой активностью (повышенной дистимностью).

В завершение отметим, что выдвинутые нами гипотезы о том, что информационно-психологическая уязвимость сотрудников ОВД взаимосвязана с характерологическими особенностями (выступающими детерминантами уязвимости в континууме «устойчивость — виктимность»), и о существовании характерологических различий полицейских с различной степенью уязвимости нашли эмпирическое подтверждение.

Выводы

1. Установлены связи информационно-психологической уязвимости с показателями черт характера. Так, повышение значений уязвимости в сторону виктимности сопровождается увеличением значений по шкалам «дистимность», «экзальтированность», «циклотимность», «тревожность». Тогда как снижение уязвимости в сторону устойчивости соотносится с увеличением показателя «гипертимность».

2. Характерологическими детерминантами информационно-психологической уязвимости выступают гипертимность, экзальтированность, циклотимность, дистимность и тревожность.

3. Характерологическими особенностями сотрудников ОВД с выраженной информационно-психологической устойчивостью выступают повышенное настроение, активность и оптимистичность, умеренная эмоциональная восприимчивость и впечатлительность, уверенность в себе, смелость, толерантность к неопределенности.

4. Характерологическими особенностями сотрудников ОВД с выраженной информационно-психологической уязвимостью являются пониженное настроение, пессимистичность, безынициативность, неустойчивость настроения, впечатлительность по поводу негативных событий и фактов, тревожность и неуверенность в себе.

Область применения и перспективы. Полученные данные целесообразно использовать в рамках передовых практик морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. Учет уровня информационно-психологической уязвимости, выявление взаимосвязи с характерологическими особенностями сотрудников ОВД будет способствовать повышению качества профессионального отбора в подразделения органов внутренних дел, а также может использоваться в ходе психологического сопровождения сотрудников ОВД на различных этапах прохождения службы.

Список источников / References

1. Васильев В. Л. Юридическая психология. Л., 1974. 96 с.
2. Еникеев М. И. Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии : учебник для вузов. М., 2005. 640 с.
3. Чуфаровский Ю. В. Юридическая психология в вопросах и ответах : учеб. пособие. М., 2023. 256 с.
4. Аминов И. И., Давыдов Н. А. Психология профессиональной деятельности юриста : учебник. М., 2023. 280 с.
5. Шаранов Ю. А., Кобозев И. Ю., Гончарова Н. А. Юридическая психология : учебник. СПб., 2021. 308 с.
6. Осинцева А. В., Гарманова О. В. Профессионально важные качества личности сотрудника ОВД в зависимости от вида деятельности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2009. № 4. С. 16–19.
7. Османов М. М., Темботов Р. А. К вопросу о личностных качествах сотрудников полиции // Образование и право. 2023. № 1. С. 261–266.
8. Аникеева Н. В. Роль волевой регуляции в профессиональной деятельности сотрудника ОВД // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 3. С. 105–107.
9. Иванова Р. Ю., Мальцева Т. В. Психологические аспекты PR-деятельности в МВД России : учеб. пособие. М., 2023. 68 с.
10. Марьин М. И., Петров В. Е., Сафронов А. Д. Психологическая подготовка сотрудников полиции к профессиональной деятельности : учеб.-метод. пособие. Домодедово, 2014. 195 с.

11. Нежкина Л. Ю., Ярославцева И. В. Личностные и деловые качества сотрудников органов внутренних дел как факторы профессиональной адаптации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 3. С. 200–205.
12. Караяни А. Г., Караяни Ю. М., Дерешко Б. Ю. Технологии защиты сотрудников органов внутренних дел от негативного информационно-психологического воздействия : монография. СПб., 2021. 101 с.
13. Цимбал А. С. Информационно-психологическая устойчивость и уязвимость как детерминанты профессиональной надежности сотрудника органов внутренних дел // Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2024. С. 468–474.
14. Цилик В. А. Оценка профессионально-личностных качеств сотрудников ОВД в зависимости от вида профессиональной деятельности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 3(62). С. 113–116.
15. BurVal Working Group 2006. Groundwater Resources in Buried Valleys — a challenge for Geosciences. Hannover, 2006. 102 p.
16. Florian W. H. Smith, Enno P. H. Bregman. Buried glacial valleys as drinking water reservoirs. An assessment on function and risks in their role as drinking water reservoirs in the ice-marginal landscape of northern Europe. Aarhus University, province Drenthe Encore «Fresh Water» project materials. 2013. 86 p.
17. Di Pietro R., Raponi S., Caprolu M., Cresci S. New Dimensions of Information Warfare. Switzerland, 2021. 262 p.
18. Hasson U. Believe it or not: On the possibility of suspending belief. *Psychological Science*. 2005. Vol. 16. Pp. 566–571.
19. Джервис Р. Восприятие и неверное восприятие в международной политике / пер. с англ. Т. Ованнисяна. М., 2022. 656 с.
20. Канеман Д. Думай медленно. Решай быстро. М., 2024. 656 с.
21. Духновский С. В., Цимбал А. С., Вартамян А. С. Доверие сотрудников органов внутренних дел с разным уровнем информационно-психологической уязвимости // Человеческий капитал. 2025. № 4(196). С. 43–52.
22. Духновский С. В., Злоказов К. В. Информационно-психологическая уязвимость сотрудников органов внутренних дел с разным уровнем устойчивости и утомленности // Психология и право. 2024. Т. 14, № 4. С. 50–57.
23. Русалов В. М., Манолова О. Н. Опросник черт характера взрослого человека (ОЧХ-В). М., 2003. 100 с.

Поступила 21.07.2025; одобрена после рецензирования 14.08.2025; принята к публикации 25.12.2025.

Психологические аспекты становления и развития личности

Psychological aspects of personality formation and development

Научно-практическая статья

УДК 159 © Абдуллин А. Г., Тумбасова Е. Р., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-1104-56-62

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии

Индивидуально-психологические особенности и копинг-стратегии педагогов

Асат Гиниатович Абдуллин, доктор психологических наук, профессор, старший научный сотрудник кафедры психологии управления и служебной деятельности¹; asatabdullin50@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0804-6148>

Екатерина Рахматуллаевна Тумбасова, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии²; kate6979@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8761-7550>

¹ Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, 454080, пр-кт Ленина, 76, Россия

² Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, Магнитогорск, 455000, пр-кт Ленина, 38, Россия

Реферат. Введение. В современных условиях учителя сталкиваются с множеством стрессовых факторов, что делает важным изучение их индивидуально-психологических особенностей и способов преодоления трудностей. Цель — выявление индивидуально-психологических особенностей и копинг-стратегий педагогов. **Материалы и методы.** Использовались метод теоретического анализа научных источников по проблеме исследования; эмпирический метод, включающий применение таких психодиагностических методик, как многофакторный личностный опросник (форма С) Р. Кеттелла в адаптации Э. С. Чугуновой, А. Н. Капустиной, Л. В. Мургулец, И. М. Палей (2001), опросник совладания со стрессом Ч. Карвера, М. Шейера и Дж. Вейнтрауба в адаптации Т. О. Гордеевой, Е. Н. Осина, Е. И. Рассказовой и др., опросник «Индикатор копинг-стратегий» Д. Амирхана в адаптации Н. А. Сироты, В. М. Ялтонского (1994); статистическая обработка данных проводилась с помощью методов математической статистики, достоверность различий полученных данных между группами определялась путем расчета (U-критерий Манна-Уитни). **Результаты и обсуждение.** Представлены доминирующие индивидуально-психологические особенности и копинг-стратегии педагогов. Выявлены значимые различия в индивидуально-психологических особенностях и копинг-стратегиях педагогов образовательных учреждений основного общего и высшего профессионального образования, приведены данные эмпирического исследования. **Выводы.** Существуют значимые различия в индивидуально-психологических особенностях и копинг-стратегиях педагогов образовательных учреждений основного общего и высшего профессионального образования.

Ключевые слова: копинг-стратегии, индивидуально-психологические особенности

Для цитирования: Абдуллин А. Г., Тумбасова Е. Р. Индивидуально-психологические особенности и копинг-стратегии педагогов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 1(104). С. 56–62. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-1104-56-62>

Scientific and Practical Article

UDC 159 © Abdullin A. G., Tumbasova E. R., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-1104-56-62

5.3.1. General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology

Teachers' Individual Psychological Features and Coping Strategies

Asat G. Abdullin, Doctor of Science (in Psychology), Senior Researcher at the chair of Psychology of Management and Service Activities¹; asatabdullin50@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0804-6148>

Ekaterina R. Tumbasova, Candidate of Science (in Psychology), Associate-Professor at the chair of Psychology²; kate6979@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8761-7550>

¹ South Ural State University, 76, Lenin pr., Chelyabinsk, 454080, Russia

² Nosov Magnitogorsk State Technical University, 38, Lenin pr., Magnitogorsk, 455000, Russia

Abstract. Introduction. In modern conditions, teachers encounter a lot of stressful factors, which makes it especially important to study their individual psychological features and ways of overcoming difficulties. The purpose is to identify teachers' individual psychological features and coping strategies. **Materials and Methods.** The method of theoretical analysis of scientific sources

on the problem of the research was used; an empirical method, including the application of psycho-diagnostic techniques: multi-factor personal questionnaire (form C) by R. Cattell adaptation by E. S. Chugunov, A. N. Kapustin, L. V. Murgulez, I. M. Palei (2001), stress coping assessment inventory by C. Carver, M. Scheier and J. Weintraub adapted by T. O. Gordeeva, E. N. Osin, E. I. Rasskazova et al., questionnaire "Coping Strategy Indicator" by J. Amirkhan adaptation by N. A. Sirota, V. M. Yaltonsky (1994). **Results and Discussion.** The paper comprises dominant teachers' individual psychological features and coping strategies. Significant differences in the individual psychological features and coping strategies of teachers of educational institutions of basic general and higher professional education have been identified, empirical data are provided. **Conclusions.** The study showed that there are significant differences in individual psychological features and coping strategies of teachers of educational institutions of basic general and higher professional education.

Keywords: coping behavior, individual and psychological features

Citation: Abdullin A. G., Tumbasova E. R. Teachers' Individual Psychological Features and Coping Strategies. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 1(104). Pp. 56–62 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-1104-56-62>

Основные положения

1. Совладание (копинг) — совокупность целенаправленных и осознанных действий личности, реализуемых в целях снижения уровня фрустрации в трудной для человека жизненной ситуации и сохранения оптимального уровня адаптированности. В качестве результата копинга могут выступать реальные изменения трудной ситуации или ее восприятия для избегания негативных последствий для психики.

2. Личностные особенности реализации конкретных стратегий воплощаются в стиле совладания, ключевыми факторами которого выступают жизненный опыт, индивидуальные особенности личности и специфика конкретной ситуации. Адаптивность стиля совладания во многом зависит от полноты репертуара стратегий.

3. Педагогический труд в силу стрессогенности своего содержания и усиления негативного влияния внешней среды несет высокие риски профессиональной деформации и эмоционального выгорания личности, что обуславливает актуальность изучения совладающего поведения и личностных особенностей педагогов, позволяющие предотвратить негативные последствия данного вида профессиональной деятельности.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Современные реалии динамики общественного развития находят воплощение во все увеличивающемся негативном влиянии внешних факторов на жизнедеятельность личности, что обуславливает актуализацию проблемы совладания со стрессом, прежде всего таких ее аспектов, как продуктивность копинг-стратегий, влияние индивидуальных особенностей личности на стиль совладания, специфика профессиональной деформации личности и ее защитно-совладающего поведения [1].

Как отмечают исследователи, именно особенности копинг-поведения во многом определяют успешность профессиональной самореализации и опосредуют специфические изменения личности профессионала, влияющие на всю сферу межличностного взаимодействия вне трудовой деятельности. При этом дискуссионными остаются вопросы влияния конкретной профессии или ее отдельных функций как на индивидуальность, так и на используемые личностью способы копинга, что объясняется наличием противоречивых

эмпирических данных о связи профессиональных обязанностей, стажа их выполнения и характеристик стиля совладания [2].

Отдельную сферу интересов исследователей составляет специфика проявлений вышеописанных аспектов проблемы в профессиях группы «человек — человек», которые считаются высокострессогенными [3]. Эмпирические данные, полученные в последнее десятилетие, свидетельствуют о стремительном росте выраженности показателей эмоционального выгорания и профессиональной деформации у педагогов всех уровней образовательной системы. Это связано с совокупностью негативных факторов, таких как увеличение интенсивности педагогического труда и нагрузки и несоразмерность оплаты выполняемым обязанностям; нежелание молодых специалистов оставаться в образовательной системе, что приводит к увеличению среднего возраста педагогических работников; отсутствие реальной системы поддержания психического и физического здоровья педагогов; низкий социальный престиж профессии и юридическая незащищенность педагогов от агрессии со стороны любых субъектов образовательной деятельности; постоянное повышение требований к результатам образовательного процесса и бюрократическая перегруженность системы отчета и пр. Все это не может не отражаться как на качестве выполнения педагогами профессиональных обязанностей, так и на процессе их личностной самореализации [4].

С учетом изложенного важной исследовательской проблемой должна стать специфика совладающего поведения педагогов и индивидуально-психологических особенностей как факторов продуктивности и эффективности профессиональной деятельности.

Обзор текущего состояния разработанности проблемы исследования свидетельствует о том, что в отечественной психологии и педагогике традиционно большое внимание уделяется изучению личности субъекта педагогического воздействия, профессионально значимым качествам педагогов, структуре компетентности, путям достижения педагогического мастерства и психологическим особенностям деятельности (И. А. Егорцева [5], Е. П. Ильин [6], Ю. Н. Крайнова [7], Н. Н. Малярчук [8] и др.).

Высокий риск хронического профессионального стресса у педагогов и частоту возникновения у них негативных психических состояний отмечают С. В. Березка [9], И. В. Вачков и С. Н. Вачкова [10], Т. В. Володина [11] и др.

В современной отечественной психологии на основе фундаментальных исследований проблемы совладания продолжается активная систематизация эмпирических данных о специфике копинг-поведения педагогов разных уровней образования (Ю. А. Афанасьева и С. Д. Гуриева [12], А. В. Антоновский [13], Г. С. Корицова [4], О. И. Родионова [14] и др.).

Несмотря на разработанность проблемы психологических аспектов профессиональной педагогической деятельности и проблемы совладающего поведения, особенности проявления копинг-стратегий и их связь с индивидуально-психологическими особенностями у педагогов разных ступеней образования являются недостаточно изученными.

Таким образом, актуальность проблемы исследования определяется, с одной стороны, необходимостью уточнения и обобщения современных теоретических положений о специфике индивидуально-психологических особенностей и копинг-стратегий педагогов, а с другой — противоречивостью накопленных эмпирических данных об этом. Сложившееся противоречие препятствует как процессу профессиональной педагогической подготовки и дальнейшей профессионализации, так и разработке содержания процессов превенции и психологической коррекции негативных психических состояний педагогов и их профессиональной деформации.

Цель — изучение индивидуально-психологических особенностей и копинг-стратегий педагогов.

Теоретические предпосылки и состояние проблемы. Профессиональная деятельность значительное влияние на личностное развитие. Следовательно, важность в рассмотрении проблемы успешности в профессиональной деятельности имеют вопросы совладающего поведения и личностных особенностей профессионала, обуславливающие его психологическое здоровье [6].

Индивидуально-психологические особенности личности — это своеобразие сочетания и проявления психологических свойств человека, сформированных под влиянием генетических и социальных факторов, а также жизненного опыта, проявляющихся в разных сферах: познавательной, эмоционально-волевой, ценностной, поведенческой и др. [15].

Стратегии преодоления стресса (англ. coping, coping strategy) — действия, предпринимаемые человеком, чтобы справиться со стрессом. Понятие объединяет когнитивные, эмоциональные и поведенческие стратегии, которые используются для совладания со стрессом и психологически трудными ситуациями в обыденной жизни. Механизмы психологической защиты и стратегии совладания являются компонентами сложной системы защитно-совладающего поведения

личности, при этом различия в этих феноменах определяются степенью осознанности, целями, наличием возможности выбрать тактику, временным вектором, гибкостью в учете ситуационных переменных и направленностью [1].

М. Б. Калашникова и Ю. С. Широкова указывают, что проблема профессионального стресса и психологического здоровья особенно актуальна в «социально-экономических профессиях», связанных с активным межличностным взаимодействием [16].

О. И. Родионова также отмечает значительный риск возникновения личностной деформации у представителей «помогающих» профессий, возникающих в связи с уровнем напряженности труда, что обуславливает необходимость формирования у будущих профессионалов навыков саморегуляции, стрессоустойчивости и конструктивного стиля совладания [14].

Многими исследователями проблемы профессиональной деятельности отмечается, что одним из ее наиболее стрессогенных видов является педагогическая деятельность. Это обусловлено разнообразием, объемом и интенсивностью решаемых в ее рамках профессиональных задач, отягощенных как высоким уровнем социальной ответственности педагогов, так и сложившимися в современных реалиях преимущественно неблагоприятными в финансовом, организационном и информационном аспектах условиями труда [6].

А. В. Антоновский, обобщая точки зрения А. А. Реана, М. А. Беребина, И. В. Вачкова, Н. Б. Москвина и многих других, добавляет, что факторами напряженности педагогической деятельности являются также количество конфликтов, которые становятся неотъемлемой частью взаимодействия со всеми субъектами образовательной деятельности; высокая планка ожиданий по отношению к педагогам со стороны всех социальных групп и государства в целом; объем ответственности; интеллектуальные нагрузки; социальная незащищенность; количество сверхнормативно выполняемых педагогами рабочих функций; оплата труда и пр. [13].

Г. С. Корицова доказывает, что психологическое здоровье педагогов и уровень их профессиональной компетентности во многом зависят от способности продуктивно справляться со стрессом, в частности, гибко и эффективно использовать стратегии совладающего поведения, что, в свою очередь, в значительной степени обусловлено особенностями их личности [4].

Резюмируя, можно отметить, что проблема совладания педагогов с профессиональным стрессом, а также частный вопрос продуктивности личного стиля копинга связаны с эффективностью выполнения педагогами трудовых функций и во многом определяют их способность адаптироваться к динамичности и сложности педагогического труда, предотвращать профессиональную деформацию и эмоциональное выгорание.

Несмотря на закономерное повышение уровня продуктивности совладания у педагогов в процес-

се профессионализации, тяжесть педагогического труда не позволяет им самостоятельно справляться со всеми аспектами профессионального стресса, что обуславливает необходимость внедрения системы сопровождения педагогических работников на всем протяжении их профессионального пути, направленного на формирование у них адаптивного стиля совладания и профессионально важных индивидуально-психологических особенностей личности.

Уточним современные представления о специфике индивидуально-психологических особенностей педагогов. Н. И. Гусамова указывает, что Л. М. Митиной были обобщены не менее 50 индивидуальных особенностей педагога, большая часть из которых может быть названа профессионально значимыми. В целом можно отметить, что весомая доля этих качеств связана с самооцениванием и уровнем притязаний, характеристиками Я-концепции и содержанием направленности личности [17].

И. А. Егорцева называет следующие характеристики успешных педагогов: флегматичность, коллективистскую направленность, владение мимикой и пантомимикой, социабельность, наблюдательность, смелость, энергичность, доминантность, способность образно мыслить, социальную адаптированность, интуицию, эмоциональную устойчивость, богатство и выразительность речи, самоуверенность [5].

А. В. Мартынова и Р. Р. Аминова на основе эмпирических исследований вычленили такие наиболее характерные для педагогов с большим стажем качества, как честность, целеустремленность, реалистичность, желание работать с учащимися, справедливость, чуткость, требовательность, вспыльчивость [18].

Е. Р. Разумовская на основе опроса самих учителей в результате контент-анализа выявила следующие типичные личностные особенности педагогов: гуманность, эмоциональную устойчивость, требовательность, некоторую авторитарность, чуткость, принципиальность, вежливость, настойчивость и волю, в первую очередь, самообладание [19].

Таким образом, несмотря на попытки исследователей составить «портрет типичного педагога», единой позиции в отношении данного вопроса не наблюдается. На настоящий момент в исследованиях представлен объемный перечень личностных особенностей, типичных для педагогов с большим стажем, а значит, во многом связанных с влиянием профессиональной деятельности.

Высокий уровень стрессогенности жизнедеятельности личности в современных реалиях функционирования российского общества обуславливает актуальность проблемы изучения совладающего поведения и продуктивности использования конкретных копинг-стратегий, что связано с многочисленными эмпирическими доказательствами положения о том, что конструктивность стиля совладания является значимым фактором адаптационного потенциала личности.

Материалы и методы

Эмпирическое исследование индивидуально-психологических особенностей и копинг-стратегий педагогов было организовано на базе образовательных учреждений основного общего и высшего профессионального образования г. Магнитогорска в период с февраля по апрель 2025 г. Исследование проходило на основании добровольного информированного согласия испытуемых. Выборку эмпирического исследования составили 30 педагогов женского пола в возрасте от 24 до 60 лет. Выборка была поделена на две группы в соответствии с местом работы педагогов: в первую группу были включены 15 педагогов, работающих в школе в средних и старших классах, имеющих стаж работы от 5 до 11 лет; во вторую группу вошли 15 преподавателей вуза со стажем работы от 6 до 12 лет.

Нами была выдвинута гипотеза о том, что существуют значимые различия в индивидуально-психологических особенностях и копинг-стратегиях педагогов: учителя школы по сравнению с преподавателями вуза более радикальны, независимы, экспрессивны, подозрительны, тревожны и замкнуты.

Для достижения цели работы и проверки гипотезы были применены следующие психодиагностические методики: многофакторный личностный опросник (форма С) Р. Кеттелла в адаптации Э. С. Чугуновой, А. Н. Капустиной, Л. В. Мургулец, И. М. Палая [20]; опросник совладания со стрессом Ч. Карвера, М. Шейера и Дж. Вейнтрауба в адаптации Т. О. Гордеевой, Е. Н. Осина, Е. И. Рассказовой [2]; опросник «Индикатор копинг-стратегий» Д. Амирхана в адаптации Н. А. Сироты, В. М. Ялтонского [2].

Для статистического анализа результатов исследования применялся пакет статистических программ Excel 2018. Были использованы методы, позволяющие вычислить меры общей статистики для анализа средних показателей респондентов; непараметрический метод сравнения средних выборок (U-критерий Манна-Уитни) для выявления статистически значимых различий показателей индивидуально-психологических особенностей и копинг-стратегий учителей школы и преподавателей вуза.

Результаты и обсуждение

В результате проведения диагностического исследования были получены данные об индивидуально-психологических особенностях и копинг-стратегиях учителей школы и преподавателей вуза. Было осуществлено сопоставление результатов респондентов обеих групп по U-критерию Манна-Уитни, что позволило выявить различия в показателях индивидуально-психологических особенностей и копинг-стратегий у педагогов разных типов образовательных организаций.

Рассмотрим выявленные статистически значимые различия между показателями учителей школы и преподавателей вуза по U-критерию Манна-Уитни, которые отображены в таблице.

Как видно из таблицы, между группами учителей школы и преподавателей вуза были выявлены досто-

верные различия преимущественно по показателям личностных черт, тогда как в использовании стратегий совладания различия были обнаружены только по показателям стратегии «обращение к религии».

В ходе проведения исследования с помощью многофакторного личностного опросника Р. Кеттелла наибольшие различия между учителями школы и преподавателями вуза установлены по показателям таких личностных факторов, как напряженность ($U=24$ при $p<0,01$), экспрессивность ($U=49$ при $p<0,01$), радикализм ($U=46$ при $p<0,01$) и независимость ($U=44$ при $p<0,01$). Следовательно, можно утверждать, что учителям школы по сравнению с преподавателями вуза более свойственны эмоциональное лидерство,

эмоциональная яркость в процессе межличностного взаимодействия, активность и экспансивность в общении; более типичны свободомыслие, восприимчивость к изменениям условий жизнедеятельности, готовность опровергать авторитетные мнения и рисковать; характерны большая энергичность, раздражительность, чувствительность к фрустрации, беспокойство; более высокий уровень инициативности и готовности к проявлению агрессии, что, вероятно, связано со спецификой профессиональной деятельности, в рамках которой взаимодействие с несовершеннолетними обучающимися требует от учителей школы более высокого уровня активности, инициативности, эмоциональности, напористости и готовности к реше-

Таблица. Результаты сравнительного анализа показателей педагогов школы и вуза по U-критерию Манна-Уитни
(Table. Results of a comparative analysis of the indicators of school teachers and according to Mann-Witney U-test)

Шкалы диагностических методик	Показатели учителей школы, средние ранги	Показатели преподавателей вуза, средние ранги	U-критерий Манна-Уитни	Уровень значимости, * — $p<0,05$, ** — $p<0,01$
Многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла				
Фактор А (общительность)	12	19	60,0	0,026*
Фактор В (интеллект)	7,2	7,3	109,5	0,892
Фактор С (эмоциональная стабильность)	6,1	5,4	92,5	0,398
Фактор Е (самоутверждение)	5,3	4,6	92,0	0,389
Фактор F (экспрессивность)	19,73	11,27	49,0	0,007**
Фактор G (нормативность)	4,2	5,1	89,5	0,336
Фактор Н (смелость)	4,3	4,2	110,0	0,916
Фактор I (чувствительность)	5,7	5,6	104,0	0,720
Фактор L (подозрительность)	19,1	11,9	58,5	0,024*
Фактор М (мечтательность)	6,4	5	69,0	0,068
Фактор N (дипломатичность)	5,8	5,3	93,0	0,414
Фактор О (тревожность)	18,27	12,73	71,0	0,047*
Фактор Q1 (радикализм)	19,93	11,07	46,0	0,005**
Фактор Q2 (нонконформизм)	4,9	5,1	110,0	0,916
Фактор Q3 (самоконтроль)	6,2	6,2	112,0	0,983
Фактор Q4 (напряженность)	21,4	9,6	24,0	0,000**
Фактор F1 (тревожность)	19,43	11	53,5	0,014*
Фактор F2 (экстраверсия)	4,5	3,9	98,0	0,547
Фактор F3 (уравновешенность)	6,5	5,4	74,5	0,114
Фактор F4 (независимость)	20,07	10,93	44,0	0,004**
Опросник совладания со стрессом Ч. Карвера, М. Шейера и Дж. Вейнтрауба				
Планирование	13,1	14	87,0	0,281
Подавление конкурирующей деятельности	10,9	10,7	111,5	0,967
Принятие	12,4	13	97,0	0,515
Прием «успокоительных»	5,5	5,7	108,5	0,848
Эмоциональная социальная поддержка	12,5	13,5	87,5	0,295
Сдерживание совладания	11	10,9	111,0	0,950
Поведенческий уход от проблем	9,1	8,6	97,5	0,531
Юмор	11,1	10	93,5	0,427
Обращение к религии	19,4	11,6	54,0	0,014*
Отрицание	9,1	8,3	104,0	0,722
Активное совладание	12,9	13,2	106,5	0,800
Инструментальная социальная поддержка	13,2	14,2	93,5	0,423
Концентрация на эмоциях	13,1	12,6	93,5	0,423
Мысленный уход от проблем	10,4	9,7	96,5	0,503
Позитивное переформулирование	13,3	14,7	74,5	0,102
Опросник «Индикатор копинг-стратегий» Д. Амирхана				
Разрешение проблем	22,9	26,4	74,5	0,113
Поиск социальной поддержки	21	22,8	91,5	0,382
Избегание	18,7	16,7	93,5	0,421

нию конфликтных ситуаций, тогда как преподаватели вуза взаимодействуют с обучающимися, достигшими относительно высокого уровня личностной зрелости, в результате чего преподавателям вуза, по сравнению с их коллегами, работающими в школе, практически не приходится выполнять функции контроля и мотивирования студентов. Кроме того, форма обучения в вузе не предполагает такого объема коммуникации с обучающимися, как форма обучения в школе, а возрастные особенности студентов и уровень их коммуникативной компетентности уже не требуют от преподавателей вуза прилагать столько усилий в выстраивании межличностного взаимодействия, как необходимо учителям школы.

В таблице отражены также значения личностных факторов учителей школы и преподавателей вуза, показавшие менее явные, но также достигшие уровня статистической значимости различия. В частности, было диагностировано, что учителям школы достоверно более характерны, чем их коллегам, работающим в вузе, тревожность ($U=46$ при $p<0,05$) и подозрительность ($U=58,5$ при $p<0,05$) и менее характерна общительность ($U=60$ при $p<0,05$).

Полученные данные позволяют утверждать, что учителя школы по сравнению с преподавателями вуза в среднем достоверно более критичны, скрытны, недоверчивы и обособлены в общении, несмотря на экспрессивность и настойчивость в коммуникации; чаще испытывают вину, депрессивные эмоции и недовольство собой, более ранимы и озабочены, что, возможно, связано со сложившимися в их профессиональной деятельности обстоятельствами невозможности соответствия всем требованиям и реализации собственных установок в преподавании.

Учителя школы также находятся в большем риске возникновения синдрома эмоционального выгорания и соматических симптомов стресса, чем их коллеги, преподающие в вузе.

Кроме того, учителям школы свойственны сравнительно более высокая настороженность по отношению к окружающим, раздражительность, осторожность в общении, скрытность и стремление сохранять автономность в процессе межличностного взаимодействия.

Учителя школы и преподаватели вуза имеют в среднем одинаковый уровень интеллекта, соответствующий уровню выше среднего, что свидетельствует о развитости у них абстрактного мышления, обучаемости, вербальной культуры и сообразительности и подтверждает тезис об интеллектуальной напряженности преподавательской деятельности.

Всем респондентам свойствен средний уровень самоконтроля, чувствительности и эмоциональной стабильности. Это позволяет утверждать, что для всех педагогов, независимо от типа образовательной организации, характерны достаточная эмоциональная устойчивость, эмпатичность и самоконтроль, работоспособность, стабильность в интересах, готовность справляться с фрустрацией среднего уровня, склон-

ность к рациональности, богатство эмоциональной сферы, однако длительный стресс может привести к негативным для психики педагогов последствиям.

В ходе проведения исследования с помощью опросника совладания со стрессом Ч. Карвера, М. Шейера и Дж. Вейнтрауба в адаптации Т. О. Гордеевой, Е. Н. Осина и Е. И. Рассказовой были получены следующие результаты. Статистически значимые отличия в выраженности стратегий совладания у педагогов обеих групп были выявлены только по шкале «обращение к религии» ($U=54$ при $p<0,05$), т. е. можно утверждать, что учителя школы достоверно чаще своих коллег, преподающих в вузе, ищут поддержку в мыслях о Боге, в молитвах и в совершении иных ритуальных и религиозных действий. Можно предполагать, что достижение необходимой для работы в вузе квалификации связано с получением более фундаментального образования, что может обуславливать снижение общего уровня религиозности у преподавателей и избегание ими данной стратегии в стрессовых для них ситуациях. При этом важно подчеркнуть, что в среднем частота использования указанной копинг-стратегии в среднем низкая у всех респондентов, что, возможно, связано с ее фактической малой продуктивностью в управлении реальными трудными ситуациями, возникающими в педагогической деятельности.

В ходе проведения исследования с помощью опросника «Индикатор копинг-стратегий» Д. Амирхана в адаптации Н. А. Сироты и В. М. Ялтонского статистически значимых различий в поведенческих стратегиях учителей школы и преподавателей вуза выявлено не было, однако качественный анализ позволяет косвенно подтвердить выдвинутую выше гипотезу о том, что стиль совладания педагогов вуза, продуктивнее, чем у педагогов школы, так как средние показатели стратегий «разрешение проблем» и «поиск социальной поддержки» у первых немного выше, а средний показатель стратегии «избегание» ниже. Данное положение нуждается в дальнейшем исследовании.

Выводы

1. Учителя школы по сравнению с преподавателями вуза достоверно более радикальны, независимы, экспрессивны и напряжены и, возможно, более идеалистичны. Кроме того, они более подозрительны, тревожны и замкнуты.

2. Наиболее выраженными качествами всех педагогов, независимо от типа образовательной организации, в среднем являются такие стратегии, как интеллектуальность и тревожность, соответствующие уровню выше среднего, самоконтроль и подозрительность, соответствующие среднему уровню, а наименее выраженными — общительность, радикализм, экстраверсия, экспрессивность и смелость, соответствующие уровню ниже среднего. Черты характера учителя школы в среднем более акцентуированы, чем черты преподавателей вуза.

3. Учителя школы достоверно чаще своих коллег, преподающих в вузе, прибегают к религиозным практикам в целях совладания с проблемной ситуацией.

4. Наиболее типичными копинг-стратегиями для всех педагогов, независимо от типа образовательной организации, являются позитивное переформулирование, планирование и использование инструментальной социальной поддержки, немного реже, но тоже часто они используют концентрацию на эмоциях, эмоциональную социальную поддержку, принятие и активное совладание.

5. Наиболее нехарактерными для всех педагогов, независимо от типа образовательной организации, являются следующие стратегии: прием «успокоительных», отрицание и поведенческий уход от проблем, при этом время от времени они могут прибегать к таким стратегиям, как сдерживание, подавление конкурирующей деятельности, юмор и мысленный уход от проблем.

6. Сформированный у педагогов стиль совладания можно оценить как высокопродуктивный, поскольку наиболее используемыми у них являются проблемные стратегии, затем эмоциональные стратегии, а избегающие стратегии используются относительно редко.

7. Частота использования педагогами вуза наиболее сформированных у них стратегий в среднем превышает частоту использования таких стратегий их коллегами, преподающими в средних и старших классах школы. Следовательно, стиль совладания у преподавателей вуза является более осознанным и дифференцированным, чем у учителей школы. Кроме того, качественный анализ позволяет признать стиль совладания преподавателей вуза более продуктивным, чем стиль учителей школы.

Область применения и перспективы. Представленный анализ индивидуально-психологических особенностей и копинг-стратегий педагогов позволил выявить специфические различия между учителями школы и преподавателями вуза. Результаты данного исследования позволяют расширить знания о специфике совладающего поведения и индивидуально-психологических особенностях педагогов как факторов продуктивности и эффективности профессиональной деятельности. Данное исследование оставляет широкие возможности для дальнейшего изучения индивидуально-психологических особенностей и копинг-стратегий педагогов.

Список источников / References

1. Белянина И. В., Игнатъева О. В., Наянов Е. А. Психология личности и стресса. М., 2019. 186 с.
2. Вассерман Л. И., Абабков В. А., Трифонова Е. А. Совладание со стрессом: теория и психодиагностика. СПб., 2010. 191 с.
3. Санникова Л. Н. Отбор содержания образования будущих педагогов: современные требования и методологические основания // Гуманитарно-педагогические исследования. 2021. Т. 5, № 2. С. 17–21.
4. Корытова Г. С. Структура защитного и совладающего поведения в профессиональной деятельности педагогических работников // Сибирский психологический журнал. 2005. № 21. С. 112–117.
5. Егорцева И. А. Индивидуально-психологические особенности успешных педагогов // Психологическое и социально-педагогическое сопровождение детей, подростков и молодежи на современном этапе российского образования: проблемы и пути решения : мат.-лы VIII всерос. науч.-практ. конф., Волгоград, 25–26 апреля 2019 года. Волгоград, 2019. С. 58–61.
6. Ильин Е. П. Дифференциальная психология профессиональной деятельности. СПб., 2011. 428 с.
7. Крайнова Ю. Н. Эмоциональная компетентность педагога : монография. М., 2017. 93 с.
8. Малярчук Н. Н. Профилактика профдеформаций. Тюмень, 2013. 291 с.
9. Березка С. В. Стресс в педагогической деятельности // Проблемы современного педагогического образования. 2014. № 46-5. С. 241–248.
10. Вачков И. В., Вачкова С. Н. Копинг-стратегии и уровень эмоционального выгорания педагогов // Новая психология профессионального труда педагога: от нестабильной реальности к устойчивому развитию. 2021. № 1. С. 290–295.
11. Володина Т. В. Индивидуально-психологические особенности личности как фактор развития жизненной стойкости педагога // Психология обучения. 2008. № 12. С. 95–102.
12. Афанасьева Ю. А., Гуриева С. Д. Копинг-поведение педагога в контексте профессионального стресса // Мир педагогики и психологии. 2019. № 5. С. 162–167.
13. Антоновский А. В. Защитно-совладающее поведение как фактор профессионального здоровья педагогов общеобразовательных школ : дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2010. 188 с.
14. Родионова О. И. Копинг-стратегии поведения педагога в контексте профессионального стресса // Наука молодых — будущее России : сб. науч. ст. 8 междунар. науч. конф. перспективных разработок молодых ученых, Курск, 12–13 декабря 2023 года. Курск, 2023. С. 221–225.
15. Тумбасова Е. Р. Индивидуально-психологические особенности личности. Магнитогорск, 2022. 123 с.
16. Калашникова М. Б., Широкова Ю. С. Копинг-стратегии учителей // Педагогика. 2011. № 3. С. 50–57.
17. Гусанова Н. И. Особенности индивидуально-психологических качеств педагогов общеобразовательных учреждений с различным стажем // Молодой ученый. 2020. № 50(340). С. 418–420.
18. Мартынова А. В., Аминова Р. Р. Индивидуально-психологические особенности преподавателей вуза с различными стилями педагогического общения // Экономические, правовые и культурные аспекты реализации стратегии пространственного развития России и укрепления ее человеческого потенциала : сб. публикаций по итогам междунар. науч.-практ. конф., Москва, 25–27 апреля 2018 года / под общ. ред. В. Д. Серякова. Ч. 1. М., 2018. С. 166–171.
19. Разумовская Е. Р. Индивидуально-психологические особенности педагога как фактор развития мотивации учения у старшекласников // Омский научный вестник. 2009. № 1(75). С. 120–123.
20. Агафонова С. В. Психология личности. Астрахань, 2015. 167 с.

Поступила 15.08.2025; одобрена после рецензирования 10.09.2025; принята к публикации 25.12.2025.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-практическая статья

УДК 159.9.07; 159.96 © Зауторова Э. В., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-1104-63-68

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Особенности переживания страхов осужденными к длительным срокам лишения свободы

Эльвира Викторовна Зауторова, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии и педагогики¹, ведущий научный сотрудник²; elvira-song@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

¹ Вологодский институт права и экономики ФСИН России, 160002, Вологда, ул. Щетинина, 2, Россия

² Научно-исследовательский институт ФСИН России, 125130, Москва, ул. Нарвская, 15а, стр. 1, Россия

Реферат. Введение. Изучение психологического состояния осужденных, в том числе и переживания страхов, особенно лицами, отбывающими длительные сроки лишения свободы, является важным аспектом пенитенциарной практики, так как понимание эмоций, чувств и тревог таких лиц позволяет лучше осознать их психологические и социальные проблемы, разработать более эффективные программы социальной адаптации и ресоциализации после освобождения. **Материалы и методы.** Базой исследования явились исправительные учреждения строгого и общего режима УФСИН России по Вологодской области. Возраст респондентов от 21 года до 50 лет. Выборку составили 60 осужденных мужского пола (30 чел. осуждены к длительным срокам лишения свободы, 30 чел. — на срок до 5 лет). **Результаты и обсуждение.** Анализ результатов, полученных с помощью «Опросника социальной тревоги и социофобии», подтверждает у осужденных к длительным срокам лишения свободы наличие тенденции к выраженности страхов со значительным преобладанием высокого уровня социальной тревоги и социофобии. **Выводы.** Осужденные, отбывающие длительные сроки лишения свободы (свыше 5 лет), более подвержены переживаниям страхов, чем осужденные, которые лишены свободы на срок до 5 лет, что выражается в обострении переживаний, связанных с перспективами дальнейшего жизненного пути: они испытывают сильный страх перед выходом на свободу и попыткой заново адаптироваться к жизни в обществе.

Ключевые слова: места лишения свободы, осужденные, коррекционная работа, психологическая помощь, деятельность психологической службы

Для цитирования: Зауторова Э. В. Особенности переживания страхов осужденными к длительным срокам лишения свободы // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 1(104). С. 63–68. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-1104-63-68>

Scientific and Practical Article

UDC 159.9.07; 159.96 © Zautorova E. V., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-1104-63-68

5.3.9. Legal Psychology and Psychology of Security

Characteristics of Fears experienced by Convicts Sentenced to Long-Term Imprisonment

Elvira V. Zautorova, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor, Professor at the chair of Legal Psychology and Pedagogy¹, Senior Researcher²; elvira-song@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

¹ Vologda Institute of Law and Economics of Russian Federal Penitentiary Service, 2, Shchetinin st., Vologda, 160002, Russia

² Research Institute of Russian Federal Penitentiary Service, 15a, bld. 1, Narvskaya st., Moscow, 125130, Russia

Abstract. Introduction. The relevance of studying the psychological state of convicts, including the experience of fears, especially those serving long sentences, is an important aspect of penitentiary practice, since understanding emotions, feelings and anxiety of prisoners facilitates better comprehension of their psychological and social problems, development of more effective programs for social adaptation and re-socialization after release. **Materials and Methods.** The employed methods include review and analysis method consisting of theoretical analysis of scientific sources on research issues; generalization and comparison method, empirical methods. The basis for the research involved correctional facilities of general and strict regime of Russian Federal Penitentiary Service in Vologda region. The respondents' age varies from 21 to 50 years old. The sample includes 60 male convicts (30 of them — sentenced to long-term imprisonment and 30 — sentenced to up to five years' imprisonment). **Results and Discussion.** Those sentenced to long-term imprisonment tend to have intensive fears with dominant social anxiety and sociophobia. **Conclusions.** Those sentenced to long-term imprisonment (over 5 years) are more exposed to fears than convicts sentenced to up to five years' imprisonment, which is expressed in intensified sufferings related to prospects of further life path: they severely fear the moment of release and attempt to adapt anew to life in society.

Keywords: prison, convicts, correctional work, psychological help, psychology service work

Citation: Zautorova E. V. Characteristics of Fears experienced by Convicts Sentenced to Long-Term Imprisonment. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 1(104). Pp. 63–68 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-1104-63-68>

Основные положения

1. Осужденные, отбывающие длительные сроки лишения свободы (свыше 5 лет), более подвержены переживаниям страхов, чем осужденные, которые лишены свободы на срок до 5 лет, что выражается в обострении чувств и эмоций, связанных с перспективами дальнейшего жизненного пути.

2. Длительные сроки лишения свободы выступают фактором, влияющим на уровень проявления страхов у осужденных: усиленное чувство тревоги и страха в общении с людьми, избегание социальных контактов, негативная самооценка, а также трудности с адаптацией к условиям лишения свободы и большой страх перед будущим, что может привести к серьезным психическим расстройствам и социальной дезадаптации.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Длительные сроки лишения свободы — это вид уголовного наказания, который предусматривает лишение свободы на срок более 5 лет. В России длительными считаются сроки от 5 до 15 лет, а также сроки, превышающие 15 лет. Так, за последнее время осужденных на длительные сроки лишения свободы от 5 до 10 лет насчитывалось около 130 тыс. человек, от 10 до 15 лет — около 56 тыс., от 15 до 20 лет — около 17 тыс., от 25 до 30 лет — более 300 осужденных¹.

Длительные сроки лишения свободы С. С. Акуленко подразделяет на два вида: 1) длительные (от 10 до 20 лет); 2) особо длительные (от 20 до 30 лет). В зависимости от тяжести преступления и особенностей личности осужденного суд может назначить разные виды длительных сроков. Так, 5–10 лет обычно назначаются за тяжкие преступления (например, умышленное убийство при смягчающих обстоятельствах); 10–15 лет — за особо тяжкие преступления (например, убийство при отягчающих обстоятельствах); свыше 15 лет — за особо тяжкие преступления (например, терроризм, государственная измена), а также за повторные преступления [1, с. 6].

Длительные сроки лишения свободы являются одним из самых строгих видов наказания, так как они существенно ограничивают свободу осужденного и значительно влияют на его социальную адаптацию и возможность вернуться к нормальной жизни после освобождения.

При отбывании длительного срока наказания у осужденных происходит изменение ценностей (в большей мере инструментальных), что предопределено влиянием атрибутов криминальной субкультуры. В итоге ориентация на пенитенциарный статус

и стремление соответствовать его ролевым требованиям отражается на выборе формы агрессивного поведения: в начальный и основной периоды отбывания наказания актуализируются приемлемые в среде осужденных образцы субкультурного поведения, соответствующие статусу, а особенностью агрессивного поведения осужденных перед освобождением является доминирующее влияние психологических защит с реализацией неконструктивных стратегий совладающего поведения [2].

Осужденные, отбывающие длительные сроки, часто отличаются от других категорий осужденных по ряду социально-психологических характеристик. Мотивация к перестройке может быть сниженной из-за длительности наказания и отсутствия четкой перспективы выхода на свободу. Социальные связи, как правило, ослабевают в значительной степени, что может вести к усилению чувства изоляции и одиночества. Часто развиваются депрессивные и тревожные расстройства, могут возникать психосоматические заболевания. Осужденные данной категории могут испытывать различные страхи в возобновлении прежних социальных связей, при поиске жилья и работы и т. д. Все это создает значительные трудности с их ресоциализацией после освобождения.

Существует множество определений страха. Страх — психическое состояние человека, связанное с мучительными переживаниями и вызывающее действия, направленные на самосохранение². Страх — это психическое состояние, связанное с переживаниями и направленное на самосохранение. Он рассматривается как одна из сильнейших эмоций и «онтогенетический ранний» инстинкт [3–6]. Страх перед конкретным объектом называется боязнью, в патологических случаях — фобией. Он возникает как ощущение неудовольствия и может быть следствием неудовлетворенных желаний [7; 8].

В связи с этим особый интерес представляет изучение особенностей переживания страхов у осужденных, длительное время находящихся в изоляции.

Общая гипотеза, на которой строилась наша работа, заключалась в предположении, что осужденные, отбывающие длительные сроки лишения свободы, более подвержены к переживанию страха, чем осужденные, лишённые свободы на срок до 5 лет, что выражается в обострении чувств и эмоций, связанных с перспективами дальнейшего жизненного пути.

Цель — изучение особенностей переживания страхов у осужденных на длительный срок лишения свободы в условиях исправительного учреждения.

¹ Статистические данные. Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых // Федеральная служба исполнения наказаний: официальный сайт. URL: <https://web.archive.org/web/20221217184624/https://fsin.gov.ru/statistics/> (дата обращения: 14.03.2025).

² Лейбин В. М. Словарь-справочник по психоанализу. М., 2010. С. 618.

Теоретические предпосылки и обзор проблемы. Поднимая вопрос о понятии страха, отметим, что это душевное явление, которое любой человек едва ли не каждый день может наблюдать в себе самом. Страх — это неприятное эмоциональное переживание, когда человек в той или иной степени осознает, что ему угрожает опасность [9].

К. Е. Изард пишет, что «страх — это очень сильная эмоция, переживаемая как тревожное предчувствие, беспокойство: человек испытывает все больше неуверенности в собственном благополучии, страх переживается как чувство абсолютной незащищенности и неуверенности в собственной безопасности» [10].

Е. П. Ильин рассматривает страх как «эмоциональное состояние, отражающее защитную биологическую реакцию человека или животного при переживании ими реальной или мнимой опасности для их здоровья и благополучия». Однако, как утверждает автор, «если для человека как биологического существа возникновение страха не только целесообразно, но и полезно, то для человека как социального существа страх может стать препятствием для достижения поставленных им целей» [11].

В контексте методологии исследования страхов человека наиболее продуктивным подходом оказалось когнитивно-поведенческое направление (Дж. Бек, Дж. Бирж, Дж. Вольпе, Г. В. Залевский, А. Раш, А. Эллис, Дж. Эмери и др.). Продуктивность когнитивно-поведенческого подхода в исследовании страхов обусловлена его фокусом на изменении негативных когний и избегающего поведения, что подтверждено высокой эффективностью когнитивно-поведенческой терапии в многочисленных исследованиях и позволяет обучать новым адаптивным навыкам [12; 13].

Важно рассматривать переживание страхов у лиц, лишенных свободы. Уже в следственном изоляторе они испытывают тревогу и страх в ожидании приговора суда. После суда, перед отправкой в исправительное учреждение, они сталкиваются со страхом перед неизвестностью, жесткими требованиями и ограничениями тюремной среды, а также с необходимостью выстраивать отношения с сотрудниками и другими осужденными, в том числе с представителями криминальной субкультуры. Эти страхи могут быть усилены слухами и представлениями о тюремной жизни.

Специфика адаптации и переживания социальных страхов в местах лишения свободы проходит несколько этапов.

На первом этапе, в течение одного-двух лет после осуждения, особенно если ранее человек не сталкивался с социальной изоляцией, может сохраняться ощущение нереальности происходящего. В этот период преобладают воспоминания о прошлом и попытки переосмыслить происшедшее, а настоящее (тем

более будущее) воспринимается как нечто туманное и неопределенное.

Постепенно приходит осознание срока наказания, особенно длительного или пожизненного, что часто сопровождается тревожно-депрессивными реакциями, угнетенным настроением, безнадежностью, отчаянием и пессимизмом. Усиливается жалость к себе, возрастают внутреннее напряжение, раздражительность и тревожность. Могут наблюдаться двигательное беспокойство, апатия, истерические реакции, демонстративное негативное поведение и стремление привлечь к себе внимание как к «невинно пострадавшему». Возможны ипохондрические проявления, связанные с реакцией организма на хронический стресс.

Примерно через два года наступает период некоторой стабилизации, когда психические состояния и личностные реакции на факт лишения свободы сглаживаются. Формируется устойчивый «синдром лишенного свободы», приводящий к определенному единообразию в поведении осужденных.

После адаптации к условиям изоляции осужденный начинает жить настоящим, часто питая иллюзорные надежды на пересмотр дела, амнистию или помилование. Он становится восприимчивым к любым слухам, «подтверждающим» эти надежды.

После 5–6 лет заключения обостряется «синдром ожидания», характеризующийся тревогой, вызванной недостатком информации, и страхом перед долгожданным событием («а вдруг оно действительно наступит?»).

Через 5–7 лет лишения свободы в психике человека, находящегося в длительной изоляции, происходят труднообратимые изменения.

После 10 лет изоляции для психики осужденного становится характерен «фрустрационный синдром», проявляющийся в «ломке» жизненных планов и усилении чувства безнадежности, незащищенности, отчаяния и обреченности. Усиливается тоска по дому, родным, друзьям и прежнему образу жизни, которые часто идеализируются. «Синдром тоски» включает повышенную возбудимость, раздражительность, грусть, дискомфорт, персеверации и специфическую походку.

Постепенно нарастает апатия, парализующая волю и интеллект, что является предпосылкой для психологической деградации личности и развития психических заболеваний [14–18].

Таким образом, страхи у лиц, лишенных свободы, представляют собой сложную совокупность эмоциональных переживаний, которые оказывают значительное влияние на их психологическое состояние и процесс адаптации после освобождения. В связи с этим наше исследование посвящено изучению особенностей переживания страхов у осужденных на длительный срок лишения свободы в условиях исправительного учреждения.

Материалы и методы

В ходе исследования использовались обзорно-аналитический метод, заключающийся в теоретическом анализе научных источников по проблематике исследования; метод обобщения и сравнения, эмпирический метод, включающий методику «Опросник социальной тревоги и социофобии» (О. А. Сагалакова, Д. В. Труевцев)³.

Базой исследования явились исправительные учреждения строгого и общего режима УФСИН России по Вологодской области. Возраст респондентов от 21 года до 50 лет. Выборку составили 60 осужденных мужского пола, которая была разделена на две группы: 1) осужденные к длительным срокам лишения свободы (30 чел.); 2) осужденные на срок лишения свободы до 5 лет (30 чел.).

Опросник социальной тревоги и социофобии предназначен для дифференциальной диагностики, определения доминирующего типа социальной тревоги, выраженности отдельных аспектов проявления страха, оценивания в разных ситуациях. Оценка уровня тревоги позволяет контролировать развитие социальных страхов, требующих срочной психологической коррекции. Результаты тестирования по опроснику показывают уровень социальной тревоги: низкий, считающийся нормой; промежуточный, который также является вариантом нормы.

Результаты и обсуждение

Анализ результатов, полученных с помощью Опросника социальной тревоги и социофобии у осужденных к длительным срокам лишения свободы, подтверждает ранее выявленную тенденцию к выраженности страхов со значительным преобладанием высокого уровня социальной тревоги и социофобии.

Тревога в ситуации «быть в центре внимания, под наблюдением». Эта шкала измеряет уровень тревожности, который испытывают участники, когда они находятся в положении объекта внимания и все смотрят на них, оценивают их поведение. Высокий балл указывает на страх оценки и негативного восприятия со стороны окружающих. В группе 1 (36%; 11 чел.) данный показатель выше, чем в группе 2 (23%; 7 чел.), что говорит о более выраженной тревоге у осужденных на длительные сроки.

Постситуативные руминации и желание преодолеть тревогу в экспертных ситуациях. Эта шкала отражает склонность к длительному переживанию и размышлению о тревожных моментах после конкретной стрессовой ситуации, а также мотивацию справиться с тревогой в будущем. Одинаковый показатель в обеих группах (~23%; 7 чел.) указывает на сходное внутреннее эмоциональное состояние и стремление контролировать тревогу после напряженных ситуаций.

Сдержанность в выражении эмоций из-за страха отвержения и блокирование признаков тревоги в экспертных ситуациях. Подразумевает тенденцию к подавлению своих эмоциональных проявлений, чтобы не вызывать отрицательную реакцию и избежать ощущений уязвимости. Показатель в группе 1 — 50% (15 чел.) — существенно выше, чем в группе 2 (23%; 7 чел.), что, возможно, связано с большей настороженностью осужденных с меньшими сроками лишения свободы.

Тревога при проявлении инициативы в формальных ситуациях из-за страха критики и потери субъективного контроля. Эта шкала демонстрирует, насколько участники боятся критической оценки при попытках выступить с инициативой, а также утраты контроля над ситуацией. Более высокий уровень тревоги в группе 1 — 14% (4 чел.) против 4% (1 чел.) в группе 2, что свидетельствует о большей неуверенности осужденных с длительными сроками.

Избегание непосредственного контакта при взаимодействии в субъективно экспертных ситуациях. Шкала отражает склонность избегать прямого общения в ситуациях, связанных с экспертной оценкой, чтобы минимизировать вероятность негативных эмоциональных переживаний. Встречается лишь в группе 1 (4%; 1 чел.).

Осужденные с длительными сроками лишения свободы выражают более высокую социальную тревогу и опасения, связанные с вниманием окружающих и проявлением инициативы. В то время как те, кто отбывает менее длительные сроки, склонны сильнее сдерживать эмоции и скрывать тревогу в экспертных ситуациях. Эти различия могут отражать разные стратегии психологической адаптации к тюремной среде и социальной оценке.

Таким образом, результаты исследования отчетливо демонстрируют, что у большинства осужденных к срокам лишения свободы до 5 лет наблюдается низкий уровень социальной тревоги и социофобии. Это свидетельствует о более высокой социальной адаптивности и меньшем влиянии негативных факторов, связанных с лишением свободы. Основные различия между группами заключаются в интенсивности тревоги, количестве избегающих поведений и физических проявлениях тревоги.

Осужденные к длительным срокам лишения свободы испытывают сильные эмоции волнения, нерешительности и смущения. В поведении это выражается в избегании из-за неспособности справиться с волнением, смущением, страхом оценки, попытками вести себя «нарочито свободно», трудностями проявления инициативы в ситуациях, когда кто-то обращает внимание, наблюдает за работой, в компании

³ Сагалакова О. А., Труевцев Д. В. Опросник социальной тревоги и социофобии. URL: <https://psytests.org/anxiety/ostisf-run.html?ysclid=mbway138w5193207683> (дата обращения: 24.04.2025).

и т. д. Характерны психофизиологические проявления тревоги (сердцебиение, чувство стеснения в горле, дискомфорт). Осужденные также не стремятся избавиться от нерешительности и ее отдельных проявлений. Испытуемые сдержаны в выражении сочувствия, стараются скрыть свои эмоции из-за страха быть отвергнутыми и отрицательной оценки. Отказ от выражения сочувствия сопровождается явным стремлением скрыть признаки волнения и тревоги в ситуациях субъективно-экспертной оценки.

Выводы

1. Страхи у лиц, лишенных свободы, представляют собой сложную совокупность эмоциональных переживаний, которые оказывают значительное влияние на их психологическое состояние и процесс адаптации после освобождения.

2. Осужденные, отбывающие длительные сроки лишения свободы (свыше 5 лет), более подвержены переживаниям страхов, чем осужденные, которые лишены свободы на срок до 5 лет, что выражается в обострении переживаний, связанных с перспективами дальнейшего жизненного пути: они испытывают сильный страх перед выходом на свободу и попыткой заново адаптироваться к жизни в обществе.

3. Длительные сроки лишения свободы являются фактором, влияющим на уровень переживания страхов у осужденных, вызывая усиленное чувство тревоги и страха в общении с людьми, избегание социальных контактов, негативную самооценку, а также трудности с адаптацией к условиям лишения свободы и существенный страх перед будущим, что может привести к серьезным психическим расстройствам и социальной дезадаптации.

4. Проведенное исследование дает возможность разработать общие рекомендации по организации психокоррекционной работы с осужденными, переживающими страхи, в условиях исправительного учреждения.

Рекомендации. Для работы с осужденными, имеющими страхи, целесообразно проводить специально организованную психокоррекционную работу. Это могут быть просветительские и психокоррекционные занятия, представляющие собой систему мероприятий, помогающую им справиться с данными состояниями: групповые занятия (психообразовательные лекции, семинары, дискуссии), тренинги

(формирование навыков саморегуляции, релаксации, коммуникативной компетентности, асертивности), специализированная групповая психотерапия, направленная на работу с социальными страхами (с элементами когнитивно-поведенческой психотерапии, экспозиции в безопасной среде, интерперсональной терапии).

Основной целью будут являться снижение выраженности страхов у осужденных в местах лишения свободы, формирование адаптивных стратегий социального взаимодействия и повышение уровня психологической готовности к реинтеграции в общество.

К задачам деятельности пенитенциарного психолога в данном направлении будут относиться повышение уровня психологической осведомленности осужденных о природе, причинах и проявлениях страхов, обучение их эффективным техникам управления тревогой, стрессом и негативными эмоциональными состояниями в различных жизненных ситуациях. Важно также развитие и коррекция коммуникативных навыков, навыков асертивности и конструктивного межличностного взаимодействия лишенных свободы, а также проработка глубинных психологических проблем, связанных с негативным самоотношением, чувством неполноценности и безнадежности, формирование более реалистичной самооценки.

Результатами работы должны стать формирование у осужденных положительного опыта социального взаимодействия в условиях пенитенциарного учреждения, снижение страха перед предстоящим освобождением и повышение уровня психологической готовности к успешной адаптации в условиях свободы.

Область применения и перспективы. Исследование дает возможность разработать общие рекомендации по организации психокоррекционной работы с осужденными, переживающими страхи в условиях исправительного учреждения, но не исчерпывает всех сторон и проблем изучения страхов у осужденных в условиях исправительной колонии. В дальнейшем целесообразно продолжить исследование в направлении разработки психокоррекционных программ и специальных тренингов, а также программ по организации воспитательной работы в целях профилактики переживания страхов у лиц, лишенных свободы, с учетом их гендерных особенностей, криминальной характеристики, уровня образования и др.

Список источников / References

1. Акуленко С. С. Реализация целей наказания при длительных сроках лишения свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 25 с.
2. Быстрова Т. В. Психологическая характеристика содержания жизнестойкости у осужденных с длительными сроками отбывания наказания // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 2(30). С. 83–86.
3. Дорофеева Г. А. Страхи: определение, виды, причины // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2002. № 5. С. 13–15.
4. Мандаланатц С. В. Страх как стимул для развития мыслительной деятельности человека // Актуальные проблемы педагогики и психологии. 2022. № 12. С. 21–22.

5. Сухарева Н. В. Тревожность, тревога, страх: соотношение понятий // Теория и практика современной науки. 2018. № 5(35). С. 14–19.
6. Заворуева А. С. Психологические и социально-философские аспекты феноменов тревоги и страха (от Фрейда до Мадди) // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2007. № 2-3. С. 101–111.
7. Clark D. M., Wells A. A cognitive model of social phobia. Social phobia: Diagnosis, assessment, and treatment / In Heimberg R. G., Liebowitz M. R., Hope D. A., Schneier F. R. (Eds.). New-York: Guilford Press, 1995. Pp. 69–93.
8. Stopa L., Clark D. M. Social phobia and interpretation of social events. *Behaviour Research and Therapy*. 2000. Vol. 38. Pp. 273–283.
9. Марина Х. А. Анатомия страха: трактат о храбрости / пер. с исп. М. Киеня. М., 2010. 382 с.
10. Изард К. Е. Эмоции человека / под ред. Л. Я. Гозмана, М. С. Егоровой. М., 1980. 439 с.
11. Ильин Е. П. Эмоции и чувства : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2011. 782 с.
12. Акопян Л. С. Новый подход к классификации страхов // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. № 4-6. С. 32–22.
13. Харитонов С. В. Руководство по когнитивно-поведенческой терапии. М., 2017. 176 с.
14. Пирожков В. Ф. Криминальная психология. М., 2001. 702 с.
15. Сухов А. Н. Социально-психологические явления в среде осужденных : учеб. пособие. Рязань, 1987. 63 с.
16. Леонова А. А. Проблемы социальной адаптации лиц, ранее отбывших уголовное наказание, и способы их решения // Молодой ученый. 2021. № 19(361). С. 211–213.
17. Полякова Ю. А., Кушко О. Ю. Эмоциональное выгорание у лиц с разным уровнем тревожности // Интернаука. 2022. № 1-2(224). С. 53–55.
18. Бойко В. В. Энергия эмоций. 2-е изд., доп. и перераб. СПб., 2004. 474 с.

Поступила 24.05.2025; одобрена после рецензирования 10.06.2025; принята к публикации 25.12.2025.

Научно-теоретическая статья

УДК 316.6 © Аксюткина З. А., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-1104-69-74

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология

5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред

Доверие как категория социальной психологии

Зульфья Абдулловна Аксюткина, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социальной педагогики и социальной работы¹; aksutina_zulfia@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2548-4673>

¹ Омский государственный педагогический университет, 644099, Омск, ул. Партизанская, 4А, Россия

Реферат. Введение. Существующие в социальной психологии определения понятия «доверие» неоднородны и не отвечают требованиям полноты, не имеют четкого структурно-содержательного наполнения, тем самым выявлена незавершенность его формирования и актуализировано дальнейшее исследование. Цель — проведение категориального анализа категории «доверие» в контексте современной российской социальной психологии. **Материалы, результаты и обсуждение.** Анализ содержания структурных элементов привел к необходимости построения категориального ряда искомой категории. В категориальный ряд включены категории: доверие (точка неустойчивого равновесия), принадлежность человека к группе (тенденция неопределенности), социально обоснованные ожидания и социально подтвержденные ожидания (дополнительные элементы системы), убежденность, вероятность и адекватность восприятия (центральные элементы), базовая потребность (точка устойчивого равновесия), социальный порядок (тенденция категориального ряда). **Выводы.** В российской социальной психологии имеется теоретический базис понятийного уровня термина «доверие», воспроизводимый в научной литературе, характеризуемый массивом формулировок определений. Имеющиеся научные данные о понятии «доверие» способствуют формированию нового более обобщенного взгляда на его сущность и структуру, что позволило сформулировать определение понятия «доверие».

Ключевые слова: понятие, термин, метод категориального маятника, структурно-содержательный анализ

Для цитирования: Аксюткина З. А. Доверие как категория социальной психологии // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 1(104). С. 69–74. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-1104-69-74>

Scientific and Theoretical Article

UDC 316.6 © Aksyutina Z. A., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-1104-69-74

5.3.5. Social Psychology, Political and Economic Psychology

5.3.4. Pedagogical Psychology, Psychodiagnostics of Digital Educational Environment

Trust as the Category of Social Psychology

Zulfia A. Aksyutina, Candidate of Science (in Pedagogy), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Social Pedagogy and Social Work¹; aksutina_zulfia@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2548-4673>

¹ Omsk State Pedagogical University, 4 A, Partizanskaya st., Omsk, 644099, Russia

Abstract. Introduction. The definitions of the concept of “trust” in social psychology are heterogeneous and neither meet the requirements of completeness, nor have a clear structural and comprehensive content, thereby the incompleteness of its formation was revealed and further research has been actualized. The purpose of the research is to carry out a categorial analysis of the category “trust” in the context of modern Russian social psychology. **Materials, Results and Discussion.** The analysis of the content of the structural elements proved that it was necessary to construct a category row of the category under the search. The category row includes: trust (point of labile equilibrium), a person’s belonging to the group (tendency of uncertainty), socially-based expectations and socially-proved expectations (additional elements of the system), conviction, probability and adequacy of perception (central elements), basic need (point of stable equilibrium), social order (tendency of category row). **Conclusions.** The study conducted proves that the available scientific data on the term “trust” facilitate the formation of a new more generalized vision of its essence and structure, which enables the author to formulate the definition of the concept “trust”.

Keywords: concept, term, category pendulum method, structure and content analysis

Citation: Aksyutina Z. A. Trust as the Category of Social Psychology. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 1(104). Pp. 69–74 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-1104-69-74>

Основные положения

1. Категория «доверие» относится к межпредметной области исследований. Вместе с тем ее формирование в большей мере происходит на понятийном уровне, а категориальный уровень остается вне поля исследователей. Многообразие и неоднозначность понимания доверия приводит к размытости его гра-

ниц и актуализации исследования на категориальном уровне.

2. Анализ категории «доверие» возможно осуществлять с опорой на категориально-системную методологию. Такой подход позволяет выделить наиболее обобщенные структурные характеристики рассматриваемой категории и выявить ее содержание.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Во многих науках широко используется понятие «доверие». Например, исследования, посвященные доверию, проведены в области менеджмента [1], экономики [2], философии [3], юриспруденции [4], социологии [5]. Очевидно, что понятие «доверие» обладает множественными аспектами: социальными, правовыми, психологическими и иными.

Несмотря на то что в психологии термин «доверие» используется достаточно широко, он не был проанализирован на категориальном уровне. Общенаучный характер термина привел к множественности его понятийных формулировок и подходов к его изучению. Термин «доверие» имеет ярко выраженный социально-психологический характер. Начиная с младенческого возраста происходит формирование доверия к людям в качестве важной социальной характеристики человека, определяющей весь последующий ход жизни. Важно понимать, что вкладывается в сущность данного понятия, каково его содержание. В современной науке можно наблюдать диссонанс в подходах исследователей к определению сущности концепта «доверие». Так, большая психологическая составляющая прослеживается в работах И. В. Антоненко, А. Гидденса, А. В. Ненашевой и др. [6–8], где доверие рассматривается как психическое новообразование, базирующееся на чувствах, убежденности и вере. В то же время специалисты социальной сферы, например Е. А. Петрова и А. Майя [9], видят в доверии опору на обязательства, ответственность, нормы, тем самым приближая доверие к большей социальной выраженности.

Э. Эриксон относит диаду «доверие-недоверие» к базисному чувству, оказывающему определяющее влияние на формирование отношения к себе, к другим и к миру в целом [10, с. 54]. А. Б. Купрейченко полагает, что доверие можно отнести к психологическому состоянию принятия собственной уязвимости, связанному с позитивными ожиданиями, к поступкам, поведению, намерениям других людей [11, с. 49]. Ю. В. Смык считает доверие психологическим образованием, являющимся следствием формирования межличностных отношений и обеспечивающим понимание себя и других [12, с. 2]. Приведенные примеры показывают множественный характер категории «доверие».

Общеизвестно, что структура научно-психологического знания содержит в себе концепции, теории, категории и понятия. Работ, посвященных категориальному анализу понятия «доверие», нами не обнаружено.

Цель — категориальный анализ понятия «доверие» в контексте современной российской социальной психологии.

Теоретические предпосылки и степень изученности проблемы. Одним из крупнейших российских исследователей проблемы доверие-недоверие была

А. Б. Купрейченко. Об этом пишут А. Л. Журавлев и А. А. Костригин в статье, посвященной ее творчеству. Авторы видят ее заслугу в том, что она обосновала «доверие и недоверие как самостоятельные явления, изучала их конкретные формы и виды» [13, с. 104]. Одна из работ ученого посвящена функциям доверия, которыми выступают «познание, обмен и обеспечение взаимодействия субъекта с миром» [14, с. 52]. Функциональная составляющая доверия позволяет говорить, что доверие может проявляться во взаимодействии с живыми и неживыми объектами. Итогом длительного изучения доверия и недоверия стало фундаментальное исследование А. Б. Купрейченко. В нем эти два явления рассмотрены в социально-психологическом аспекте, раскрыто их соотношение, приведены их феноменологические особенности в различных видах деятельности (общение, реклама, организации), доверие представлено в качестве главного компонента психологической дистанции. В приложении дан содержательный методический арсенал, предназначенный для диагностики названных явлений [11]. А. Б. Купрейченко писала: «Проблемой, которую не обошел вниманием, пожалуй, ни один исследователь доверия и недоверия, является понимание сущности и содержания этих феноменов» [11, с. 29]. Для настоящего исследования ценен ее вывод: «В различных исследованиях доверие рассматривается как ожидание, установка, отношение, состояние, чувство, процесс социального обмена и передачи информации и других значимых благ, личностное и групповое свойство и т. д.» [11, с. 30].

В работе, посвященной психологии доверия, Е. П. Ильин проводит тщательный анализ указанного явления. Им даны характеристики доверия, раскрыты функции, структура, виды и типы. Доверие рассмотрено ученым в различных видах деятельности (организации, банковская сфера и бизнес, общественно-политическая жизнь, помогающие профессии). Автор, анализируя трактовки понятия «доверие», выделил несколько аспектов: как ожидание, предчувствие; готовность; отношение; надежда; социальная эмоция; функциональный орган [15].

Коллективная монография, посвященная доверию и недоверию в гражданском обществе, содержит эмпирический и теоретический материал по проблеме. В работе имеются характеристики доверия, свойственные различным возрастам, психологическим отношениям и гендерам. Доверие описано как аспект социального бытия и как метаотношение [16].

Достаточно широкую представленность теория доверия имеет и в научных статьях. Так, В. В. Ростовцева провела междисциплинарный обзор исследований доверия. Она приходит к выводу: доверие есть проявление психологии и поведения человека. Особое место в работе уделено «механизмам, отвечающим за его реализацию» [17, с. 43]. И. В. Антоненко приво-

дит описание социально-психологической концепции доверия и дает определение понятия: «Доверие — это встречное эквивалентное метаотношение субъекта к объекту, основанное на предсказуемости им объектной позитивности или негативности, обуславливающих успешность или неуспешность деятельности субъекта» [18, с. 118].

А. Ю. Канева и Н. Е. Коренкова полагают, что понятию «доверие» близки понятия «доверчивость», «надежность», «вера», «уверенность». Они определили доверие «как условие такого взаимодействия между миром и человеком, которое является предвестником наиболее активного взаимодействия» [19, с. 124–125].

И. Ю. Леонова приводит больше 15 определений понятия «доверие», которые были даны зарубежными и российскими исследователями. Автор заключает, что существуют различные подходы к определению понятия «доверие» и отсутствует единство в его понимании [20]. Вместе с тем собственная позиция ученым не была обозначена.

М. С. Фабрикант рассматривает доверие «как важнейший ресурс для повседневного функционирования в обществе в условиях неопределенности» [21, с. 121]. Данное определение явно характерно для ресурсного подхода, который широко применяется в исследованиях социальной работы.

В. С. Сигитова обращает внимание на доверие как межпредметную категорию. По результатам проведенного ею анализа выявлено, что доверие рассматривается «как ожидание, установка, вера, чувство, уверенность, состояние». Автор обосновывает связи и различия доверия с указанными явлениями. Однако собственная позиция ученым не сформулирована [22]. О. А. Смирнов и А. С. Елагина, анализируя феноменологию доверия и воспользовавшись результатами российских и зарубежных исследований, отметили ее неоднородность как явления [23, с. 163], что можно расценивать как наиболее точную характеристику рассматриваемой категории в контексте современной категориальной систематики.

В указанных исследованиях можно обнаружить, что доверие в психологической науке раскрывается как готовность, личностное и групповое свойство, метаотношение, надежда, ожидание, отношение, предчувствие, процесс передачи информации и других значимых благ, процесс социального обмена, состояние, социальная эмоция, социальное бытие, установка, функциональный орган, чувство. Доверие играет определяющую роль в социальном взаимодействии. Проведенный обзор показал, что понятие «доверие» в российской психологической науке имеет многообразие трактовок, что приводит к неоднозначности его понимания. Кроме того, на со-

держание понятия оказывает влияние социальная обстановка, отражаемая во взаимодействии людей и их функционировании.

Материалы, результаты и обсуждение

Определение понятия «доверие». Проведем отбор трактовок понятия «доверие» в современной российской социальной психологии, для этого воспользуемся монографической литературой и массивом научных статей. Отметим, что для исследования важны авторские определения понятия «доверие».

С исторической точки отсчета категория «доверие» одна из устойчивых. Первые упоминания доверия обнаружены в текстах Ригведы, датируемых вторым тысячелетием до нашей эры, где оно имеет отношение к божественному, посредством достижения доверия богу. В индоевропейской терминологии термин приобрел несколько иное значение, отличное от отождествления с религией: «доверить кому-либо что-либо с уверенностью в том, что эта вещь будет возвращена»¹. В России исследования доверия начинают активно развиваться с середины 90-х гг. прошлого столетия, что, видимо, было связано с кризисом политической власти, а именно доверия к власти.

Категория «доверие» используется как в бытовом, так и в научном языке. Однако в психологии анализ категории длительное время не осуществлялся, хотя анализ понятия в психологических исследованиях имеется (например, у Е. П. Ильина, А. Б. Купрейченко).

Часть авторов, обращаясь к проблематике доверия, не доводят исследование до понятийного уровня. Одним из множества примеров может служить исследование Н. Б. Астаниной. Изучая доверие, она не дает определение понятия, а указывает на результат его обладания: «Доверие другому человеку позволяет сохранять устойчивые позитивные отношения с партнером; ситуативное доверие другому человеку обеспечивает оптимальное конструктивное взаимодействие в рамках отдельной ситуации», а также психологический смысл: «энергетически оптимальное взаимодействие человека с миром» [24, с. 6].

Вместе тем доверие на понятийном уровне находит отражение в научных публикациях.

Т. П. Скрипкина в диссертационном исследовании пришла к выводу, что «доверие есть форма веры, представляющая в социально-психологическом плане самостоятельный вид установки-отношения к миру и к себе, сущность которого представлена в соотношении меры доверия к миру и меры доверия к себе. Основными условиями возникновения доверия являются актуальная значимость объекта доверия и оценка его как безопасного» [25, с. 12]. Видимо, посыл на понимание доверия в качестве формы веры лежит в выделении корня слова -вер.

¹ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. 456 с.

Группа новосибирских ученых (С. А. Богомаз, Е. П. Бельц, О. В. Макаренко) пришла к выводу, что доверие — следствие «спонтанной социальности» (pontaneous sociability) и его надлежит понимать как способность индивида «создавать новые объединения и новые рамки взаимодействия» [26, с. 54].

И. В. Антоненко рассматривает доверие в двух значениях (широком и узком). Для анализа воспользуемся определением доверия в широком значении, так как оно в большей мере отвечает требованию полноты. «Доверие — это встречное эквивалентное метаотношение субъекта к объекту, основанное на предсказуемости им объектной позитивности или негативности, обуславливающих успешность или неуспешность деятельности субъекта» [27, с. 13].

В результате решения первой задачи исследования проведен отбор трактовок понятия «доверие» из предложенных Т. П. Скрипкиной, новосибирскими исследователями (С. А. Богомаз, Е. П. Бельц, О. В. Макаренко) и И. В. Антоненко.

Следующая задача исследования предполагает проведение структурно-содержательного анализа определений понятия «доверие». Структурно любое определение включает класс объектов, дополнения к определению, условия отнесения класса к объекту. Каждая структурная единица того или иного определения имеет свое содержание. Эти два параметра (структурные единицы и их содержание) и подвергаются анализу.

Шаг первый — выделим классы объектов.

В определении Т. П. Скрипкиной это «форма веры». Такое выделение класса указывает на то, что доверие выступает некой разновидностью веры. Отметим, что традиционное понимание веры имеет религиозный и светский контекст. Возникает вполне справедливый вопрос: о каком контексте веры идет речь? Хотя автором предложенного определения это не уточнялось, будем учитывать и светскую веру, и религиозную.

У новосибирской группы исследователей классом объектов является «способность индивида». Традиционно в психологии способности рассматриваются как «индивидуально психологические особенности личности»². Отметим, сущностная сторона выделения класса выглядит непротиворечиво, что способствует проведению дальнейшего анализа.

И. В. Антоненко в качестве класса объекта выделила «встречное эквивалентное метаотношение субъекта к объекту». В данном фрагменте определения не ясно, кем осуществляется «встречное» движение, ведь в качестве объекта могут выступать не только живые люди, но и неживые объекты (например, поезд, самолет) либо явления (например, природные, физи-

ческие). Если речь идет о живых объектах, то фрагмент вполне состоятелен, а если о неживых, то вывод очевиден.

Шаг второй — выявление дополнения к определению.

В определении Т. П. Скрипкиной это «самостоятельный вид установки-отношения к миру и к себе». В данном содержательном контенте имеются две диады: мир и сам человек.

В определении новосибирских исследователей дополнением является «создание новых объединений и новых рамок взаимодействия». В данной редакции не представляется возможным понять, о каких именно объединениях идет речь.

В определении И. В. Антоненко в качестве дополнения выделим «предсказуемость объектной позитивности или негативности». Данный фрагмент непротиворечив.

Шаг третий — выделение условия отнесения класса к объекту.

В определении Т. П. Скрипкиной это «основные условия возникновения доверия — актуальная значимость объекта доверия и оценка его как безопасного». Полагаем, что данный компонент определения имеет корректную формулировку.

Новосибирские исследователи не выделяют условие отнесения класса к объекту, что указывает на ограниченность определения по требованию полноты. И. В. Антоненко в качестве условия отнесения класса к объекту выделяет «успешность или неуспешность деятельности субъекта», что выглядит корректно.

Проведенный структурно-содержательный анализ позволяет сделать заключение о большем соответствии требованию полноты определения понятия «доверие», данного И. В. Антоненко. Однако целостно в нем имеется существенный недостаток во фрагменте, структурно относящемся к классу объекта, что указывает на неполноту определения. Определение, принадлежащее новосибирским исследователям, сформулировано общо, недостаточно конкретизировано. Определение понятия «доверие» Т. П. Скрипкиной в большей степени характеризуется опорой на религиозность. Целостно структурно-содержательный анализ определений понятия «доверие» указывает на незавершенность его формирования и актуализирует дальнейшее исследование в данном направлении.

Построение модели категориального ряда доверия. Решим следующую задачу: построим категориальный ряд искомой категории методом категориального маятника. Метод предложили Г. Д. Боуш и В. И. Разумов [28, с. 162–164].

² Психология. Словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М., 1990. 494 с.

Категориальный ряд отразим в рисунке категориального маятника (рис.).

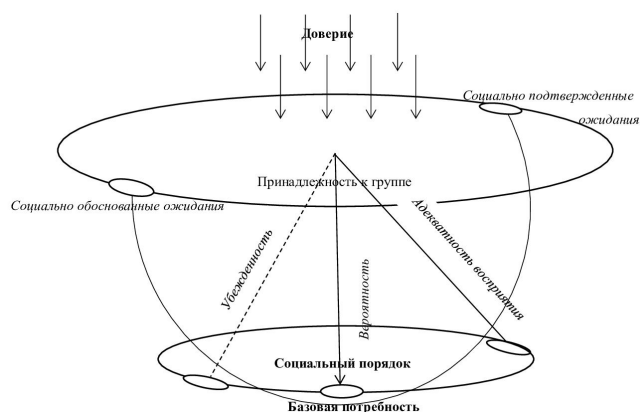

Рис. Категориальный ряд доверия
(Fig. Category row of trust)

Для его построения воспользуемся всем полученным теоретическим массивом данных о доверии как научном понятии с акцентированием на его специфике в социальной психологии.

На рисунке отображена система доверия как форма взаимосвязей его категориального ряда. Категория «доверие» выступает в качестве точки неустойчивого равновесия, которая требует уточнения и определения. Принадлежность человека к группе, формирующей отношение доверия к окружающему миру, людям и себе, выступает тенденцией неопределенности. Дополнительные элементы системы — социально обоснованные и социально подтвержденные ожидания. Социально обоснованные ожидания находят отражение в социальных нормах и правилах, характерных для группы, к которой принадлежит человек. Социально подтвержденные ожидания характеризуются тем, что в опыте человека были типовые ситуации, где проявление доверия находило подтверждение. Убежденность, вероятность и адекватность восприятия способствуют возникновению полярных состояний (доверие — недоверие). Они функционируют одновременно и во взаимосвязи между собой. Тенденцией категориального ряда выступает базовая потребность, обеспечиваемая точкой устойчивого равновесия, в качестве которой следует рассматривать социальный порядок, существующий в том или ином сообществе. В результате построения категориального ряда доверия создан

фундамент для формулировки обобщающего понятия.

Доверие — это базовая потребность человека, формирование которой обосновано принадлежностью к группе, где социально обусловленные и социально подтвержденные ожидания базируются на убежденности, вероятности и адекватности восприятия тех или иных событий, что способствует поддержке представлений личности о существующем социальном порядке.

Для данного исследования является важной мысль, высказанная в работе М. А. Бендюкова, С. И. Кедич, Н. С. Савриловой, что доверие в психологии считается концептом — «знаком, смысловое значение которого формируется в ходе коммуникации» [29, с. 90].

Выводы

1. В российской социальной психологии имеет некий теоретический базис понятийного уровня термина «доверие», воспроизводимый в научной литературе, характеризуемый массивом определений. Проведенный структурно-содержательный анализ показал, что существующие определения понятия «доверие» неоднородны и не отвечают требованиям полноты, цельности, имеют погрешности структурно-содержательного наполнения.

2. Имеющиеся научные данные о понятии «доверие» способствуют формированию нового более обобщенного взгляда на его сущность и структуру. Метод категориального маятника способствовал построению категориального ряда доверия на основе теоретического массива данных о доверии как научном понятии. На основе категориального ряда доверия удалось сформулировать определение понятия «доверие». Возможно, что предложенное определение имеет недостатки, но благодаря применению научно обоснованного метода категориального маятника их количество сведено к минимуму.

Область применения и перспективы. Проблема многозначности и неполноты понятийного аппарата психологии, недостаточность развития категориального уровня научно-психологического знания актуализируют категориальный анализ понятия «доверие», что приведет к более обобщенному его пониманию и единому контекстуальному значению в профессиональном дискурсе теоретиков и практиков. Перспективной исследования может стать дальнейший анализ категориального ряда доверия.

Список источников / References

1. Зорина Т. В. Психологический контракт и доверие работника в организации: интегративная модель // Живая психология. 2024. Т. 11, № 5. С. 61–66.
2. Трунова Е. А. Универсальный социальный механизм формирования доверия: структура и подходы к внедрению // Теория и практика общественного развития. 2024. № 10. С. 100–106.
3. Корякина А. А. Значимость доверия в межкультурном контексте // Вестник Омского университета. 2024. № 3(29). С. 72–79.
4. Голод Е. П. Плюрализм подходов к понятию доверия в юридической науке // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 2(104). С. 10–19.

5. Петрова Е. А., Майя А. Доверие российской и сирийской молодежи к медиаконтенту как фактор медиадоверия // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2022. Т. 21, № 1(162). С. 6–16.
6. Антоненко И. В. Социальная психология доверия // Приволжский научный вестник. 2014. № 11-2(39). С. 99–104.
7. Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge, 1990. 186 p.
8. Ненашева А. В. Доверие к СМИ в современной России. СПб., 2018. 332 с.
9. Petrova E. A., Mayia A. Psychological Factors of Trust Syrian Youth in Russian Mass Media. *Contemporary Problems of Social Work*. 2020. Vol. 6, iss. 1(21). Pp. 99–107.
10. Эриксон Э. Детство и общество / пер. [с англ.] и науч. ред. А. А. Алексеев. СПб., 2000. 415 с.
11. Купрейченко А. Б. Психология доверия и недоверия. М., 2008. 564 с.
12. Смык Ю. В. Доверие в структуре психологической безопасности личности // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 1. С. 1–9.
13. Журавлев А. Л., Костригин А. А. Проблемы психологии доверия и недоверия в трудах А. Б. Купрейченко // Психологический журнал. 2024. Т. 45, № 2. С. 104–114.
14. Купрейченко А. Б. Доверие и недоверие — общие и специфические психологические характеристики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2008. № 2. С. 46–53.
15. Ильин Е. П. Психология доверия. СПб., 2013. 282 с.
16. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества : монография / А. Ю. Акимова, Н. А. Амерханова, И. В. Антоненко и др. М., 2013. 564 с.
17. Ростовцева В. В. Феномен человеческого доверия: междисциплинарный обзор // Человек. 2024. Т. 35, № 2. С. 27–43.
18. Антоненко И. В. Психология личности: генезис доверия // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 1(106). С. 112–121.
19. Канева А. Ю., Коренкова Н. Е. Доверие как социально-психологический феномен // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2020. № 5. С. 124–129.
20. Леонова И. Ю. Доверие: понятие, виды и функции // Вестник Удмуртского университета. 2015. Т. 25, вып. 2. С. 34–41.
21. Фабрикант М. С. Связь социального доверия и беспокойства о будущем в сравнительной кросс-культурной перспективе // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14, № 4. С. 120–134.
22. Сигитова В. С. Основные подходы к изучению доверия в психологии // Современные научные исследования и инновации : электронный научно-практический журнал. 2017. № 4. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2017/04/80706> (дата обращения: 12.01.2025).
23. Смирнов О. А., Елагина А. С. Психологический феномен доверия в современных исследованиях // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2021. Т. 10, № 6А. С. 163–169.
24. Астанина Н. Б. Особенности феномена доверия у несовершеннолетних правонарушителей мужского пола : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2011. 24 с.
25. Скрипкина Т. П. Доверие как социально-психологическое явление : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Ростов н/Д, 1998. 46 с.
26. Богомаз С. А., Бельц Е. П., Макаренко О. В. Влияние смысложизненных ориентаций человека на его толерантность и доверие к другим людям // Значение прикладной психологии в новейшей истории России : мат-лы всерос. интернет-конф. Ставрополь, 2005. С. 52–55.
27. Антоненко И. В. Социальная психология доверия : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Ярославль, 2006. 52 с.
28. Боуш Г. Д., Разумов В. И. Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях) : учебник. М., 2020. 227 с.
29. Бендюков М. А., Кедач С. И., Саврилова Н. С. Понимание феномена доверия в отечественной психологии // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. 2016. Т. 11, № 2. С. 84–91.

Поступила 14.02.2025; одобрена после рецензирования 20.03.2025; принята к публикации 30.08.2025.

Общая педагогика. Теория и методика профессионального образования, обучения и воспитания

General pedagogy. Theory and methods of professional education, learning and upbringing

Научно-практическая статья

УДК 378 © Скляренко И. С., Исютина О. В., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-1104-75-84

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования

Социально-педагогический портрет подростка-мигранта как фактор педагогической профилактики асоциального поведения: междисциплинарный анализ

Инна Сергеевна Скляренко, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами¹; ic-k@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9527-2134>

Оксана Владимировна Исютина, адъюнкт 3 факультета (подготовки научных и научно-педагогических кадров)¹; Oksanalsutina@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0007-2649-7624>

¹ Академия управления МВД России, 125993, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8, Россия

Реферат. Введение. Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения эффективности педагогической профилактики асоциального поведения в деятельности субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Цель — обосновать значимость и содержание социально-педагогического портрета подростка-мигранта как ключевого фактора оптимизации педагогической профилактики асоциального поведения. **Материалы и методы.** Основным эмпирическим методом выступило анкетирование 45 учащихся 6–7 классов московских школ, из которых 75,6% составили подростки — мигранты из стран СНГ. Анализ анкет фокусировался на социально-экономическом статусе семей, образовательных трудностях, психолого-педагогических особенностях и аспектах социокультурной адаптации как факторах, значимых для построения профилактической работы. **Результаты и обсуждение.** Сформирован социально-педагогический портрет подростка-мигранта. Определены ключевые характеристики, влияющие на риск асоциального поведения, а именно низкий социально-экономический статус семей подростков-мигрантов, образовательные трудности, выраженное эмоциональное напряжение и стресс в школе, чувство одиночества, сложности в отношениях с педагогами при сохранении доверительных семейных отношений, двойственность социокультурной адаптации (сильная этническая идентичность и внутригрупповая замкнутость при формально широком круге общения). **Выводы.** Социально-педагогический портрет подростка-мигранта выступает важнейшим фактором для оптимизации педагогической профилактики асоциального поведения в рамках деятельности субъектов системы профилактики.

Ключевые слова: социально-педагогический портрет, междисциплинарный анализ, социокультурная адаптация, межведомственное взаимодействие

Для цитирования: Скляренко И. С., Исютина О. В. Социально-педагогический портрет подростка-мигранта как фактор педагогической профилактики асоциального поведения: междисциплинарный анализ // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 1(104). С. 75–84. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-1104-75-84>

Scientific and Practical Article

UDC 378 © Sklyarenko I. S., Isyutina O. V., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-1104-75-84

5.8.1. General Pedagogy, History of Pedagogy and Education

Socio-Pedagogical Profile of a Migrant Juvenile as a Factor of Pedagogical Prevention of Asocial Behavior: Interdisciplinary Analysis

Inna S. Sklyarenko, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor, Professor at the chair of Psychology and Pedagogy and Organization of Work with the Personnel¹; ic-k@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9527-2134>

Oksana V. Isyutina, post-graduate student of the 3rd Faculty (of training of Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel)¹; Oksanalsutina@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0007-2649-7624>

¹ Academy of Management of the Russian Ministry of Internal Affairs, 8, Z. and A. Kosmodemyanskikh st., Moscow, 125993, Russia

Abstract. Introduction. The relevance of the study is determined by the need to increase the effectiveness of pedagogical prevention of antisocial behavior in the activities of subjects of the system for the prevention of juvenile neglect and delinquency, namely educational organizations, commissions for minors and the protection of their rights, guardianship authorities, social protection authorities, Internal Affairs' bodies, including juvenile inspectors. The aim is to substantiate the importance and content of the socio-pedagogical profile of a migrant juvenile as a key factor in optimizing the pedagogical prevention of asocial behavior. **Materials and Methods.** The study was based on an interdisciplinary analysis of the problems of the prevention of asocial behaviour among migrant juveniles. An empirical method was the questionnaire of 45 students of 6-7 classes of Moscow schools, of which 75.6% were migrant juveniles from CIS countries. **Results and Discussion.** Social-pedagogical profile of a migrant juvenile is formed, key characteristics that influence the risk of asocial behavior are identified, namely low socio-economic status of migrant juveniles' families, educational difficulties, intensive emotional tension and stress in school, the feeling of loneliness, difficulties in relations with teachers, duality of socio-cultural adaptation (strong ethnic identity and intra-group isolation in a formally wide circle of communication). **Conclusions.** The socio-pedagogical profile of a migrant juvenile is an essential factor for optimising the pedagogical prevention of asocial behavior within the activities of the actors of the prevention system.

Keywords: socio-pedagogical profile, interdisciplinary analysis, socio-cultural adaptation, interdepartmental interaction

Citation: Sklyarenko I. S., Isyutina O. V. Socio-Pedagogical Profile of a Migrant Juvenile as a Factor of Pedagogical Prevention of Asocial Behavior: Interdisciplinary Analysis. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 1(104). Pp. 75–84 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-1104-75-84>

Основные положения

1. Социально-педагогический портрет подростка-мигранта выступает важнейшим фактором для повышения эффективности педагогической профилактики асоциального поведения. Кроме того, его учет позволяет разрабатывать адресные меры, предусматривающие специфику изучаемой группы.

2. Эффективная педагогическая профилактика асоциального поведения подростков-мигрантов, основанная на данных социально-педагогического портрета, предполагает комплексный характер и межведомственное взаимодействие субъектов системы профилактики (образовательных организаций, комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, органов опеки и попечительства, органов управления социальной защитой населения, подразделений по делам несовершеннолетних). Это включает разработку совместных программ, обмен информацией и обучение специалистов.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Рост миграционных процессов в Российской Федерации актуализирует проблемы социализации детей мигрантов, особенно в кризисный подростковый период. Подростки-мигранты составляют значительную и уязвимую группу в контексте риска асоциального поведения (правонарушения, девиации, дезадаптация)*. Низкая эффективность традиционных подходов к педагогической профилактике с данной группой подростков связана с недооценкой специфики их социально-педагогического и психологического статуса, включающего трудности социокультурной адаптации, образовательные барьеры, особенности идентичности и социального самочувствия. Эмпирические данные (анкетирование 45 учащихся 6–7 классов г. Москвы, из них 75,6% — подростки — мигранты из стран СНГ) подтверждают наличие разнообразных факторов риска: низкий социально-экономический

статус семей, выраженный школьный стресс, вызванный сложностями во взаимодействии с педагогами и сверстниками; ощущение одиночества при сохранении внутрисемейных связей; двойственность адаптации, состоящая в сильной этнической идентичности при внутригрупповой замкнутости. В этих условиях остро стоит вопрос о разработке научно обоснованных, адресных инструментов педагогической профилактики, требующих глубокого междисциплинарного понимания феномена.

Современная педагогическая наука и практика профилактической работы в большей степени опираются на комплексный, междисциплинарный анализ проблем детства, объединяющий достижения педагогики, психологии, социологии и права. Как подчеркивает М. В. Шакурова, успешность профилактической деятельности в решающей мере определяется точностью и глубиной проведенной диагностики, т. е. выявлением специфики социальной ситуации развития ребенка (или группы) и его индивидуально-личностных особенностей [1, с. 30–40]. В связи с этим необходимо сформировать научно обоснованный социально-педагогический портрет подростка-мигранта, играющего роль ключевого ориентира для разработки и реализации превентивных мер.

Такой портрет интегрирует данные о социально-экономических условиях жизни, психолого-педагогических особенностях, характере, социокультурной адаптации и специфике взаимодействия с институтами социализации. Максимально полный учет этих аспектов возможен только на основе междисциплинарного анализа, что является неотъемлемым требованием к современным исследованиям в области педагогической профилактики.

Цель — на основе историко-педагогической литературы, междисциплинарного анализа, эмпирических данных обосновать значимость и содержание социально-педагогического портрета подростка-

* Бастрыкин А. И. Интервью Председателя СК России информационному агентству ТАСС // Сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1967409/> (дата обращения: 01.06.2025).

мигранта как ключевого фактора оптимизации педагогической профилактики асоциального поведения в деятельности субъектов системы профилактики с учетом необходимости комплексного межведомственного подхода.

Теоретические предпосылки и обзор проблемы.

Исследование социально-педагогического портрета подростка-мигранта требует интеграции педагогики, психологии и социологии. Как справедливо отмечается в работах Ф. Э. Асейновой, А. А. Батанина, А. С. Васильевой и др., эффективность профилактики асоциального поведения напрямую зависит от точности диагностики социальной ситуации развития и личностных особенностей целевой группы [2]. Теоретическая функция педагогики реализуется через *диагностический уровень*, предполагающий определение состояния педагогических явлений и условий их успешности, а также прогностический уровень, состоящий в построении моделей преобразования педагогической действительности [3; 4].

В рамках междисциплинарного анализа профилактики асоциального поведения подростков-мигрантов и с опорой на фундаментальные принципы общей педагогики, изложенные в работах отечественных и зарубежных ученых (Я. А. Коменского, А. Дистервега, К. Д. Ушинского, Н. И. Пирогова, А. С. Макаренка, М. Н. Скаткина, В. А. Сухомлинского и др.), подчеркнем значимость построения комплексного социально-педагогического портрета подростка-мигранта [5–11]. Акцентируя внимание на *системном подходе* к воспитанию и профилактике асоциального поведения в образовательной среде, современная педагогическая наука обосновывает необходимость глубокого учета специфических факторов, влияющих на личность в процессе социализации.

Немаловажное внимание в работе с подростками-мигрантами обращается на обоснованный К. Д. Ушинским *принцип народности*, предполагающий учет в воспитании особенностей народа, его истории, культуры, языка, традиций и религиозных канонов. Нельзя не согласиться с тем, что каждый народ создает собственную образовательную систему и механический перенос педагогических принципов других народностей не принесет позитивных результатов. Принцип народности, с точки зрения К. Д. Ушинского, включает следующие аспекты. Во-первых, понимание того, что воспитание должно быть самобытным, национальным. Во-вторых, именно народ исторически определяет содержание и характер воспитания. В-третьих, центральное место в формировании личности занимает родной язык как язык обучения, источник знаний и воспитания [7].

В дополнение к последнему отметим еще один педагогический принцип, описанный в трудах Н. И. Пирогова, который следует учитывать в работе с подростками-мигрантами, — *принцип приоритет-*

ности родного языка, подразумевающий необходимость реализации учебно-воспитательного процесса на родном языке [8].

И наконец, объединяющим началом вышеуказанных принципов в профилактической работе с подростками-мигрантами становится педагогический принцип, на который ссылался в своей деятельности В. А. Сухомлинский, — *принцип содружества семьи и школы*. Педагог считал, что только во взаимодействии семьи и школы, «действуя заодно», возможно гармоничное развитие личности, формирование чувства долга, ответственности, соблюдения правил жизни в обществе. По мнению В. А. Сухомлинского, семья и школа должны быть единомышленниками, ставить одни требования, исходить из одинаковых принципов воспитания, не допускать расхождений ни в целях, ни в процессе, ни в средствах воспитания [11].

Применительно к подросткам-мигрантам учет педагогических принципов предполагает обязательный анализ не только общевозрастных психологических особенностей (идентичность, статус в группе, склонность к риску), но и положений уникальных социальных детерминант: пережитый опыт миграции и потенциальной травмы, аккультурационный стресс, состояние двуязычия или языкового барьера, особенности семейного уклада и культурных норм страны, уровень социально-экономической адаптированности семьи, возможные проявления ксенофобии или дискриминации в принимающем сообществе.

Именно игнорирование этих специфических социально-психологических характеристик в педагогической практике значительно повышает риски маргинализации подростка-мигранта, формирования негативной идентичности и, как следствие, проявлений асоциального поведения. Таким образом, социально-педагогический портрет, составленный с учетом педагогических принципов, выступает не просто описательным инструментом, а ключевым фактором, детерминирующим выбор адекватных, индивидуализированных и культурно-чувствительных стратегий педагогической профилактики, направленных на успешную интеграцию и предупреждение асоциальных проявлений через создание поддерживающей социально-педагогической среды.

Согласно Б. Д. Эльконину, единицей развития является посредническое действие — совместная активность взрослого и ребенка, направленная на построение опор для адаптации в новой среде [12]. В условиях миграции это проявляется в двойственности идентичности: сочетании сильной этнической самоидентификации с внутригрупповой замкнутостью, роли образовательных организаций как посредников в преодолении культурного конфликта.

В профилактике асоциального поведения подростков-мигрантов принципиальное значение приобре-

тают исследования межкультурной компетентности как фактора, снижающего риски дезадаптации. Опираясь на исследования О. Е. Хухлаева, В. В. Гриценко, С. Б. Дагбаева и др. [13], к компонентам межкультурной компетентности мы относим *межкультурную стабильность* как проявление эмоциональной устойчивости в стрессовых ситуациях межкультурного общения; *межкультурный интерес*, состоящий в желании взаимодействовать с представителями других культур; а также *управление межкультурным взаимодействием* с принятием культурного разнообразия. В процессе реализации межкультурной компетентности весьма важными становятся навыки коммуникации, которые статистически значимо снижают межгрупповую тревогу и повышают воспринимаемую предсказуемость партнера по общению, что напрямую коррелирует с эффективностью коммуникации и снижением конфликтности.

Примечательно, что снижение тревоги опосредует влияние на установку к межкультурному взаимодействию, особенно релевантно для подростков-мигрантов, испытывающих стресс в образовательной среде. Однако компонент «отсутствие этноцентризма» не показал ожидаемого эффекта в модели и требует дальнейшего изучения в контексте асимметричных социальных условий (статусных различий, например, в нашем исследовании «помощник, педагог — получатель помощи, подросток-мигрант»). Данные результаты подчеркивают необходимость интеграции психолого-педагогических программ, направленных на развитие эмоциональной регуляции, мотивации к межкультурному диалогу и практических навыков коммуникации, в систему профилактики, поскольку снижение тревожности, рост предсказуемости взаимодействия минимизируют риски агрессии, избегания и социальной изоляции, характерные для асоциального поведения подростков-мигрантов [14; 15].

Экосистемный подход Ури Бронфенбреннера объясняет асоциальное поведение подростков-мигрантов через призму разрушения микросистем — взаимосвязанных сред, формирующих развитие личности. Применительно к миграционному контексту это проявляется в глубоком «разрыве связей», который дестабилизирует ключевые опоры социализации. По Бронфенбреннеру, микросистема — непосредственное окружение индивида, а именно семья, школа, сверстники [16].

У мигрантов ее распад проявляется как семейная дезинтеграция, выражающаяся в утрате контактов с расширенной семьей: бабушками, дедушками, тетями, дядями, двоюродными братьями и сестрами, тем самым лишая подростка эмоциональной поддержки и трансляции культурных норм.

Языковой барьер и культурные различия нарушают связь «учитель — ученик», и здесь крайне важна

подготовленность педагогов к работе с поликультурными классами. Разрыв связей со сверстниками в стране исхода и трудности интеграции в новые группы приводят к формированию «эффекта пустоты», вследствие чего подростки-мигранты компенсируют это присоединением к асоциальным группам.

Рассматривая мезосистему как согласованное взаимодействие микросистем (семьи и школы), что соответствует взглядам Н. И. Пирогова на триединую основу воспитания (семья-школа-среда), мы видим, что у подростков-мигрантов ее кризис проявляется в отсутствии жизненно важного элемента этой среды — диаспорной поддержки. Это отсутствие разрушает органическую связь между семейными устоями и общественной (школьной) жизнью, лишая подростка необходимой «приготовительной» и культурно укорененной социально-педагогической среды. Так, в регионах без сложившихся этнических сообществ родители не могут интегрироваться в местное сообщество, лишая детей ресурсов адаптации; кроме того, часто социальные институты (диаспора, образовательные организации, органы социальной защиты, молодежные центры, культурные учреждения, правоохранительные органы, некоммерческие организации) действуют разрозненно в профилактике асоциального поведения подростков-мигрантов.

Разработанная Б. Д. Элькониным концепция «посреднического действия» определяет *единицей развития* совместную активность взрослого и ребенка по построению «опор адаптации» [12]. В педагогической практике концепция реализуется через тьюторское сопровождение, бикультурные медиаторы, проекты «Школа без границ». Теоретические предпосылки исследования социально-педагогического портрета подростка-мигранта как фактора профилактики асоциального поведения раскрывают системную природу дезадаптации. Доминантой выступает двойной кризис идентичности, детерминированный макроуровнем, что включает миграционную политику, экономическое неравенство; мезоуровнем, проявляющимся дисфункцией институтов социализации; микроуровнем, здесь идет речь о личностных особенностях подростков-мигрантов [17].

Междисциплинарный синтез позволяет перейти от фрагментарных интервенций к системной профилактике, где портрет служит не «статичным инструментом», а динамической картой рисков и ресурсов. Эффективность педагогической профилактики асоциального поведения подростков-мигрантов существенно повышается, когда субъекты профилактики применяют междисциплинарный подход, сочетая достижения педагогики, психологии и социологии. Как уже отмечалось, важнейшим инструментом в этом процессе выступает *социально-педагогический портрет* подростка-мигранта, который позволяет вы-

являть определяющие факторы риска и ресурсы, необходимые для коррекции поведения.

С учетом вышеизложенного и на основе анализа литературы (М. И. Гореликов, И. В. Чечикова и др.) под *социально-педагогическим портретом подростка-мигранта* мы понимаем комплексную обобщенную характеристику качеств формирования и развития личности подростка-мигранта, т. е. модель, включающую социально-экономические особенности семьи, психологические особенности (индивидуальные свойства и личностные качества), педагогические особенности (успеваемость, воспитанность, развитие), социально-педагогические особенности (описание проблем и социальная активность), характерные для подросткового возраста в условиях миграции [18; 19].

Обобщенная характеристика подростков-мигрантов. Подростки-мигранты представляют собой специфическую группу, чье развитие происходит на стыке двух ключевых переходных периодов: возрастного кризиса подростничества и сложного процесса социокультурной адаптации к новой среде. Портрет этой группы характеризуется комплексом особенностей, включая специфику интеллектуального развития и мыслительных операций, обусловленную нередко двуязычной средой или необходимостью освоения нового языка, а также индивидуальные черты темперамента, влияющие на скорость и успешность адаптации, и предпочтительные когнитивные стили работы с информацией. Сталкиваясь с комплексом проблем, они испытывают интенсивный стресс, порожденный высокими, часто конфликтующими ожиданиями со стороны родителей, сохраняющих ценности культуры своей страны, нового общества и образовательного учреждения [20]. Значительные трудности вызывает установление доверительных отношений со сверстниками и взрослыми в новой среде, а зависимость от социальных сетей и цифровых технологий может выступать как компенсаторный механизм, но одновременно усугублять социальную изоляцию.

Первостепенные задачи развития для подростка-мигранта, усложненные миграционным опытом, включают: *необходимость* подготовки к сепарации от семьи (в условиях, когда семья часто остается главной опорой); *достижение* признания в новой для себя социально-культурной подростковой среде; *формирование* устойчивых дружеских и партнерских связей; *построение* профессиональных перспектив в контексте иной социально-экономической реальности и *осознание* собственной системы ценностей, интегрирующей элементы обеих культур, что является основой для поведенческой саморегуляции и успешной школьной адаптации. Социальная активность подростков-мигрантов направлена на поиск и завоевание определенного статуса в новом обществе, реализующегося через стремление к включению в многоплановую

общественно полезную деятельность, служащую как инструментом социализации, так и способом доказательства своей компетентности и значимости.

Обобщенная характеристика подростков-мигрантов раскрывает их как группу, находящуюся под воздействием уникального сочетания возрастных и миграционных вызовов, где успешность решения задач развития и преодоления проблем напрямую связана с эффективностью психологических ресурсов и возможностями для конструктивной социальной интеграции.

Таким образом, в нашем представлении *структура портрета подростка-мигранта* включает:

- социально-экономическую характеристику семьи;
- психологическую характеристику подростка-мигранта;
- педагогическую характеристику подростка-мигранта (успеваемость, воспитанность, развитие);
- социально-педагогическую характеристику подростка-мигранта (проблемы, с которыми сталкиваются подростки-мигранты; социальная активность и др.).

Построение комплексного социально-педагогического портрета подростка-мигранта, интегрирующего данные психологии, социологии и педагогики, выступает основополагающим фактором эффективной педагогической профилактики асоциального поведения. Глубокое понимание особенностей его развития, социализации в условиях миграции (включая психологические черты, актуальные проблемы, задачи развития и паттерны социальной активности) позволяет не только выстраивать адекватную коммуникацию, но и целенаправленно проектировать и реализовывать индивидуально ориентированные педагогические стратегии в профилактике. Эти стратегии направлены на минимизацию факторов риска асоциального поведения и содействие формированию социально приемлемых моделей поведения через оптимальную педагогическую профилактику процесса интеграции и нравственного самоопределения.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие учащиеся 6–7 классов школ г. Москвы № 641, 1367, 2010 в количестве 45 человек, 75,6% (34 человека) из них составили подростки-мигранты. Подростки-мигранты находятся в возрасте 12–13 лет, переехали в Россию из стран СНГ: Азербайджана, Узбекистана, Киргизстана (по 23,5%), Таджикистана (20,6%) и Армении (8,8%). Более половины (55,9%) из них проживают в стране 1–3 года, что совпадает с периодом активной социальной и культурной адаптации. На этом фоне их опыт существенно отличается от 24,4% немигрантов (11 человек), родившихся в России в семьях, родители которых имеют высшее образование.

Результаты и обсуждение**Социально-экономическая характеристика.**

Семьи подростков-мигрантов характеризуются низким социально-экономическим статусом. Так, 79,4% отцов работают в сфере физического труда, 52,9% получили неполное среднее образование (9 классов). Матери подростков-мигрантов также имеют довольно низкий уровень образования: 61,8% окончили 9 классов, получив неполное среднее образование, и только 8,8% имеют полное среднее образование, окончив 11 классов. Техникум или колледж окончили всего 17,6% матерей. При этом 44,1% матерей подростков-мигрантов являются домохозяйками.

Высокий процент домохозяек, на наш взгляд, связан с несколькими факторами: языковым барьером (отсутствие уверенного владения русским языком ограничивает возможности трудоустройства); непризнанием квалификации (даже при наличии среднего профессионального образования работодатели часто не принимают дипломы, полученные в странах СНГ); семейными традициями (в культурах стран Центральной Азии роль женщины нередко сводится к ведению домашнего хозяйства). Данные анкеты подтверждают, что низкий уровень образования и социокультурные барьеры существенно ограничивают профессиональную реализацию матерей-мигрантов, усиливая их зависимость от домашних обязанностей и других членов расширенной семьи.

Психологическая характеристика. Несмотря на отсутствие прямых вопросов о тревожности, косвенные данные указывают на эмоциональное напряжение в условиях школы. Так, 82,4% подростков-мигрантов испытывают трудности в освоении отдельных предметов, что очевидно усиливает стрессовое состояние. Чувство одиночества отметили 11,8% опрошенных при формально широком круге общения. Сталкиваются с трудностями в отношениях с учителями 35,3%. При этом 85,3% описывают отношения в семье как «доверительные», «близкие», что подчеркивает роль семьи в качестве опоры социальной адаптации.

Педагогическая характеристика подростков-мигрантов демонстрирует парадокс: 91,2% оценивают знание русского языка как «хорошее», но лишь 35,3% учатся без «троек». Это противоречие объясняется скрытыми трудностями. К самым сложным предметам почти треть респондентов (28%) отнесла русскую литературу и историю. По нашим наблюдениям, указанные школьные предметы попали в разряд сложных ввиду незнания культурного контекста, национальных традиций России данной категорией обследуемых подростков. Проблемы с математической терминологией испытывают 38% опрошенных, и это связано в большей степени с языковыми трудностями. Мотивация к учебе существенно снижена: 26,5% прямо заявили, что не любят учиться, а 58,8% связали нежелание

посещать школу с «перегруженностью домашними заданиями» и «стрессом». При этом их сверстники-немигранты, напротив, акцентируют внимание на интересе к экспериментам на уроках (81,8%) и связи предметов с будущей профессией.

Социально-педагогическая характеристика.

Социокультурная адаптация проходит в условиях конфликта идентичностей. С одной стороны, 97,1% гордятся своей национальностью, сохраняя приверженность традициям, например, 55,9% идентифицируют себя как верующие, преимущественно мусульмане. Несмотря на формально широкий круг общения, 38,2% подростков-мигрантов имеют друзей из разных стран, 76,5% все же предпочитают близкие связи внутри своей этнической группы. Это способствует стихийному формированию микрогрупп в обычных условиях и в условиях возникновения угрозы конфликта с одноклассниками или учениками школы. Однако прямых данных о конфликтах на национальной почве анкетирование не выявило.

Итак, подросток-мигрант в возрасте 12–13 лет — это несовершеннолетний из семьи с низким социально-экономическим статусом, переживающий двойственную трансформацию: с одной стороны, давление ассимиляции, с другой — страх утраты этнической идентичности. Его образовательные трудности связаны не столько с языком, сколько с невидимыми барьерами — культурными, эмоциональными, социальными. Преодоление этих барьеров требует не только индивидуальной поддержки, но и системных изменений: от пересмотра учебных программ до создания школьных пространств диалога, где различия становятся ресурсом, а не проблемой. Данные школ № 641, 1367 и 2010 подтверждают, что интеграция возможна, но лишь при условии, что ее агентами выступают не только мигранты, но и все образовательное сообщество.

Данный социально-педагогический портрет не является статичной характеристикой, но представляет собой динамическую карту наиболее существенных факторов риска асоциального поведения и одновременно потенциальных ресурсов для его профилактики, требующей комплексного междисциплинарного и межведомственного подхода.

Социально-экономический статус как системный фактор риска. Низкий социально-экономический статус (далее — СЭС) семей мигрантов (ограниченные материальные ресурсы, низкостатусная занятость отцов, профессиональная депривация матерей) создает фундаментальную уязвимость. Кроме того, СЭС напрямую коррелирует с ограниченным доступом к дополнительным образовательным ресурсам, таким как посещение репетиторов, занятия в кружках и другие развивающие среды, качественному отдыху, культурным мероприятиям, что сужает возможности

позитивной социализации и компенсации школьных трудностей.

Семья, несмотря на низкий социально-экономический статус, выявлена как важнейший источник поддержки. Так, 85,3% подростков-мигрантов описывают отношения в семье как «доверительные». Это является первостепенным ресурсом для профилактики, в связи с этим программы поддержки должны быть адресованы не только подростку-мигранту, но и семье в целом, а именно помощь в трудоустройстве и признании квалификации родителей, в особенности матерей, языковые курсы для взрослых, социальное сопровождение, повышающее устойчивость семьи как системы. И здесь крайне важным является взаимодействие всех субъектов профилактики.

Сниженная мотивация. Так, 26,5% подростков-мигрантов указали, что не любят учиться, и 58,8% связали нежелание посещать школу с «перегруженностью домашними заданиями» и «стрессом», что служит следствием, а не причиной. Все это является результатом хронического академического неуспеха, ощущения некомпетентности, культурного непонимания и, возможно, отсутствия адекватной поддержки со стороны педагогов, а также это указывает на дефицит внутренней, познавательной мотивации, а возможно, вытесненной мотивации избегания неудач.

Для решения вышеобозначенных социально-экономических проблем подростков-мигрантов профилактическим ресурсом выступает следующее.

Во-первых, культурно-релевантная педагогика, предполагающая адаптацию учебных материалов по истории, литературе, обществознанию, т. е. включение сравнительных культурных аспектов, объяснение контекста, использование мультикультурных примеров.

Во-вторых, целевая поддержка по академическому языку с разработкой спецкурсов, факультативов, индивидуальных занятий, фокусирующихся не на грамматике, а на развитии навыков академического чтения, письма, дискуссии, понимания сложных текстов.

В-третьих, развитие внутренней мотивации путем создания ситуаций успеха, проектной деятельности, связывающей обучение с культурным опытом подростка-мигранта, профориентации, учитывающей реальный контекст и потенциал.

Следующий блок проблем связан с **психолого-педагогическими особенностями подростков-мигрантов**. Высокий уровень эмоционального напряжения (82,4%) и стресса в школе — это закономерное следствие совокупности факторов: языковой и академической неуверенности, культурного диссонанса, возможного ощущения «инаковости», трудностей в коммуникации с учителями (35,3%). Это состояние хронического стресса является ключевым фактором риска для развития тревожности, депрессивных симптомов, снижения когнитивных функций и в конечном

итоге поведенческих проблем (агрессия, уход из школы, протестные реакции). Чувство одиночества (11,8%) при формально широком круге общения указывает на поверхностность социальных связей и возможную эмоциональную изоляцию. Это особенно опасно в подростковом возрасте, когда потребность в принадлежности и принятии группой сверстников крайне высока. Неудовлетворение этой потребности может толкать подростка в асоциальные группы, где он найдет «понимание» и принадлежность, пусть и ценой девиантного поведения. Трудности в отношениях с учителями (35,3%) могут быть связаны с взаимным непониманием, культурными различиями в ожиданиях и стилях коммуникации, недостаточностью у педагогов компетенций для работы в поликультурной среде, а иногда и с предвзятым отношением. Эти конфликты напрямую подрывают образовательный альянс «учитель-ученик», снижая эффективность обучения и поддержки. Доверительные семейные отношения (85,3%) — ключевой защитный фактор. Семья остается «тихой гаванью», источником эмоциональной поддержки и сохранения идентичности. Однако ее ресурсы могут быть ограничены в вопросах помощи в учебе по причине языковых барьеров или уровня образования родителей и навигации в новой социокультурной среде.

Для решения проблем психолого-педагогического блока профилактическим ресурсом являются следующие инструменты:

— психологическая поддержка в школе: доступность школьного психолога, владеющего вопросами миграционного стресса и межкультурной коммуникации. Группы поддержки, тренинги стрессоустойчивости, эмоциональной регуляции для подростков-мигрантов;

— повышение межкультурной компетентности педагогов: обязательное обучение учителей основам работы с подростками-мигрантами, психологии миграции, культурным особенностям стран исхода, техникам невербальной коммуникации и бесконфликтного взаимодействия. Развитие эмпатии и культурной сенситивности;

— формирование поддерживающей среды в классе: программы по развитию толерантности, эмпатии, навыков межкультурного диалога среди всех учащихся. Создание школьных клубов, проектов, праздников, где культура мигрантов представлена как ценность и ресурс;

— работа с семьей как партнером: активное вовлечение родителей-мигрантов в жизнь школы с учетом их возможностей, предоставление информации на понятном языке, создание родительских групп взаимопомощи, привлечение культурных медиаторов.

Следующий пласт трудностей затрагивает **социокультурную адаптацию подростков-мигрантов**,

а именно двойственность идентичности и внутригрупповую замкнутость. Сильная этническая идентичность (97,1%) и религиозность (55,9%) — важные элементы позитивной самооценки и психологической устойчивости, что является ресурсом в процессе адаптации. Однако в сочетании с внутригрупповой замкнутостью (76,5% предпочитают друзей из своей группы, несмотря на формально широкий круг) и стихийным формированием микрогрупп возникает риск культурной сегрегации. Эта сегрегация может быть как вынужденной, а именно реакция на реальное или воспринимаемое неприятие со стороны принимающего общества, так и добровольной, заключающейся в стремлении сохранить свою культуру и чувство безопасности «среди своих». В любом случае она ограничивает возможности межкультурного обучения и интеграции, способствует формированию стереотипов и предубеждений с обеих сторон. В ситуации конфликта или фрустрации такая замкнутость может легко трансформироваться в групповую солидарность против «чужих», потенциально выливаясь в групповые правонарушения или виктимизацию. При анкетировании не выявлено фактов конфликта на национальной почве, однако это не означает их полного отсутствия и может свидетельствовать о латентности проблемы или нежелании подростков о ней говорить.

Для преодоления трудностей в социокультурной адаптации подростков-мигрантов, связанных с двойственностью идентичности и внутригрупповой замкнутостью, профилактическим потенциалом обладают следующие инструменты:

- создание «третьих пространств» интеграции: организация внеурочной деятельности (спорт, искусство, наука, волонтерство), где подростки из разных групп объединяются вокруг общих интересов и целей, а не этнической принадлежности. Это способствует формированию перекрестных идентичностей (спортсмен, художник, волонтер + национальность);

- программы межкультурного диалога и медиации: систематическая работа по развитию навыков конструктивного межкультурного общения, разрешения конфликтов. Внедрение школьных служб медиации с участием подготовленных подростков, включая мигрантов;

- позиционирование культурного разнообразия как актива: интеграция элементов культур мигрантов в учебный процесс (на уроках литературы, истории, географии), школьные мероприятия. Приглашение родителей-мигрантов как носителей культуры для рассказов, мастер-классов;

- поддержка бикультурной идентичности: помощь подростку в осознании и принятии того, что он может быть успешным и в новой культуре, и сохраняя связь со своей культурой. Формирование позитивного образа «человека двух культур».

Междисциплинарный синтез и значение социально-педагогического портрета подростка-мигранта для системы профилактики. Представленный портрет наглядно демонстрирует, что риски асоциального поведения подростков-мигрантов коренятся не в их «природе», а в сложном переплетении социальных, экономических, культурных, психологических и педагогических факторов, которые взаимно усиливают друг друга. Низкий СЭС ограничивает доступ к образовательным ресурсам, что ведет к неуспеху и стрессу; стресс и культурный барьер затрудняют отношения с учителями и интеграцию в класс; трудности интеграции и ощущение «инаковости» способствуют внутригрупповой замкнутости, что ограничивает развитие межкультурных навыков и усиливает риск групповых девиаций. Эффективная профилактика асоциального поведения, основанная на этом портрете, требует *системного, междисциплинарного и, главное, межведомственного подхода*, объединяющего усилия всех субъектов системы профилактики.

Образовательные организации являются основным фронтом работы, к задачам которых относятся обеспечение адаптации образовательной среды для подростков-мигрантов, психолого-педагогическое сопровождение (диагностика, коррекция, развитие мотивации, работа с тревожностью), формирование инклюзивной и поддерживающей школьной культуры (программы толерантности, «третьи пространства», медиация), повышение квалификации педагогов в области межкультурной коммуникации и психологии миграции, тесное взаимодействие с родителями и социальными службами.

Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее — КДНиЗП) координируют межведомственное взаимодействие на уровне района (города). На основе понимания портрета могут инициировать и координировать разработку целевых муниципальных либо региональных программ профилактики, учитывающих специфику подростков-мигрантов, организовывать обмен информацией между школами, органами опеки, соцзащиты, ПДН о семьях и подростках группы риска, а также осуществлять контроль в выполнении индивидуальных программ реабилитации и адаптации для подростков-мигрантов, оказавшихся в трудной ситуации или совершивших правонарушение, обеспечивая их комплексный характер.

Органам опеки и попечительства необходимо быть особо внимательными к рискам в семьях мигрантов с низким СЭС. На основе портрета выявлять семьи, где низкий СЭС сочетается с другими факторами риска (языковой барьер родителей, трудности ребенка в школе, социальная изоляция семьи). Оказывать адресную поддержку таким семьям, а именно помощь в оформлении документов, доступ к социальным услугам, содействие в трудоустройстве родителей, подключение

некоммерческих организаций, и, конечно, защищать права подростка-мигранта в случае выявления неблагополучия, связанного с трудностями адаптации.

Органы управления социальной защитой населения играют важную роль в поддержке уровня жизни семьи. На основе портрета подростка-мигранта могут развивать и продвигать специализированные социальные услуги для семей мигрантов (языковые курсы для взрослых, юридические консультации, помощь в признании дипломов, программы социальной адаптации). Обеспечивать доступ семей мигрантов к существующим мерам соцподдержки (пособия, льготы), а также внедрять технологии социального сопровождения семей мигрантов, находящихся в трудной ситуации.

Подразделениям по делам несовершеннолетних на основе портрета необходимо учитывать специфику групповой динамики подростков-мигрантов (внутригрупповую сплоченность) при профилактике групповых правонарушений. Акцент на раннем выявлении рисков, связанных с дезадаптацией (прогулы, конфликты в школе, признаки стресса), а не только реагирование на совершенные правонарушения. Кроме того, крайне важно тесное взаимодействие со школами и КДНиЗП по таким сигналам. Участие инспекторов ПДН в школьной профилактической работе (беседы, правовое просвещение) с учетом культурных особенностей аудитории возможно с привлечением бикультурных ассистентов [20]. Немаловажным является взаимодействие с диаспоральными организациями для конструктивной работы с сообществом.

Выводы

Социально-педагогический портрет подростка-мигранта выступает не просто описанием, а научно обоснованной картой рисков и ресурсов для построения эффективной системы педагогической профилактики асоциального поведения. Он недвусмысленно указывает на то, что успех возможен только при условии глубокого понимания этой специфики всеми субъектами системы профилактики и их тесного, скоординированного межведомственного взаимодей-

ствия. Требуется комплексная, ресурсоемкая работа по адаптации образовательной и социальной среды, развитию межкультурной компетентности всех участников процесса и по адресной поддержке самих подростков и их семей. Только тогда профилактика станет по-настоящему педагогической, т. е. направленной на развитие, интеграцию и раскрытие потенциала каждого подростка-мигранта, минимизируя риски его асоциального пути. Данное исследование предоставляет существенную эмпирическую и теоретическую базу для начала такой работы.

Ограничения исследования. Объем выборки ($n=45$) и ее локализация в трех школах Москвы ограничивают возможности прямой генерализации результатов на всех подростков-мигрантов РФ, в особенности проживающих в других регионах. Вместе с тем исследование позволяет сформулировать и эмпирически обосновать структуру ключевых переменных и их взаимосвязей, создавая основу для построения проверяемой модели изучаемого феномена, применимой в качестве первого приближения к анализу более широкого массива данных.

Область применения и перспективы. Портрет подростка-мигранта выявляет комплекс факторов риска, требующих учета в профилактической работе всех субъектов системы. Проведение сравнительных исследований в разных регионах РФ необходимо для выявления региональной специфики. Разработка и реализация адресных межведомственных профилактических программ (таких как «Школа — Соцзащита — Диаспора» или «Куратор случая») для включенных в них подростков-мигрантов, основанных на сформированном социально-педагогическом портрете данной группы, является практическим приложением исследования в целях профилактики асоциального поведения. Необходимо создание диагностического инструментария (скрининга), основанного на характеристиках портрета, для раннего выявления подростков-мигрантов с асоциальным поведением.

Список источников / References

1. Шакурова М. В. Методика и технология работы социального педагога : учеб. пособие. М., 2004. 265 с.
2. Актуальные проблемы современной педагогики и психологии: результаты экспериментальных и теоретических исследований : монография / Ф. Э. Асейнова, А. А. Батанин, А. С. Васильева и др. ; под ред. В. А. Куриной, О. А. Подкопаева. Самара, 2022. 179 с.
3. Мудрик А. В. Социализация человека : учеб. пособие. М., 2006. 304 с.
4. Скляренко И. С. Моделирование в педагогическом процессе // Педагогика и психология. 2024. № 1(4). С. 14–21.
5. Коменский Я. А. Избранные педагогические сочинения : в 2 т. М., 1982. Т. 2. 576 с.
6. Дистервег А. Избранные педагогические сочинения / сост. В. А. Ротенберг. М., 1956. 374 с.
7. Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания: опыт педагогической антропологии. М., 2004. 574 с.
8. Пирогов Н. И. Избранные педагогические сочинения. М., 2024. 387 с.
9. Макаренко А. С. Избранные педагогические сочинения : в 4 кн. М., 1949. Кн. 1 : Лекции о воспитании детей. 164 с.
10. Краевский В. В., Лернер И. Я., Скаткин М. Н. и др. Дидактика средней школы: Некоторые проблемы современной дидактики : учеб. пособие. М., 1982. 319 с.
11. Сухомлинский В. А. Как воспитать настоящего человека. М., 1989. 286 с.

12. Эльконин Б. Д. Современность теории и практики учебной деятельности: ключевые вопросы и перспективы // Психологическая наука и образование. 2020. Т. 25, № 4. С. 28–39.
13. Хухлаев О. Е., Гриценко В. В., Дагбаева С. Б., Константинов В. В., Корниенко Т. В., Кулеш Е. В., Тудупова Т. Ц. Межкультурная компетентность и эффективность межкультурного взаимодействия // Экспериментальная психология. 2022. Т. 15, № 1. С. 88–102.
14. Byrne B. M. Structural Equation Modeling With AMOS. Ney York: Routledge, 2016. 460 p.
15. Capell J., Dean E., Veenstra G. The Relationship Between Cultural Competence and Ethnocentrism of Health Care Professionals. *Journal of Transcultural Nursing*. 2008. Vol. 19. No. 2. Pp. 121–125.
16. Бронфенбреннер У. Экология человеческого развития: эксперименты природы и дизайна / пер. с англ. Кембридж (Массачусетс), 1979. 330 с.
17. Самохвалова А. Г., Метц М. В. Межкультурные коммуникативные трудности подростков-мигрантов первого и второго поколений: кросс-культурный аспект // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11, № 3. С. 149–166.
18. Гореликов М. И. Психолого-педагогический портрет современного подростка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2018. № 4. С. 29–38.
19. Чечикова И. В. Биографический метод для анализа результатов применения Технологической модели сопровождения подростков, состоящих на учете в отделениях по делам несовершеннолетних // Прикладная психология и педагогика. 2021. Т. 6, № 4. С. 52–64.
20. Исютин О. В., Скляренко И. С. Профилактика асоциального поведения в поликультурной среде: роль инспектора ПДН в социализации подростков-мигрантов // Актуальные вопросы совершенствования деятельности подразделений и служб органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности : мат-лы всерос. науч.-практ. конф., посвященной вопросам правового и организационного обеспечения деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, Москва, 28 марта 2025 г. М., 2025. С. 150–155.

Поступила 04.07.2025; одобрена после рецензирования 08.07.2025; принята к публикации 25.12.2025.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Обзорная статья

УДК 37.01 © Ходякова Н. В., Ходяков Д. А., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-1104-85-90

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования

Проблематика образовательной среды в отечественных научно-педагогических исследованиях: краткий обзор (2020–2025) и перспективы научного поиска

Наталья Владимировна Ходякова, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами¹; hodyakova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4340-0744>

Дмитрий Андреевич Ходяков, кандидат педагогических наук, онлайн-преподаватель английского языка; свободный исследователь; dmitryhodyakov@gmail.com

¹ Академия управления МВД России, 125993, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8, Россия

Реферат. Введение. Приводится краткий обзор докторских диссертационных исследований в области отечественной педагогики, выполненных в период с 2020 г. по 2025 г. и связанных с изучением различных проблем образовательной среды. Цель — обобщить и систематизировать полученные учеными результаты, очертить перспективы дальнейшего научного поиска. **Материалы, результаты и обсуждение.** Анализ изученных работ проводился в контексте развития ситуационно-средового подхода по следующему вопросу: какова структура личностно-развивающей образовательной среды, какими свойствами она характеризуется, как строится логика поступательного личностно-развивающего взаимодействия обучающихся с образовательной средой, какие принципы должны быть положены в основу ее проектирования. В анализируемых диссертациях выявлялись актуальные проблемы и перспективы дальнейших исследований в области педагогики среды. **Выводы.** Результаты обзора позволили в структуре образовательной среды установить три группы условий: условия-стимулы, условия-возможности и условия-обстоятельства. В динамике взаимодействия «личность — образовательная среда» выделены последовательно сменяющие друг друга этапы традиционного, вариативного, диалогического и персонализированного обучения. В качестве специфических принципов проектирования образовательных сред определены опосредованность педагогического взаимодействия, культуросообразность и безопасность средовых условий.

Ключевые слова: образовательная среда, развитие личности, педагогическое проектирование

Для цитирования: Ходякова Н. В., Ходяков Д. А. Проблематика образовательной среды в отечественных научно-педагогических исследованиях: краткий обзор (2020–2025) и перспективы научного поиска // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 1(104). С. 85–90. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-1104-85-90>

Review Article

UDC 37.01 © Khodyakova N. V., Khodyakov D. A., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-1104-85-90

5.8.1. General Pedagogy, History of Pedagogy and Education

Problems of Educational Environments in National Scientific Pedagogical Studies: a Brief Review (2020–2025) and Prospects of Scientific Search

Natalia V. Khodyakova, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor, Professor at the chair of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with the Personnel¹; hodyakova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4340-0744>

Dmitry A. Khodyakov, Candidate of Science (in Pedagogy), on-line teacher of English; dmitryhodyakov@gmail.com

¹ Academy of Management of the Russian Ministry of Internal Affairs, 8, Z. and A. Kosmodemyanskikh st., Moscow, 125993, Russia

Abstract. Introduction. The paper comprises a brief overview of doctoral dissertation researches in the field of domestic pedagogy performed in the period from 2020 to 2025 and related to the study of various problems of the educational environment. The goal is to summarize and systematize the results obtained by scientists, outline the prospects for further scientific research. **Materials, Results and Discussion.** The analysis of the studied works was carried out in the context of the development of a situational-environment approach on the following issues: what is the structure of the personal-developing educational environment, what properties it is characterized by, how the logics of progressive personal-developing interaction of students with the educational environment is built, what principles should be the basis for its developing. **Conclusions.** The results of the review made it possible to establish three groups of conditions in the structure of the educational environment: conditions-incentives, conditions-opportunities and conditions-circumstances. In the dynamics of interaction "personality — educational environment," successive stages of traditional, variable, dialogical and personalized learning are highlighted. The mediation of pedagogical interaction, culture-like and safety of environmental conditions are determined as specific principles for the design of educational environments.

Keywords: educational environment, personal development, pedagogical projecting

Citation: Khodyakova N. V., Khodyakov D. A. Problems of Educational Environments in National Scientific Pedagogical Studies: a Brief Review (2020–2025) and Prospects of Scientific Search. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 1(104). Pp. 85–90 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-1104-85-90>

Основные положения

1. Образовательная среда представляет собой совокупность условий обучения и воспитания, которые опосредуют взаимодействие педагогических субъектов и обучающихся, выступая объектом их личностной активности и субъектных проявлений.

2. Эффективное проектирование образовательной среды осуществляется на основе научно обоснованных представлений о ее структуре (различающихся группах средовых условий), свойствах (качественных характеристиках), логике ее развивающего взаимодействия с личностью (этапов). Нормативное знание о проектировании образовательной среды закрепляется в педагогической науке в виде принципов.

3. Перспективы исследований в области педагогики среды определяются ее изучением в контексте различных методологических подходов, теорий качества образования, концепций подготовки педагогов, развития идей типологизации образовательных сред, персонализации образования.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Результаты научно-педагогических исследований последних трех десятилетий обнаруживают большой интерес ученых к феномену образовательной среды. Достигнуто понимание, что авторитарными и прямыми педагогическими воздействиями неэффективно воспитывать личность, осуществлять развитие ее мотивов и целей, ценностей и смыслов, критического мышления и творческого потенциала. Образовательная среда как совокупность окружающих обучающегося условий образования, которые он воспринимает, переживает, осваивает, напротив, предоставляет педагогу эти возможности, если в педагогической деятельности учитывать закономерности взаимодействия личности со средой, опираться на психологические механизмы развития человека в среде, элиминировать риски дезадаптации в среде.

Для развития «средового» направления в отечественной педагогике целесообразно обратиться к педагогическим исследованиям проблематики образовательной среды, выполненным в последние пять лет (2020–2025), обобщить и систематизировать полученные учеными результаты, очертить перспективы дальнейшего научного поиска. Изучение новейших результатов исследований является необходимым как с позиций фиксации современного состояния педагогики среды, так и в контексте обеспечения эффективного функционирования под нашим руководством и при непосредственном участии научной лаборатории «Ситуационно-средовой подход в педагогике» [1].

В процессе анализа научно-педагогических работ постараемся ответить на следующие вопросы:

1. Какова структура образовательной среды, какие ее компоненты оказывают наибольшее влияние на раз-

витие личности в целом или на развитие определенных видов опыта личности?

2. Какие свойства отличают личностно-развивающую образовательную среду?

3. Как обучающиеся взаимодействуют с образовательной средой, какова логика такого взаимодействия?

4. Какие принципы проектирования развивающей образовательной среды должны быть положены в основу деятельности педагогического субъекта?

5. Какие из научных проблем, связанных с образовательной средой, являются наиболее актуальными и перспективными для их разрешения в ближайшей временной перспективе?

Материалы, результаты и обсуждение

Обзор и анализ результатов научно-педагогических исследований, посвященных феномену образовательной среды. Систематизацию и обобщение результатов исследований мы проводили с универсальных позиций общенаучного системного подхода, абстрагируясь от частных и вариативных деталей.

В спектр изученных работ были включены докторские диссертации по педагогике, поскольку именно в них содержатся наиболее серьезные научные достижения и излагаются особо значимые для педагогической теории и практики результаты. Отметим, что анализу подвергались не только положения, вынесенные авторами на защиту, но и полученные ими промежуточные результаты, а также выводы, представленные непосредственно в текстах параграфов и заключении. Кратко остановимся на каждой из работ, которые, с нашей точки зрения, раскрывают те или иные важные характеристики образовательной среды и предоставляют содержательный материал для дальнейших размышлений.

В диссертации М. С. Артюхиной показано, что цифровая образовательная среда благодаря своим свойствам адаптивности, интерактивности, вариативности, персонализации и диагностичности является важнейшим компонентом обучения, обеспечивая самоактуализацию личности обучающегося, развитие его мотивационных, коммуникативных, креативных, рефлексивных качеств и саморегуляции. Названные свойства среды фактически описывают такие ее условия, которые предоставляют возможности для проявления личностной активности и «самости» обучающегося [2].

Исследование Ю. М. Царапкиной фокусирует внимание на потенциале цифровой образовательной среды как содержательном источнике нового опыта обучающегося, как ресурсе, позволяющем моделировать учебные ситуации. К такому контенту среды ученый относит индивидуальную электронную библиотеку обучающегося; его портфолио; материалы, полученные в ходе проектной деятельности, и др. [3].

В исследовании Т. С. Купавцева все условия образовательной среды личностного саморазвития

субъекта разделены на три группы: содержательные источники становления и развития его внутренней позиции; стимулы личностной активности; процессуальные возможности продуктивной коммуникации и деятельности. Все эти компоненты закономерно встраиваются в эволюционирующие образовательные ситуации педагогической поддержки обучающихся. К принципам педагогизации образовательной среды автором отнесены: безопасность, герменевтичность коммуникации, фасилитации, минимизации педагогического контроля [4].

Особую роль обладающей свойствами активности и эмоциогенности образовательной среды в формировании культуры личности отводит в своей диссертационной работе И. Б. Байханов. Им подчеркивается значимость связей образовательной среды, формирующей индивидуальную культуру обучающегося, с более масштабными социокультурными макросредами: глобальной, региональной, локальной. Обсуждаемые связи между средами различного уровня, по мнению исследователя, поддерживаются как субъектами культурно-образовательного процесса, так и его пространственными, содержательными (нормы, исторические традиции, требования) и деятельностными компонентами [5].

Близкие по смыслу идеи встречаем в диссертации Н. В. Антонова. Автор утверждает необходимость построения в интересах социализации и воспитания юношества отношений подобия между средой образовательной организации и социокультурной средой мегаполиса, в котором функционирует эта образовательная среда. Продемонстрировано, что такие связи более всего прослеживаются в процессе координации деятельности и взаимодействия педагогических субъектов образовательной организации и представителей социальных партнеров этой организации. Кроме того, в образовательной среде (пространстве) ученым особо выделены временной (своевременно и динамично изменяющиеся компоненты) и информационный параметры (идеологические детерминанты, культурный код) [6].

На цифровой образовательной среде как средстве обучения концентрирует свое внимание А. Г. Леонов. В ее составе исследователь выделяет универсальную (набор базовых знаний и заданий) и вариативную (обеспечивающую адаптивное обучение и реализацию индивидуальной образовательной траектории) составляющие. Ученым доказано, что специальное конструирование подобной среды существенно интенсифицирует учебный процесс, сокращает время на освоение понятий и развитие мышления [7].

Исследователь А. И. Ахметзянова выделяет в структуре образовательной среды (образовательного пространства) следующие влияющие на развитие личности условия: значимые отношения обучающегося

с другими участниками образовательного процесса и способы организации деятельности [8].

В образовательной среде Е. Н. Кролевецкая выделяет такие структурные компоненты, как предметы, события, взаимодействия и отношения, которые выполняют функции ресурсов и возможностей для свободного выбора индивидуальной образовательной траектории и развития опыта обучающихся, а к свойствам такой развивающей среды относит доброжелательность, интерактивность, коммуникативность, насыщенность. Динамику развития личности во взаимодействии с образовательной средой автор моделирует в виде следующих четырех этапов: 1) обучающийся — объект воздействия (влияния) образовательной среды; 2) обучающийся — субъект познания себя и самоотношения; 3) обучающийся — субъект отношения к практической деятельности; 4) обучающийся — субъект отношения к другому [9].

Интегративную модель образовательной среды как систему деятельности всех субъектов образовательного процесса (управленческой, учебной, воспитательной, психологической, научной, социально значимой, спортивной, досуговой) строит в своем докторском исследовании О. В. Евтихов. К принципам проектирования образовательной среды, в которой формируется опыт компетентного принятия решений, им отнесены учет предметно-практической специфики образовательной деятельности и организационной культуры (установленных норм поведения и деятельности), преемственность и взаимное дополнение реализуемых учебно-воспитательных и других мероприятий [10].

На безопасность образовательной среды (ее защищенность от информационной опасности и информационных угроз) обращает внимание педагогов Е. А. Носков. По его мнению, в проектировании образовательной среды должны обеспечиваться физическое и психическое здоровье обучающихся, использование эргономичных педагогических и информационно-технологических средств обучения. К принципам построения безопасной информационно-образовательной среды исследователь относит единство регламента, открытость, опосредованность и оперативность информационного взаимодействия; информационную избыточность и свободу выбора в обучении; распределенность информационных ресурсов и независимость от пространственно-временных параметров обучения [11].

В состав информационно-образовательной среды исследователь М. В. Слепцова включает информационный контент (учебную информацию, информационные ресурсы), коммуникативно-сетевые возможности (технику и технологии), множество индивидуальных образовательных траекторий обучающихся, управленческие решения, педагогическое сопровождение

(преподавательское, экспертное, организационно-тьюторское, конструкторское) [12].

Предметно-пространственный аспект образовательной среды стал объектом специального исследования Л. А. Ремезовой. К принципам создания развивающей конструктивные способности обучающихся предметно-пространственной среды автором отнесены трансформируемость, насыщенность, полифункциональность, вариативность, доступность и безопасность. В структуре образовательной среды пространственные и временные условия дополняются ресурсными, социальными, эстетическими, нормативными (требования государственных образовательных стандартов) [13].

Образовательную среду как специально организованное окружение обучающегося рассматривает в своей диссертации М. Н. Кожевникова. Среди составляющих образовательную среду условий исследователь называет: пространственные и предметно-материальные, технологические, организационные, социально-коммуникативные, информационные возможности (ресурсы). Причем в каждой группе условий особая роль отводится барьерам развития обучающихся. Принципами проектирования образовательной среды автор считает трансформируемость (адаптивность), психологическую и физическую безопасность, психологическую комфортность, учет национальных традиций, культуросообразность, толерантность, практическую целесообразность [14].

Структуру образовательной среды как систему ресурсов, предметно-пространственных возможностей, организационно-управленческих инструментов представляет А. А. Дружинина. Ею также предложена следующая этапность в развивающем взаимодействии обучающегося с образовательной средой: 1) этап педагогической деятельности (педагогический дизайн); 2) этап совместной деятельности субъектов образовательного процесса; 3) этап персонифицированной деятельности обучающегося [15].

В диссертации Р. М. Абдулгалимова выделяются следующие этапы развития мировоззренческой позиции обучающегося в интерактивной образовательной среде: 1) формирование научной картины мира; 2) формирование собственной мировоззренческой позиции обучающегося; 3) презентация позиции и оценка других позиций в группе обучающихся; 4) уточнение своей позиции и рефлексия саморазвития. Саму интерактивную образовательную среду ученый моделирует как совокупность ценностей, норм и отношений субъектов образования: взаимной зависимости, ответственности, корректной критики, взаимной поддержки [16].

Приведенный краткий обзор и анализ результатов научно-педагогических исследований, посвященных феномену образовательной среды и выполненных в последние годы (2020–2025), позволяет сделать несколько обобщений.

Структура образовательной среды может быть представлена в виде следующих групп компонентов:

- условия-стимулы, отражающие преобладающую активность среды во взаимодействии «личность-среда» (нормативные требования, традиции, оценочные средства поддержки и критики, эстетические факторы);

- условия-возможности, отражающие преобладающую активность личности во взаимодействии «личность-среда» — предметно-деятельностные (доступные предметы, способы, инструменты, технологии), информационно-коммуникативные (межсубъектные отношения, информационно-содержательные источники и ресурсы);

- условия-обстоятельства — пространственно-временные, организационно-управленческие (режим образовательного процесса, управленческие решения, материально-техническая база, эргономика).

Особую роль этих компонентов образовательной среды в развитии и саморазвитии личности, формировании ее позиции авторы аргументируют их значимостью в педагогическом моделировании образовательных ситуаций (М. С. Артюхина, Ю. М. Царапкина, Т. С. Купавцев), проектировании индивидуальных образовательных траекторий обучающихся (А. Г. Леонов, Е. Н. Кролевецкая), формировании индивидуальной культуры, социализации и воспитании личности (И. Б. Байханов, Н. В. Антонов, М. Н. Кожевникова, А. А. Дружинина), развитии опыта рефлексивно-творческой и компетентной деятельности (О. В. Евтихов, Л. А. Ремезова, Р. М. Абдулгалимов).

Среди важнейших *свойств образовательной среды* ученые выделяют:

- ее собственную активность (интерактивность, эмоциогенность, идеологические и культурные установки и др.);

- способность обеспечивать активность обучающихся (эргономичность, адаптивность, вариативность, насыщенность, персонализированность и др.).

В *логике взаимодействия обучающихся с образовательной средой* исследователи (в том числе сторонники ситуационно-средового подхода [16]) усматривают такую последовательность этапов:

- 1) традиционное обучение и воспитание, формирование научной картины мира посредством системной организации педагогических воздействий;

- 2) вариативное обучение и воспитание, педагогическая организация самопознания и формирования у обучающихся личностной позиции посредством предоставления им свободы выбора;

- 3) диалогическое обучение и воспитание, педагогическая организация совместного обсуждения обучающимися их позиций посредством обеспечения герменевтической коммуникации;

4) персонализированное обучение и воспитание, педагогическая организация самокоррекции и саморазвития обучающихся посредством минимизации внешнего контроля.

Как показывают результаты анализа, специфическими *принципами проектирования образовательных сред* выступают:

- опосредованность взаимодействия «педагог-обучающийся» условиями образовательной среды;
- культуросообразность условий деятельности и общения;
- обеспечение информационной, психологической и физической безопасности обучающихся.

Таким образом, в поисках ответов на заданные вопросы мы столкнулись с большим разнообразием точек зрения ученых. Различия в представлениях об образовательной среде были обусловлены как избранными авторами различными концептуально-методологическими ориентирами, так и границами проведенных исследований, очерченными их специфическими предметами.

Выводы

Результаты проведенного обзора систематизировались и были обобщены по каждому из поставленных вопросов, позволивших: а) в структуру образовательной среды включить три группы условий: условия-стимулы, условия-возможности и условия-обстоятельства; б) свойства образовательной среды дифференцировать в зависимости от преобладающего полюса активности агентов взаимодействия (активная среда, активный обучающийся); в) в динамике взаимодействия «личность-образовательная среда» выделить последовательно сменяющие друг друга этапы традиционного, вариативного, диалогического и персонализированного обучения; г) в качестве специфических

принципов проектирования образовательных сред определить опосредованность педагогического взаимодействия, культуросообразность и безопасность средовых условий.

Область применения и перспективы. В контексте проведенного исследования могут быть названы следующие направления:

- дифференциация основ педагогического анализа и проектирования личностно-развивающих образовательных сред в зависимости от выбора различных концептуально-методологических подходов;
- разработка критериев эффективного управления образовательной средой и обеспечения ее нормативного качества, в том числе соблюдения требований государственных образовательных стандартов;
- обоснование модели подготовки педагогов к использованию образовательных сред в обучении и воспитании;
- разработка типологии образовательных сред, определение взаимосвязей между видами приобретаемого обучающимися опыта (в том числе различными видами опыта жизни и деятельности в условиях цифровизации и внедрения систем искусственного интеллекта) и типами образовательных сред;
- обоснование закономерной смены качественных характеристик образовательных сред в непрерывном образовании обучающихся и построении их индивидуальных образовательных траекторий;
- определение взаимосвязей, взаимоотношений и взаимовлияния сообществ обучающихся и педагогических субъектов с образовательной средой;
- выявление зависимости проектов развивающих образовательных сред от возраста обучающихся, состояния их здоровья, степени одаренности, этнической принадлежности, а также уровней образования.

Список источников / References

1. Ходякова Н. В. Ситуационно-средовой подход в проектировании личностно-развивающих образовательных систем: исследование продолжается // Прикладная психология и педагогика. 2022. Т. 7, № 4. С. 75–86.
2. Артюхина М. С. Система интерактивного обучения математике на социально-гуманитарных направлениях подготовки в цифровой образовательной среде : дис. ... д-ра пед. наук. Елец, 2023. 426 с.
3. Царпкина Ю. М. Теоретические основы подготовки будущих педагогов профессионального обучения в цифровой образовательной среде аграрного вуза : дис. ... д-ра пед. наук. М., 2024. 418 с.
4. Кунавцев Т. С. Концепция педагогической поддержки личностного саморазвития сотрудника органов внутренних дел в непрерывном образовании : дис. ... д-ра пед. наук. М., 2024. 432 с.
5. Байханов И. Б. Педагогическая концепция формирования электоральной культуры учителя в условиях информационного общества : дис. ... д-ра пед. наук. М., 2023. 525 с.
6. Антонов Н. В. Подготовка педагогов к координации деятельности институтов воспитания и социализации подрастающего поколения в современном мегаполисе : дис. ... д-ра пед. наук. М., 2025. 336 с.
7. Леонов А. Г. Интеграционная методология поэтапного формирования алгоритмического мышления при обучении информатике и программированию : дис. ... д-ра пед. наук. М., 2024. 410 с.
8. Ахметзянова А. И. Прогностическая концепция социализации ребенка дошкольного возраста в инклюзивном образовательном пространстве : дис. ... д-ра пед. наук. Казань, 2025. 365 с.
9. Кролевецкая Е. Н. Концепция развития полисубъектности будущего педагога в образовательной среде вуза : дис. ... д-ра пед. наук. Белгород, 2023. 524 с.
10. Евтихов О. В. Формирование профессиональной компетентности курсантов при интеграции учебно-воспитательной и профессионально-служебной деятельности в образовательном учреждении МВД России : дис. ... д-ра пед. наук. Красноярск, 2022. 401 с.

11. Носков Е. А. Информатизация подготовки студентов педагогических специальностей к реализации основных направлений национальной безопасности в образовании : дис. ... д-ра пед. наук. М., 2022. 385 с.
12. Слепцова М. В. Педагогическая концепция организации электронного обучения в вузе : дис. ... д-ра пед. наук. М., 2021. 432 с.
13. Ремезова Л. А. Концептуальная модель развития конструктивной деятельности дошкольников с нарушением зрения : дис. ... д-ра пед. наук. М., 2021. 335 с.
14. Кожевникова М. Н. Интеграция иностранных обучающихся в образовательную среду российского вуза на основе национально ориентированного подхода : дис. ... д-ра пед. наук. М., 2020. 357 с.
15. Дружинина А. А. Концептуализация формирования управленческой культуры социально-педагогической деятельности у студентов вуза : дис. ... д-ра пед. наук. Тамбов, 2020. 506 с.
16. Абдулгалимов Р. М. Теоретико-методологические основы развития профессионального мировоззрения студентов медицинского вуза : дис. ... д-ра пед. наук. Грозный, 2021. 349 с.

Поступила 10.10.2025; одобрена после рецензирования 25.10.2025; принята к публикации 25.12.2025.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Теория и методика спорта, профессиональной физической подготовки и оздоровительной физической культуры

**Theory and methods of sports, professional physical training
and health improving physical culture**

Научно-практическая статья

УДК 796.799 © Бабушкин Г. Д., Бобровский В. А., Бобровский А. В., Бугай М. В., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-1104-91-97

5.8.5. Теория и методика спорта

Реагирующая способность в структуре психологической подготовленности спортсмена

Геннадий Дмитриевич Бабушкин, доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и методики физической культуры и спорта¹; g.babushkin41@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6748-6368>

Владислав Александрович Бобровский, кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания и спорта²; bobrovskiy.vlad52@gmail.com

Андрей Владиславович Бобровский, кандидат педагогических наук, доцент кафедры физической подготовки³; bobrovsky.av@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7583-5665>

Максим Валерьевич Бугай, старший преподаватель кафедры физического воспитания и спорта²; maksim559155@mail.ru

¹ Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, 644009, Омск, ул. Масленникова, 144, Россия

² Омский государственный технический университет, 644015, Омск, пр-кт Мира, 20, Россия

³ Омская академия МВД России, Омск, 644092, пр-кт Комарова, 7, Россия

Реферат. Введение. Сущность проблемы состоит в значимости реагирующей способности в результативности соревновательной деятельности спортсменов в спортивных единоборствах. Цель — выявить уровень развития реагирующей способности у спортсменов различной квалификации и ее связь с волевым качеством решительности. **Материалы и методы.** Методологическую основу исследования составляют теория и методика спорта, концепции соревновательной деятельности и психологической подготовки спортсменов. **Результаты и обсуждение.** Тестирование реагирующей способности предусматривало выявление реакции на движущийся объект и волевое качество решительности. Оба показателя имели низкий уровень развития в обеих группах спортсменов. При этом показатели реагирующей способности в группе курсантов были значительно выше, чем в группе студентов. Занятия спортивными единоборствами содействуют развитию реагирующей способности. **Выводы.** Выявлена недостаточно развитая реагирующая способность у спортсменов, выступающая составной частью психологической подготовленности, что указывает на необходимость повышения ее уровня. Это будет положительно влиять на совершенствование соревновательной деятельности спортсменов.

Ключевые слова: реакция, реагирующая способность, реакция на движущийся объект, решительность, структура, психологическая подготовленность, квалификация

Для цитирования: Бабушкин Г. Д., Бобровский В. А., Бобровский А. В., Бугай М. В. Реагирующая способность в структуре психологической подготовленности спортсмена // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 1(104). С. 91–97. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-1104-91-97>

Scientific and Practical Article

UDC 796.799 © Babushkin G. D., Bobrovsky V. A., Bobrovsky A. V., Bugai M. V., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-1104-91-97

5.8.5. Theory and Methods of Sports

Reaction Ability in the Structure of Sportsman's Psychological Readiness

Gennady D. Babushkin, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor at the chair of Theory and Methods of Physical Culture and Sports¹; g.babushkin41@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6748-6368>

Vladislav A. Bobrovsky, Candidate of Science (in Pedagogy), Associate-Professor at the chair of Physical Education and Sports²; bobrovskiy.vlad52@gmail.com

Andrey V. Bobrovsky, Candidate of Science (in Pedagogy), Associate-Professor at the chair of Physical Training³; bobrovsky.av@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7583-5665>

Maksim V. Bugai, senior instructor at the chair of Physical Education and Sports²; maksim559155@mail.ru

¹ the Siberian State University of Physical Culture and Sports, 144, Maslennikov st., Omsk, 644009, Russia

² Omsk State Technical University, 20, Mira pr., Omsk, 644015, Russia

³ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, 7, Komarov pr., Omsk, 644092, Russia

Abstract. Introduction. The essence of the problem is the significance of the reaction ability in the results of the sportsmen's competitive activity in martial arts. The purpose is to reveal the development of reaction ability in sportsmen with different qualifications and its relation to volitional quality of decisiveness. **Materials and Methods.** The methodological basis of the research includes theory and methods of sports, concepts of competitive activity and psychological readiness of sportsmen. **Results and Discussion.** The test of reaction ability involved detecting the reaction to a moving object and the volitional quality of decisiveness. Both indicators demonstrated a low level of development in two groups of sportsmen. Engaging in martial arts helps develop reaction ability. **Conclusions.** Underdeveloped reaction ability of athletes has been identified as an integral part of psychological readiness, indicating the need to improve its level.

Keywords: reaction, reaction ability, reaction to a moving object, decisiveness, structure, psychological readiness, qualification

Citation: Babushkin G. D., Bobrovsky V. A., Bobrovsky A. V., Bugai M. V. Reaction Ability in the Structure of Sportsman's Psychological Readiness. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 1(104). Pp. 91–97 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-1104-91-97>

Основные положения

1. Реагирующая способность — одна из разновидностей сложной сенсомоторной реакции, отвечающая за способность быстро и точно реагировать на различные раздражители, нестандартные перемещения какого-либо объекта в рамках дефицита времени. Основой данной реакции является умение удерживать объект в поле зрения, определять пространственно-временные характеристики его перемещения и в зависимости от них дифференцировать собственные ответные движения.

2. Реагирующая способность входит в содержание психологической подготовленности спортсмена и должна занимать существенное место в ее развитии на начальном этапе спортивной подготовки и ее совершенствовании на последующих этапах подготовки спортсменов. Существенное значение в спортивных единоборствах занимает реакция на движущийся объект, направленная на предупреждение и защиту от удара соперника.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Актуальность настоящего исследования обусловлена значимостью реагирующей способности в спортивных единоборствах: быстротой реагирования в различных ситуациях и осуществления правильных (адекватных) действий. Важность проблемы заключается в разработке средств и методов развития и совершенствования реагирующей способности у единоборцев. **Гипотеза** исследования: реагирующая способность развивается в процессе занятий спортом, но не достигает высокого уровня развития, что указывает на необходимость специального ее развития у спортсменов-единоборцев.

Цель — выявить уровень развития реагирующей способности спортсменов, занимающихся единоборствами и другими видами спорта, с учетом

спортивной квалификации и предложить средства для ее развития.

Степень разработанности проблемы. Психологическая подготовленность спортсмена отражает психологический аспект его общей подготовленности к соревнованию и включает следующие компоненты: потребностно-мотивационный, рефлексивный, эмоциональный, сенсомоторный (двигательный) [1]. В состав сенсомоторного компонента входит реакция на движущийся объект (реагирующая способность). Реагирующая способность относится к группе координационных способностей и проявляется в быстром и адекватном реагировании на сигнал, внешний раздражитель [2–4]. Особенно велико ее значение в спортивных единоборствах и спортивных играх, где она является одним из ведущих психологических качеств [5–7].

Для спортивных единоборств существуют наиболее значимые психофизиологические качества, от которых в наибольшей мере зависит успешность соревновательной деятельности спортсмена. К таким качествам и относится реагирующая способность спортсмена. Уровень ее развития имеет весомое значение, во многом определяя результативность и успешность соревновательной деятельности [8–10].

Современные единоборства (бокс, кикбоксинг и др.) отличаются активизацией соревновательной деятельности, что проявляется в увеличении темпа и плотности поединков, уменьшении времени для выполнения технических приемов, в быстроте и стремительности атакующих и защитных действий, высоком уровне психоэмоционального напряжения и концентрации внимания. Все это требует от спортсменов максимально высокого уровня психологической подготовки, в структуре которой важное место занимает развитие реагирующей способности [11–13]. Полагаем, что, уделяя внимание

развитию у спортсменов реагирующей способности, можно наиболее полно раскрыть индивидуальные способности и совершенствовать учебно-тренировочный процесс представителей спортивных единоборств [14–16]. Так, И. С. Чечев с соавторами предложили методику развития психомоторных качеств боксеров на основе повышения различной чувствительности по параметрам движения, что сказывается положительно на результатах соревновательной деятельности [16].

Анализ специальной литературы по спортивным единоборствам свидетельствует о недостаточности изучения проблемы развития, оценки и проявления реагирующей способности у спортсменов и ее совершенствования. Имеются упущения в программах для спортивных школ по спортивным единоборствам: в них не уделяется должного внимания развитию реагирующей способности. Вполне естественно, что тренеры, руководствуясь такими программами, не будут акцентироваться на развитии реагирующей способности как одним из ведущих психофизиологических качеств.

В. П. Рыбчинский рассматривает значение психофизиологических особенностей (в том числе реакций) представителей различных видов спорта при участии в соревнованиях, предлагая упражнения для их развития [17].

Реагирующая способность входит в содержание психологической подготовленности спортсмена и должна занимать существенное место в ее развитии на начальном этапе спортивной подготовки и ее совершенствовании на последующих этапах. Так, Д. Н. Грязнов и М. В. Дедковская, изучая реагирующую способность у юных вратарей в футболе, показали ее высокую значимость в игре вратарей и предложили индивидуальную подготовку юных вратарей на основе антиципации движений футболистов [18].

Реакция на движущийся объект — это одна из разновидностей сложной сенсомоторной реакции, отвечающая за способность быстро и точно реагировать на перемещения какого-либо объекта в рамках дефицита времени. Основой данной реакции является умение удерживать движущийся объект в поле зрения, наиболее точно определять пространственно-временные характеристики его перемещения и в зависимости от них дифференцировать собственные ответные движения.

В литературе подчеркивается, что из общего времени реакции на движущийся объект более 80% занимает зрительное восприятие, иными словами, возникновение возбуждения в зрительном анализаторе и передача импульса в центральную нервную систему; оставшееся время приходится на формирование и передачу ответного двигательного сигнала.

В специальной литературе приводятся данные о значимости реагирующей способности в соревно-

вательной деятельности, предлагаются простейшие упражнения для ее развития [4; 5]. Работ, посвященных исследованиям реагирующей способности спортсменов, выступающих в различных видах спортивных единоборств, недостаточно для полноценной психологической подготовки спортсменов этих видов спорта. Некоторыми авторами представлены средства (упражнения, технические устройства) для развития реагирующей способности [19–21] в целях формирования арсенала технических действий единоборцев [22; 23].

Изложенное позволяет заключить, что существуют пробелы в решении ряда практических задач в плане психологической подготовки спортсменов-единоборцев, и указывает на актуальность данного исследования.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили теория и методика спорта, концепции соревновательной деятельности и психологической подготовки спортсменов. Методы исследования: анализ специальной литературы, опрос, тестирование, методы математической статистики. Контингент испытуемых: 1) спортсмены — курсанты Омской академии МВД России (30 чел.), занимающиеся единоборствами и имеющие 1-й спортивный разряд и звание кандидата в мастера спорта; 2) спортсмены — студенты Омского технического университета (30 чел.), имеющие 3-й, 2-й спортивные разряды в различных видах спорта. Предметом исследования были реакция на движущийся объект и решительность как сложное волевое качество, включающее анализ ситуации, выбор адекватного действия, исполнение выбранного действия. Все эти составляющие проявляются в кратчайшее время (миллисекунды). Оценка реакции на движущийся объект проводилась при помощи методики, разработанной Г. Д. Бабушкиным, В. Н. Смоленцевой и Т. А. Заборской [1]. Суть метода заключается в фиксации точки встречи движущегося объекта с неподвижной точкой, указанной на экране, осуществляемой в десяти попытках (фиксируется среднее отклонение в радианах). Диагностика качества решительности проводилась по методике, предложенной А. Н. Мартыненко [21]. Испытуемым предлагался опросник из 25 вопросов, характеризующих возможные варианты поведения в различных ситуациях спортивного поединка в единоборствах. Необходимо было выбрать одно из утверждений, соответствующее описанной в вопросе ситуации.

Результаты и обсуждение

Исследование реагирующей способности. Тестирование спортсменов показало низкий уровень реагирования на движущийся объект: 4,8 радиана у спортсменов-курсантов и 5,75 радиана у спортсменов-студентов, что говорит о замедленном реагировании на появляющийся объект (таблица).

Таблица. Результаты исследования реагирующей способности и качества решительности ($x \pm \delta$)
(Table. Results of the study of reaction ability and decisiveness ($x \pm \delta$))

Показатели	Спортсмены-курсанты, n=30	Спортсмены-студенты, n=30	P
Реакция на движущийся объект, радиан	4,8 $\pm$ 1,4	5,75 $\pm$ 1,8	<0,05
Волевое качество решительности, баллы	81,2 $\pm$ 17,6	74,3 $\pm$ 15,3	<0,05

Если для спортсменов-студентов данная реакция не является профессионально важной, то для курсантов — будущих сотрудников органов внутренних дел способность к реагированию выступает значимой составляющей их профессиональной деятельности. Полученные результаты свидетельствуют о необходимости совершенствования психологической подготовки курсантов в процессе обучения в академии.

Сравнительный анализ результатов тестирования реакции на движущийся объект спортсменов показал существенное различие между спортсменами Омской академии МВД России и Омского государственного технического университета. У курсантов скорость реагирования намного выше, чем у студентов. Это можно объяснить тем, что первые являются представителями спортивных единоборств, где реагирующая способность выступает значимым психологическим качеством. Тестируемые студенты не имеют высокой квалификации в спорте и занимаются различными видами спорта.

Реагирующая способность проявляется и в волевом качестве решительности, которое характеризуется быстротой восприятия ситуации (сигнала, раздражителя), нахождением и обоснованием варианта действия (реагирования) и быстротой выполнения адекватного действия. Данное качество более сформировано у спортсменов-курсантов, чем у спортсменов-студентов (таблица). Занятия курсантов спортивными единоборствами способствуют развитию качества решительности.

Характер взаимосвязи реагирующей способности и качества решительности. Следующей задачей было выявить характер взаимосвязи между реакцией на движущийся объект и качеством решительности. Проведенный корреляционный анализ показал следующее. В группе спортсменов-курсантов коэффициент корреляции составил $r=0,72$ (высокий уровень связи), в группе спортсменов-студентов — $r=0,26$ (низкий уровень связи). Это положение обусловлено тем, что занятия спортивными единоборствами способствуют усилению взаимосвязи компонентов реагирующей способности.

Таким образом, тестирование реагирующей способности выявило недостаточно высокий уровень ее развития в обеих группах спортсменов, что требует внедрения в занятия спортом упражнений, направленных на развитие реагирующей способности, что

в конечном счете будет отражаться на результатах соревновательной деятельности.

Развитие реагирующей способности. Одним из основных факторов, определяющих реакцию и скорость движений, является активация нейромышечной системы. Чем быстрее и эффективнее происходит передача сигналов от мозга к мышцам, тем быстрее и точнее будут выполняться движения. Этот качественный аспект требует постоянной тренировки и развития, чтобы достигнуть максимального потенциала. Параллельно с активацией нейромышечной системы необходимо развивать и совершенствовать координацию движений. Взаимодействие между мышцами, суставами и нервной системой играет решающую роль в точности и скорости выполнения двигательных действий. Поддержание баланса, гибкость и точность в движениях — критически важные аспекты, которые необходимо тренировать для достижения оптимальной реакции и скорости.

Методика развития реагирующей способности должна следовать аналитическому подходу: вначале раздельное совершенствование двигательной структуры моторного компонента (техники движения) и времени скрытого периода; далее улучшение координационного взаимодействия скрытого периода и моторного компонента реакций в соответствии с ситуацией совершенствуемого действия.

Развитие простой двигательной реакции. Во многих видах спорта достаточно много ситуаций, в которых требуется быстрая ответная реакция (старт пловца, спринтера). Основным методом развития и совершенствования простой двигательной реакции — повторный метод, заключающийся в повторном реагировании на внезапно возникающий, заранее обусловленный раздражитель с установкой на быстрое ответное реагирование. Сокращение времени простой двигательной реакции очень трудно и возможно на 0,10–0,15 с. Следует иметь в виду, что быстрота реагирования при простой двигательной реакции будет способствовать реагированию и в других ситуациях (реакция с выбором, реакция на движущийся объект).

Наиболее распространенный метод развития быстроты простой реакции — повторное, по возможности максимально быстрое реагирование на внезапно появляющиеся различные сигналы или на изменение окружающей ситуации. Вторая методика — «сенсомоторная», основанная на точном восприятии микроинтервалов времени (десятых и даже сотых долей секунды). При тренировке реакции на движущийся объект основной акцент делается на выработку умения фиксировать глазами движущийся предмет, который передвигается с большой скоростью. Для этого используют упражнения с реакцией на движущийся объект, с постепенным повышением скорости, внезап-

ностью появления объекта, сокращением дистанции. Полезны соответствующие подвижные и спортивные игры и упражнения по предугадыванию направления и скорости движения объекта (например, мяча).

Сложная двигательная реакция встречается в ряде видов спорта (единоборства, игры), которые характеризуются постоянной и внезапной сменой ситуаций. Сложные двигательные реакции — это реакции выбора ответного действия на тот или иной раздражитель. Сюда же относится и реакция на движущийся объект. Развитие сложных двигательных реакций в занятиях осуществляется при выполнении целостных двигательных действий.

Реакция выбора тренируется путем постепенного увеличения числа возможных изменений обстановки. Например, вначале обучают принимать защиту на заранее обусловленный проход нападающего вправо; затем быстро и точно реагировать на один из двух вариантов прохода (броска, удара и т. п.), потом трех и т. д. Наконец, воспитанника ставят в реальные условия игры или единоборства. Точность реакции на движущийся объект совершенствуют одновременно с развитием ее быстроты.

Развитие способности к быстрому реагированию в ответ на действия партнера. Предлагаем следующие варианты упражнений.

1. Группа спортсменов располагается в круг диаметром 5–7 метров. Игрок, стоящий с мячом, подбрасывает его вверх и называет номер игрока, который должен этот мяч поймать: 1) после удара о пол, 2) без удара о пол. — Может изменяться расстояние между играющими. Игрок, который подбрасывает мяч, показывает номер игроков руками.

2. Ловля мяча сидящим партнером от игрока, который стоит и выпускает мяч из рук при разной высоте удержания мяча.

3. Овладение мячом, брошенным в стену партнером. Броски мяча в стену выполняются над головой или сбоку от партнера. Спортсмен должен овладеть мячом после предварительного хлопка или поворота.

4. Броски мяча через сетку (волейбольную), закрытую одеялом, двумя мячами, броски мяча над и под сеткой.

Несмотря на разнохарактерность требований к выбору средств и методов, используемых для совершенствования реагирования, можно выделить некоторые общие положения методики развития реагирующей способности:

— при развитии и совершенствовании реагирующей способности последовательно должны решаться такие задачи, как а) сокращение времени моторного компонента приема; б) уменьшение времени скрытого периода действий; в) совершенствование умения предвосхищать временные и пространственные взаимодействия;

— задания для развития и совершенствования реагирующей способности должны постепенно усложняться путем последовательного наращивания и чередования качественных и количественных требований в упражнениях.

Чтобы сократить время реакции выбора, надо развивать у занимающихся скрытую интуицию для определения вероятных действий соперника. Это возможно посредством наблюдения за позой соперника, мимикой, подготовительными действиями, манерой поведения. Для совершенствования реакции выбора усложняются ситуации выбора, например увеличение числа альтернатив и ответных действий.

Основные требования к развитию реагирующей способности: отсутствие утомления; высокий эмоциональный фон и мотивация; использование разминки; максимальная интенсивность выполнения упражнений; освоенность техники выполнения заданных элементов; применение таких упражнений (на развитие скоростных способностей) в первой части тренировки.

При развитии реагирующей способности можно выделить два направления.

Первое. Формирование у занимающегося умения предугадывать наиболее вероятные действия соперника по его позе, подготовительным движениям, общей манере поведения, взгляду и т. д. В каждом двигательном действии можно выделить две фазы: 1) познотоническую, состоящую из перераспределения тонуса и небольших изменений позы; 2) собственно двигательную. Важно, чтобы занимающиеся уже по первой, еле заметной фазе угадывали основное движение соперника. Для этого ученика нацеливают реагировать вначале на явно утрированные действия соперника, постепенно приближая их к естественным.

Второе. Постепенное усложнение условий своих действий. Например, на первых этапах совершенствуется ответ на одно, заранее известное действие соперника. Затем на два движения соперника, производимых в разной последовательности, и т. д. Занимающийся обязан во всех этих случаях реагировать наиболее целесообразными ответами. В дальнейшем можно постепенно увеличивать скорость действий соперника, чтобы находить не только оптимальный выбор своих ответных действий, но и развивать быстроту их выполнения, доводя ее до максимально возможной.

Для развития реакции на движущийся объект внимание уделяется сокращению времени начального компонента реакции — нахождения и фиксации движущегося объекта (например, мяча в поле зрения). Появление движущегося объекта в поле зрения составляет часть времени сложной двигательной реакции. Его сокращение и предполагает развитие сложной реакции, реакции на движущийся объект. Для его сокращения возможно формирование умения заблаговременно включать и «удерживать» объект в поле

зрения, а также умения заранее предусматривать возможные перемещения объекта.

При развитии реакции на движущийся объект очень важно повышение реакции на зрение, потому развитию реакций от «обозримого» раздражителя требуется уделять максимум времени.

Задания для повышения реакции на движущийся объект:

1. К стене прижимается линейка. Участнику требуется поставить большой палец в 1 см от линейки на отметке 10–15 см от ее края. Линейку опускают, и она падает. Цель — поймать ее пальцем и придавить к стенке. Чем меньше время линейка «летит», тем выше реакция.

2. Тренер в произвольном порядке включает одну из двух ламп (выключатель участнику не виден). При включении конкретной лампы требуется перенести некий предмет или совершить установленное действие.

3. Из-за ширмы демонстрируются вещи. Реагировать требуется на конкретный предмет.

4. Жонглирование мячом с помощью ног, рук.

5. Броски и ловля теннисного мяча. Спортсмены (двое) стоят напротив стены в 3–5 метрах. Один бросает мяч в стену, второй ловит его. Сначала идет тренировка одной руки, потом второй, затем обеих сразу. Как вариант, можно кидать мяч левой рукой, а ловить только правой. Это усложнит задачу.

Один из способов тренировки реакции — отработка моторных навыков, включающая выполнение различных движений, которые требуют точности и скорости реакции. Например, можно использовать упражнения с мячом: ловить его, отскакивая от стены, или быстро метать его в цель. Такие упражнения помогут развить мелкую моторику, улучшить координацию и увеличить скорость реакции.

Упражнения для реакции на движущийся объект:

— работа с теннисным мячом. Один партнер бросает мяч вверх в случайных направлениях, а второй ловит его одной рукой. Это развивает координацию и учит мгновенно реагировать на непредсказуемые движения. Для прогресса можно добавить второй мяч или ловить оба мяча;

— тренировка с реактивной мишенью. Используются устройства вроде BlazePod, где мишени загораются в хаотичном порядке, задача — ударить по ним как можно быстрее. Это имитирует реальную динамику боя, где нужно реагировать на внезапные атаки. Со временем растет скорость и увеличивается количество сигналов.

Условия развития реагирующей способности:

— регулярность тренировок: систематические тренировки являются ключом к улучшению реакции;

— разнообразие упражнений: включение различных упражнений для развития разных аспектов реакции;

— постепенное увеличение сложности тренировочных заданий для постоянного прогресса.

Улучшение реакции в спорте — это процесс, требующий времени, усилий и систематической работы. Используя комплексный подход, включающий физические, когнитивные и технические тренировки, можно значительно улучшить спортивные результаты.

Выводы

1. Реагирующая способность спортсмена представляется важным психологическим качеством в структуре психологической подготовленности, отвечающим за быстроту восприятия ситуации, нахождение правильного решения и его выполнение. Составляющими реагирующей способности в спортивных единоборствах являются реакция на движущийся объект и качество решительности.

2. Представлены актуальность и целесообразность исследования реагирующей способности в целях выявления уровня развития у спортсменов, занимающихся единоборствами, и обоснования средств и методов ее развития и совершенствования. Установлен низкий уровень развития реакции на движущийся объект (5,75 радиана у спортсменов-студентов; 4,8 радиана у спортсменов-курсантов) и качества решительности (74,3 балла у спортсменов-студентов и 81 балл у спортсменов-курсантов из 125 баллов).

3. Установлено существенное различие в развитии реагирующей способности у спортсменов, занимающихся единоборствами, и спортсменов других видов спорта ($r < 0,05$). Реакция на движущийся объект и качество решительности у спортсменов-курсантов имеют более высокие показатели, чем у спортсменов-студентов. Это, по-видимому, обусловлено занятиями курсантов спортивными единоборствами и содержанием физической подготовки, связанной с противоборствами.

4. Для развития реагирующей способности представлен комплекс физических упражнений, связанных с проявлением реакции. Основное направление упражнений — совершенствование быстроты реагирования на внезапно появляющиеся в поле зрения объекты.

Область применения и перспективы. Материалы статьи могут быть востребованы для исследования реагирующей способности у спортсменов различных видов спорта и разработки средств и методов для ее развития и совершенствования. Перспективу исследования могут представлять возрастные проявления реагирующей способности, ее связь со свойствами нервной системы, прогнозирование успешности соревновательной деятельности единоборцев в связи с возможным развитием реагирующей способности.

Список источников / References

1. Бабушкин Г. Д., Смоленцева В. Н., Заборская Т. А. Предсоревновательная психологическая подготовленность спортсмена и ее диагностика // Научные труды Сибирского государственного университета физической культуры. Омск, 2010. С. 6–10.
2. Горская И. Ю., Аверьянов И. В. Исследование многолетней динамики психомоторных показателей, значимых для точности технических действий футболистов // Омский научный вестник. 2014. № 2(121). С. 174–179.
3. Горская И. Ю., Аверьянов И. В., Кондаков А. М. Координационная подготовка спортсменов : монография. Омск, 2014. 248 с.
4. Лях В. И. Координационные способности: диагностика, развитие. М., 2006. 290 с.
5. Иссурин В. Б., Лях В. И. Координационные способности спортсмена. М., 2019. 207 с.
6. Акопян А. О., Кулагина Л. А., Домуладжанова О. В. К вопросу проявления реакции антиципации в боксе // Вестник спортивной науки. 2018. № 2. С. 8–10.
7. Родионов А. В. Спортсмен прогнозирует решение. М., 1971. 172 с.
8. Сурков Е. Н. Антиципация в спорте. М., 1982. 144 с.
9. Юров И. А. Антиципация в спортивной деятельности // Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии : сб. науч. тр. М., 2021. С. 395–406.
10. Коваленко Е. В., Ляпин В. А. Сравнительный анализ отдельных психофизиологических реакций в соревновательной деятельности у спортсменов, занимающихся различными видами восточных единоборств // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=10385> (дата обращения: 21.05.2025).
11. Марков К. К., Сивохов В. Л., Чечев И. С. Экспериментальные исследования уровня психомоторных качеств высококвалифицированных кикбоксеров // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2013. № 5. С. 269–274.
12. Бабушкин Г. Д. Влияние психологической готовности на предстартовое состояние и результативность соревновательной деятельности дзюдоистов различной квалификации // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2008. № 3(37). С. 13–17.
13. Коротких И. А., Колишенина В. В. Психофизиологические особенности кикбоксеров и их влияние на успешность соревновательной деятельности // Молодой ученый. 2019. № 44(282). С. 305–312.
14. Высочина Н. Л. Психологическое обеспечение подготовки спортсменов в олимпийском спорте : монография. М., 2021. 304 с.
15. Миниханов В. А. Развитие координационных способностей в процессе спортивной тренировки занимающихся спортивными видами единоборств с применением специфических двигательных тренировочных заданий // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2018. № 2. С. 63–70.
16. Чечев И. С., Марков К. К., Кулиев В. К., Денискин В. В. Эффективность методики развития психомоторных качеств боксеров на основе повышения их различительной чувствительности по параметрам движения // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2021. № 4. С. 74–76.
17. Рыбчинский В. П. Психофизиологические особенности представителей различных видов спорта в период подготовки и участия в соревнованиях : дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2000. 147 с.
18. Грязнов Д. Н., Дедковская М. В. Индивидуальная подготовка юных вратарей на основе антиципации движений футболистов // Проблемы и инновации спортивного менеджмента, рекреации и спортивно-оздоровительного туризма : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Казань, 2017. С. 163–164.
19. Волков П. Б., Кондратьев Н. В. Использование комплекса физических упражнений в совершенствовании координационных способностей студентов, занимающихся рукопашным боем // Современные научные исследования и разработки. 2017. № 3(11). С. 90–94.
20. Фамильникова Н. В., Полевщиков М. М., Роженцов В. В. Оценка точности реакции человека на движущийся объект // Современные наукоемкие технологии. 2016. № 2. С. 176–179.
21. Мартыненко А. Н. Развитие решительности у борцов-самбистов на этапе начальной спортивной специализации : дис. ... канд. пед. наук. Омск, 2003. 158 с.
22. Альжанов Х. Х. Устойчивое равновесие и быстрота двигательной реакции в системе психофизических качеств как условие формирования арсенала технических действий бойцов по рукопашному бою // Омский научный вестник. 2014. № 1(125). С. 188–191.
23. Хасанов А. Т., Шаяхметова Э. Ш., Хакимов Э. Р., Матвеева Л. М., Матвеев С. С. Психофизиологические и психологические качества, определяющие успешность спортивной деятельности юных боксеров // Психология. Психофизиология. 2019. Т. 12, № 4. С. 105–111.

Поступила 10.09.2025; одобрена после рецензирования 20.10.2025; принята к публикации 25.12.2025.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-практическая статья

УДК 796.0 © Арпентьева М. Р., Доровских И. Г., Владимиров Н. М., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-1104-98-103

5.8.4. Физическая культура и профессиональная физическая подготовка (педагогические науки)

Функции современной адаптивной физической культуры в инклюзивном образовании

Мариям Равильевна Арпентьева, доктор психологических наук, доцент, академик Международной академии образования (МАО), член-корреспондент Российской академии естествознания, ведущий научный сотрудник института гуманитарных технологий и социального инжиниринга факультета социальных наук и массовых коммуникаций¹; mariam_rav@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3249-4941>

Игорь Геннадьевич Доровских, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физиологии и спортивной медицины²; idorovskikh@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0780-5077>

Николай Михайлович Владимиров, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физиологии и спортивной медицины³; nik.vlad66@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8810-3113>

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 125993, Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, 49, Россия

² Ханты-Мансийская государственная медицинская академия, 628011, Ханты-Мансийск, ул. Мира, 40, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Россия

³ Сургутский государственный университет, 628412, Сургут, пр-кт Ленина, 1, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Россия

Реферат. Введение. Цель — определить функции адаптивной физической культуры в современном инклюзивном образовании. **Материалы и методы.** Теоретический анализ и синтез современных представлений о функциях адаптивной физической культуры в работе со студентами с ограниченными возможностями здоровья. В эмпирической части исследования приняло участие 95 респондентов — будущих специалистов — инструкторов в области адаптивной физической культуры. На основе опроса, осуществленного с помощью авторского опросника «Функции адаптивной физической культуры», эмпирически выделялись и сопоставлялись эти функции в современном инклюзивном образовании. **Результаты и обсуждение.** Интегративное осмысление функций адаптивной физической культуры (воспитательно-социализирующей, информационно-образовательной, подготовительно-профилактической, лечебно-оздоровительной, реабилитационно-компенсаторной, рекреационно-досуговой, творческой, интерактивно-интеграционной, индивидуализирующей и адаптивно-инклюзивной) обеспечивает решение персональных задач студентов с ограниченными возможностями здоровья как личностей, партнеров, будущих специалистов и задач инклюзивного образования университета в целом. **Выводы.** Подготовка специалистов в области адаптивной физической культуры, повышение квалификации специалистов служб психолого-педагогического сопровождения инклюзивного процесса вуза должно осуществляться с учетом выделенных функций.

Ключевые слова: физическая культура, профессиональная физическая подготовка, здоровьесбережение, адаптивная физическая культура, функции адаптивной физической культуры, инклюзия, сопровождение физкультурно-спортивной деятельности, системно-деятельностный подход

Для цитирования: Арпентьева М. Р., Доровских И. Г., Владимиров Н. М. Функции современной адаптивной физической культуры в инклюзивном образовании // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 1(104). С. 98–103. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-1104-98-103>

Scientific and Practical Article

UDC 796.0 © Arpentieva M. R., Dorovskikh I. G., Vladimirov N. M., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-1104-98-103

5.8.4. Physical Culture and Professional Physical Training (Pedagogical Sciences)

Functions of Modern Adaptive Physical Culture in Inclusive Education

Mariam R. Arpentieva, Doctor of Science (in Psychology), Associate-Professor, Academician of the International Academy of Education, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Leading researcher of the Institute of Humanities Technologies and Social Engineering of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications¹; mariam_rav@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3249-4941>

Igor G. Dorovskikh, Candidate of Science (in Pedagogy), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Physiology and Sports Medicine²; idorovskikh@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0780-5077>

Nikolay M. Vladimirov, Candidate of Science (in Pedagogy), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Physiology and Sports Medicine³; nik.vlad66@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8810-3113>

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, 49, Leningradskiy pr., GSP-3, Moscow, 125993, Russia

² Khanty-Mansiysk State Medical Academy, Khanty-Mansiysk, 40, Mira st., Khanty-Mansiysk, Khanty-Mansi Autonomous Okrug–Yugra, 628011, Russia

³ Surgut State University, 1, Lenin pr., Surgut, Khanty-Mansi Autonomous Okrug–Yugra, 628412, Russia

Abstract. Introduction. The aim is to determine the functions of adaptive physical culture in modern inclusive education of a university. **Materials and Methods.** The authors use theoretical analysis and synthesis of modern ideas about the functions

of adaptive physical culture in work with students with disabilities. The empirical part of the study involved 95 respondents — future instructors in the field of adaptive physical culture at Khanty-Mansiysk University. Based on the authors' questionnaire "Functions of Adaptive Physical Culture" these functions in modern inclusive university education were empirically identified and compared.

Results and Discussion. Integrative comprehension of adaptive physical culture functions (educative-socializing, informative-educational, preparatory-preventive, therapeutic and health-improving, rehabilitative-compensatory, leisure and recreational, creative, interactive-integrative, individualizing and adaptive-inclusive) provides solutions to the personal problems of students with disabilities as individuals, partners, future specialists and to the challenges of inclusive education of the university in general. **Conclusions.** The training of specialists in the field of adaptive physical culture, professional development of specialists of psychological and pedagogical support services for inclusive process of the university should be carried out with the designated functions being considered.

Keywords: physical culture, professional physical training, health preservation, adaptive physical culture, functions of adaptive physical culture, inclusion, support of physical culture and sports activities, system-activity approach

Citation: Arpentieva M. R., Dorovskikh I. G., Vladimirov N. M. Functions of Modern Adaptive Physical Culture in Inclusive Education. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 1(104). Pp. 98–103 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-1104-98-103>

Основные положения

1. Адаптивная физическая культура — непосредственный инструмент, благодаря которому студенты с ограниченными возможностями здоровья решают целый спектр стоящих перед ними задач адаптации, включения в образовательное сообщество, развития и индивидуализации в нем, интеграции как успешных и нужных членов сообщества.

2. Занятия адаптивной физической культурой, в том числе в контексте принципа «обратной инклюзии», который предполагает участие в них всех студентов, не только с ограниченными возможностями здоровья, но и нормотипичных и полностью здоровых, помогают формированию гармоничных отношений студентов в группе.

3. Наиболее полно раскрыть и осуществить функции адаптивной физической культуры можно в контексте понимания его роли в инклюзивной среде вуза: в контексте процессов «адаптация — индивидуализация — интеграция», «профилактика — компенсация — реабилитация — развитие (совершенствование)», «лечение — рекреация — образование».

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Актуальность выбранной темы обусловлена значимостью проблематики функций современной адаптивной физической культуры в инклюзивном образовании [1–3].

Целесообразность разработки темы обусловлена тем, что изучение функций и условий успешности адаптивной физической культуры в инклюзивном вузовском образовании позволяет повысить качество образования, его инклюзивные возможности и качество функционирования людей с ограниченными возможностями здоровья в целом.

Цель — определить и охарактеризовать функции адаптивной физической культуры в современном инклюзивном образовании.

Теоретические предпосылки и изученность проблемы. С конца XX в. в России активно развивается теория и практика адаптивной физической культуры

и сопровождения физкультурно-спортивной деятельности в целом. Многочисленные работы в этой области (С. П. Евсеева, Г. А. Литвиной, В. Е. Кульчицкой и А. В. Агеева, К. П. Зайфиди, О. С. Коган и др.) заложили основы отечественной школы адаптивной физической культуры (далее — АФК). С самого начала в России «адаптивная физическая культура направлена на восстановление и сохранение здоровья у людей со стойкими нарушениями жизнедеятельности, а также на интеграцию их в социальную среду» [1, с. 12]. АФК интегрирует ряд постулатов, в том числе признание человеческой жизни главной ценностью, биосоциальности и целостности человека, его независимости (свободы) и индивидуальности, формирования и развития в процессе общения (взаимодействия) с другими людьми [2].

Адаптивная физическая культура является практикой создания и реализации условий достижения человеком возможно большего успеха: преодоления ограничений и блокад функционирования и развития в различных сферах, начиная психофизиологической и заканчивая образовательно-трудовой, интимно-личностной, хобби и спорта, творчества и самоосуществления в целом. Эта практика является естественной частью психолого-педагогического сопровождения физкультурно-спортивной деятельности специалистами и службами вуза, в котором реализуется инклюзивная модель образования.

Исследователи отмечают, что развитие доступной разным категориям обучающихся физкультурно-оздоровительной среды является задачей национального масштаба [3]. Представление об АФК на современном этапе профессиональной и общей вузовской подготовки рассматривается в контексте задач инклюзивного образования, нацеленного на обеспечение возможности и продуктивности совместной подготовки обучающихся с ограниченными возможностями здоровья (далее — ОВЗ) и без.

Адаптивная физическая культура в современных университетах помогает (ре)социализации обучающихся с ОВЗ.

При этом важным аспектом практических и теоретических исследований в области АФК выступает изучение нужд людей с ОВЗ, их особенностей, а также индивидуальности их как личностей, партнеров, учеников и будущих профессионалов в контексте жизни в том или ином типе социума, образовательной активности в различных типах вузов, занятий разными видами АФК и т. д.

Несмотря на важность системного анализа функций современной АФК в инклюзивном образовании, на многообразие работ, осмысляющих проблемы адаптивной физической культуры в инклюзивном образовании, обобщающие исследования функций и условий успешности их реализации в контексте занятий АФК в инклюзивном образовании в рамках университета практически отсутствуют, небольшая их часть посвящена функциям адаптивной физической культуры в средней школе и детском саду (интернате). В силу того что проблематика функций современной АФК в инклюзивном образовании исследована недостаточно, можно утверждать, что проблема актуальна и в такой постановки рассматривается впервые.

Материалы и методы

Методология исследования — системный подход к осмыслению функций и места АФК в инклюзивной образовательной среде. Исследование опирается на аксиологическую модель АФК С. П. Евсеева [1] и его школы и ряд иных исследований отечественной и зарубежной практики АФК.

Теоретический анализ функций АФК обращает внимание на ряд базовых концепций ее осмысления в отечественной науке:

1) в контексте концепции Л. С. Выготского компенсация утраченных или поврежденных функций связана с использованием специальных корригирующих и развивающих методов и технологий в психологически безопасных, стимулирующих активность и развивающих сознание (и рефлексю) человека условиях. Характеризуется этот момент реальными изменениями состояния психофизических функций студента с ОВЗ, занимающегося АФК [4];

2) в контексте теории взаимоотношений человека осмысляются разные уровни адаптации, индивидуализации и интеграции человека с окружающим миром: состояние его физиологических функций и поведенческих реакций как проявлений гармоничности отношений с действительностью, включая других людей. Характеризуется этот момент состоянием разных форм и направлений активности обучающихся с ОВЗ, занимающихся АФК [5];

3) в контексте теории деятельности А. Н. Леонтьева АФК есть практика активного усвоения, осмысления и присвоения (адаптации, индивидуализации и интеграции) человеком доступного ему опыта активности, его различных слоев [6]. Эта практика характеризуется

общей результативностью деятельности студента с ОВЗ и его субъективной удовлетворенностью результатом: АФК гармонизирует отношения с миром и направляет человека к жизненным планам и планам конкретной сферы деятельности.

Методы исследования — теоретический анализ и синтез современных представлений о функциях АФК в работе со студентами с ОВЗ (результатов исследований в изучаемой области за последние 10 лет). В эмпирической части исследования приняло участие 95 респондентов — будущих специалистов — инструкторов в области АФК Ханты-Мансийска. На основе данных метода опроса, осуществленного с помощью авторского опросника «Функции АФК», эмпирически выделялись и сопоставлялись данные функции в современном инклюзивном образовании в рамках университета.

Результаты и обсуждение

Занятия АФК, помогающие компенсировать и развить многочисленные способности в области телесного, психологического, социального и духовного бытия человека, значительно расширяют жизненный мир, в том числе образовательные возможности человека с особыми образовательными потребностями (далее — ООП) [7, с. 248; 8; 9].

Адаптивная физическая культура представляет собой комплекс мероприятий спортивно-оздоровительного характера, нацеленных на инклюзию студентов и иных учащихся с ОВЗ в условия обычной социальной (в том числе образовательной) среды. АФК рассматривают как интегративную практику и раздел теоретических исследований, систематизирующих данные и модели различных наук и практик: физической культуры и спорта, медицинских и психологических исследований и технологий, дефектологии и коррекционной (специальной) педагогики, психиатрии и патопсихологии. Другими задачами и сущностью АФК выступают преодоление или минимизация нарушений психологического, физического, социального функционирования и развития человека с ОВЗ, восстановление и гармонизация соответствующих функций обучающихся с ООП. Адаптивная физическая культура имеет задачу повышения и обеспечения высокого качества жизни и достижения максимума жизнестойкости человека с ОВЗ путем оптимизации режима его телесно-психологического и социального функционирования, что обеспечивает возможности и снимает преграды самовосстановления, самореализации и самосовершенствования человека как целостности [10].

С. П. Евсеев, акцентируя спортивные аспекты АФК, отмечает, что задачей спортивной подготовки в контексте занятий АФК и адаптивным спортом является достижение максимально возможного для человека с ОВЗ уровня подготовленности, высоких результатов активности в ходе соревнований [1; 11].

Перечислим основные функции АФК [2; 7, с. 250 и др.]:

1) социализации как социокультурной адаптации, индивидуализации и интеграции (вхождение в культуру, успешность адаптации, индивидуализации и интеграции человека в обществе) и ценностно-ориентировочная или воспитательная (обеспечение условий полноценного функционирования или самоосуществления как целостности, мотивации и успешности самостоятельной активной деятельности);

2) подготовительная и профилактическая (предотвращение осложнений, нежелательных итогов базового нарушения, дефекта);

3) образовательная (предоставление образования, направленного на подготовку к успешной самостоятельной жизнедеятельности, к образованию и профессиональному труду);

4) лечебно-оздоровительная («поддерживающая») (более или менее полное исцеление от нарушения, дефекта, ОВЗ, восстановление здоровья и профилактики новых заболеваний, в том числе предупреждение вторичных и последующих дефектов, дисбалансов и перегрузок активности);

5) реабилитационная или восстановительная (достижение максимальной степени компенсации нарушений или дефекта);

6) рекреационно-досуговая, структурирования досуга (организация физкультурного досуга и сопутствующих творческой и игровой активности);

7) социального успеха («адаптивный спорт») (участие в соревнованиях — достижение и пропаганда неординарных спортивных успехов паралимпийского и иных видов адаптивного спорта и т. д.);

8) индивидуально-развивающая (помогающая осмыслить, осуществить и развивать себя как уникальную целостность в качестве социально и индивидуально значимого субъекта);

9) интерактивно-интеграционная (гармоничное, полноценное взаимодействие и общение, в том числе успешная самопрезентация («престижизация») и самораскрытие в контексте успешных отношений с окружающими людьми);

10) творческая (подготовка к творческой активности, стимулирование ее, обеспечение соответствующими компетенциями).

Очевидно, что данные функции тесно взаимодействуют, в том числе на разных этапах АФК и инклюзии студента в образовательное сообщество.

В целом мы можем рассматривать эти функции в качестве ведущих компонентов и этапов инклюзивного процесса, логическидвигающегося от подготовки обучающихся с ОВЗ к инклюзии до его самоосуществления в разных сферах, включая собственно спортивную.

Адаптивная физическая культура формирует и стимулирует у обучающихся с отклонениями в фи-

зическом или психическом здоровье более корректное и здоровое представление о собственных возможностях и возможностях нормотипичного человека; способствует преодолению духовно-психологических и социальных барьеров полноценного функционирования и развития; обеспечивает человека коррекционно-компенсаторными, восстановительно-рекреационными компетенциями, в том числе теми, что помогают использовать функции разных систем и иные возможности вместо отсутствующих, нарушенных, заблокированных; развивает готовность и стремление к осуществлению необходимых для полноценного функционирования в обществе физических и иных нагрузок, к преодолению лени и страха и т. д.; поддерживает компетенции в области здоровья, здорового образа жизни; способствует пониманию своего места в обществе, возможных вкладов в его жизнь и развитие; влияет на рост компетенции самосовершенствования и повышения работоспособности и т. д. [12–14 и др.], самоосуществления в разных сферах активности [15].

Анализ результатов опроса инструкторов — методистов по адаптивной физической культуре и адаптивному спорту. Данные эмпирического опроса 95 будущих специалистов в области АФК показали, что теоретически выделенные и проанализированные функции АФК подтверждают наши результаты. В опросе участвовали обучающиеся Югорского государственного университета, Центра профессиональной подготовки кадров и Национальной академии современных технологий. Опрос проводился в 2022–2024 гг. как часть разведывательного этапа исследования, в письменной форме. Респондентам предлагалось развернуто ответить на вопросы открытого типа: 1. Каковы основные функции АФК? 2. Какое значение АФК имеет для становления и развития студента с ОВЗ? 3. Какое значение занятия АФК имеют для формирования инклюзивной среды университета?

Основные результаты опроса кратко представлены на рисунке.

Наиболее часто респондентами упоминаются следующие функции АФК: лечебно-оздоровительная, реабилитационно-компенсаторная, адаптивно-инклюзивная, социализации и воспитания, что в целом отвечает базовым задачам и общему контексту подготовки специалистов в области их деятельности — обеспечение инклюзивности среды образования и жизнедеятельности студентов с ОВЗ (рис.).

Наименее часто отмечают креативно-творческая и развивающе-индивидуализирующая функции АФК. Часто, но не всеми указываются остальные функции как вспомогательные: подготовительно-профилактическая, рекреационно-досуговая, информационно-образовательная и интерактивно-интегративная. Это говорит о том, что смысл АФК все же видится в первую очередь именно в функциях

адаптивно-коррекционного плана, развивающие функции, к сожалению, не выступают как центральные, что заведомо ограничивает помогающий потенциал работы специалиста в области АФК.

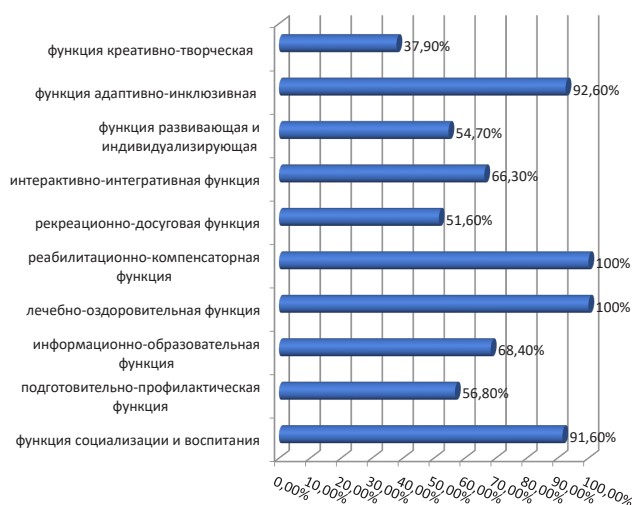

Рис. Функции АФК по данным опроса будущих специалистов (составлено авторами по результатам опроса)
(Fig. Functions of adaptive physical culture according to the survey of future specialists
(compiled by the authors according to the survey results))

Различия между подгруппами респондентов (оцененные с помощью данных первичной и вторичной математической статистики) незначимы, поэтому в общем анализе они не учитывались и качественно не исследовались, не интерпретировались.

Описывая значение адаптивной физической культуры для инклюзивной среды вуза, респонденты отмечают:

1) адаптивная физическая культура — непосредственный инструмент, благодаря которому студенты с ОВЗ решают целый спектр стоящих перед ними задач адаптации, включения в образовательное сообщество, развития и индивидуализации в нем, интеграции как успешных и нужных членов сообщества;

2) занятия АФК, в том числе в контексте принципа «обратной инклюзии», который предполагает участие в занятиях всех обучающихся, не только с ОВЗ, но и нормотипичных и полностью здоровых, помогают формированию гармоничных отношений в группе;

3) занятия АФК, повышающие функциональные показатели организма в целом и психики в частности, помогают повысить образовательные успехи и улучшить социальный статус студентов с ОВЗ и иные характеристики социальных отношений в образовательной организации.

Именно ответ на последний вопрос позволяет будущим специалистам более полно понять и соотнести функции АФК, в том числе в контексте индивидуального развития обучающихся с ОВЗ и функционирования образовательной организации, в контексте процессов «адаптация — индивидуализация — интеграция», «профилактика — компенсация — реабилитация — развитие (совершенствование)», «лечение — рекреация — образование».

Выводы

Адаптивная физическая культура — стратегически значимая, центральная для осуществления идеи инклюзии практика. Она должна обеспечивать развитие в сообществах инклюзивной модели социальных отношений, фокусируя внимание специалистов и самих студентов на возможностях и перспективах их жизнедеятельности как полноправных участников социальной жизни.

Выделенные нами на основе анализа ряда работ функции адаптивной физической культуры тесно связаны: они взаимодействуют на разных этапах АФК и инклюзии обучающихся в образовательное сообщество. Поэтому их необходимо рассматривать в качестве основных компонентов и этапов инклюзивного процесса, логическидвигающегося от подготовки студента с ограниченными возможностями здоровья к инклюзии до его самоосуществления в разных сферах, включая адаптивный спорт, адаптивный досуг и творческие успехи в жизни в целом.

Область применения и перспективы. Подготовка специалистов в области адаптивной физической культуры, повышение квалификации специалистов служб психолого-педагогического сопровождения инклюзивного процесса вуза должны быть нацелены на все богатство выделенных функций. Дальнейшие исследования будут связаны с разработкой интегративной модели функций и условий успешности адаптивной физической культуры как компонента инклюзивной образовательной среды вуза.

Список источников / References

1. Евсеев С. П. Теория и организация адаптивной физической культуры : учебник. М., 2016. 616 с.
2. Бочкарева С. И., Высоцкая Т. П., Ростеванов А. Г., Копылова Н. Е. Современные аспекты адаптивной физической культуры: социальная, физическая и психологическая составляющие // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2022. № 1. С. 9–17.
3. Савельева О. В., Сергеева А. Э., Каримова С. В. Актуальность адаптивной физической культуры на современном этапе обучения в вузе // OlymPlus. Гуманитарная версия. 2020. № 2(11). С. 56–58.
4. Выготский Л. С. Основы дефектологии. СПб., 2003. 656 с.
5. Ананьев Б. Г. Личность, субъект деятельности, индивидуальность. М., 2008. 134 с.
6. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977. 304 с.

7. Муллер О. Ю. Адаптивная физическая культура как средство социокультурной адаптации лиц с особыми образовательными потребностями // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2022. № 6(208). С. 248–252.
8. Gilbert E. N. Designing inclusive physical education with universal design for learning. *Journal of Physical Education, Recreation and Dance*. 2019. № 7. Pp. 15–21.
9. Routledge Handbook of Adapted Physical Education (Routledge International Handbooks) / Haegerle J., Hodge S., Shapiro D. (Eds.). London, New York: Routledge, 2022. 516 p.
10. Литвина Г. А., Кульчицкий В. Е., Агеев А. В. Адаптивная физическая культура как средство физической реабилитации и социальной адаптации // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 3(58). С. 62–63.
11. Паршакова В. М. Адаптивная физическая культура в современном образовании // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 3-1(42). С. 135–139.
12. Епифанов В. А. Лечебная физическая культура. М., 2016. 568 с.
13. История физической культуры и спорта / ред. В. В. Столбов. М., 2014. 359 с.
14. Лечебная физическая культура / под ред. В. А. Епифанова. М., 2014. 592 с.
15. Доровских И. Г., Владимиров Н. М., Сетяева Н. Н., Арпентьева М. Р. Проблемы учебной самостоятельности студентов в сфере здоровьесбережения и физической культуры // Вестник Российской международной академии туризма. 2023. № 1. С. 78–85.

Поступила 14.02.2025; одобрена после рецензирования 20.03.2025; принята к публикации 30.03.2025.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Общетеоретические и отраслевые проблемы юридической науки и практики

General theoretical and branch-related issues of juridical science and practice

Научно-теоретическая статья

УДК 359.9, 343.9 © Никульченкова Е. В., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-1104-104-110

5.1.4. Уголовно-правовые науки; 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Киберэкстремизм: психолого-правовой анализ

Елена Владимировна Никульченкова, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии¹; niculc@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1207-9361>

¹ Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 644099, Омск, ул. Фрунзе, 6, Россия

Реферат. Введение. Новые виды киберпреступлений требуют изучения и немедленного реагирования со стороны государства. В контексте данного направления особую тревогу вызывает киберэкстремизм, получивший стремительное развитие в интернет-пространстве как вызов государственной и общественной безопасности. **Материалы, результаты и обсуждение.** В процессе исследования проведен психолого-криминологический анализ киберэкстремизма как нового вида преступной деятельности; выявлены проблемы и потенциальные риски психологического манипулирования сознанием при вовлечении в экстремистскую деятельность, сформулированы предложения по противодействию киберэкстремизму. **Выводы.** Киберэкстремизм — социально опасное преступное явление, представляющее серьезную угрозу обществу и государству. Основным способом вовлечения в экстремистскую деятельность выступает манипулирование сознанием через информационно-деструктивное воздействие на личность путем пропаганды негативного отношения к разным социальным группам, разрушения традиционных российских ценностей, призывов к изменению государственного строя. В целях противодействия киберэкстремизму необходимы не разрозненные меры противодействия, а система специальных предупредительных мер воспитательного, криминологического, правового и технологического характера.

Ключевые слова: экстремизм, киберэкстремизм, деструктивное воздействие, безопасность, кибербезопасность, смартфонозависимость, предупреждение

Для цитирования: Никульченкова Е. В. Киберэкстремизм: психолого-правовой анализ // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 1(104). С. 104–110. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-1104-104-110>

Scientific and Theoretical Article

UDC 359.9, 343.9 © Nikulchenkova E. V., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-1104-104-110

5.3.9. Legal Psychology and Psychology of Security; 5.1.4. Criminal Law Sciences

Cyber extremism: Psychological and Legal Analysis

Elena V. Nikulchenkova, Candidate of Science (in Law), Associate-Professor at the chair of Criminal Law and Criminology¹; niculc@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1207-9361>

¹ Dostoevsky Omsk State University, 6, Frunze st., Omsk, 644099, Russia

Abstract. Introduction. Active involvement in extremist activities in modern realities is determined by the rapidly improving digital technologies in the virtual space, which cannot but cause concern of law enforcement agencies and the state. The purpose is to reveal risks of destructive psychological manipulations on people's consciousness when engaging them in extremist activities, search for solutions in the fight against cyber extremism. **Materials, Results and Discussion.** The author's vision of cyber extremism as a new type of criminal activity is presented; problems and potential risks of psychological manipulation of consciousness when involved in extremist activities were identified, proposals to tackle cyber extremism formulated. Cyber extremism, international in nature, poses a serious threat to any society and state. **Conclusions.** In order to fight cyber extremism in Russia, it is necessary to study the experience of foreign countries, as well as to develop a system of special preventive measures of an educational, criminological, legal and technological nature, international experience taken into consideration.

Keywords: extremism, cyber extremism, destructive impact, security, cyber security, smartphone addiction, prevention

Citation: Nikulchenkova E. V. Cyber extremism: Psychological and Legal Analysis. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 1(104). Pp. 104–110 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-1104-104-110>

Основные положения

1. В России наблюдается рост преступлений экстремистского характера, что подтверждается данными о состоянии преступности в Российской Федерации. Основным способом вовлечения в экстремистскую деятельность выступает манипулирование сознанием путем осуществления деструктивной пропаганды экстремистских материалов с использованием информационно-коммуникационных технологий. Молодежь составляет первую группу риска, наиболее подверженную деструктивно-психологическим манипуляциям со стороны киберэкстремистов, в связи с чем необходима серьезная профилактическая, разъяснительная работа с несовершеннолетними.

2. Понятие киберэкстремизма является дискуссионным. Представляется, что в его основе лежит деструктивная деятельность, направленная на изменение мировоззрения людей путем пропаганды с использованием информационно-коммуникационных технологий, для разжигания ненависти или вражды между людьми, в целях уничтожения существующего конституционного строя и государства.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. В настоящее время стремительно происходят разные политические события, многополярный мир меняется, и, как никогда, важными задачами нашего государства должны быть сохранение истории, традиций, мира, воспитание будущих поколений в соответствии с российскими ценностями.

К опасным проявлениям экстремизма относятся факторы его глобализации: воздействие на сознание молодежи, намеренное искажение истории России и ее наследия, пропаганда неофашизма, насилия, жестокости и др. [1, с. 204–205].

В 2024 г. в России за экстремизм осуждено более 500 человек¹.

Преступления экстремистского характера в России на протяжении последних пяти лет имеют тенденцию к росту. За январь–апрель 2025 г. было зарегистрировано 741 (АППГ +36,2%) преступление экстремистской направленности; за 2024 г. — 1719 (АППГ +28,3%); в 2023 г. — 1340 (незначительное сокращение на 14,4%); в 2022 г. — 1566 (АППГ +48,2%); в 2021 г. — 1057 (АППГ +26,9%). Продолжается

и рост преступлений, связанных с использованием информационно-коммуникационных технологий. За период с января по апрель 2025 г. зарегистрировано 247,2 тыс. таких преступлений (АППГ +2,6%)².

Приоритетным направлением государства должна быть безопасность от внешних и внутренних угроз, чтобы общество могло развиваться, а люди быть уверенными в завтрашнем дне и строить планы на будущее. Одной из серьезнейших потенциальных современных угроз российскому обществу является угроза киберэкстремизма.

Именно информационно-телекоммуникационная среда стала плодородной почвой для экспансии радикальных взглядов, популяризации деструктивных идей, апробации новых способов вербовки неопитов и манипулирования общественным сознанием, совершения кибератак на государственные ИТ-ресурсы и банковский сектор, модернизации приемов содействия экстремизму, терроризму в обход традиционной финансовой системы и т. д. [2, с. 18].

Стремительное совершенствование цифровых технологий активно используют в своей деятельности и киберпреступники. Новый уровень современной преступности смещается в киберпространство, где злоумышленники становятся почти неуязвимыми.

Цель — психолого-криминологический анализ киберэкстремизма как социально опасного преступного явления, определение рисков деструктивно-психологических манипуляций на сознание людей при вовлечении в экстремистскую деятельность, поиск путей решения по противодействию киберэкстремизму.

Материалы, результаты и обсуждение

Проблематика киберэкстремизма. В научных исследованиях киберэкстремизм стал находить отражение относительно недавно. В официальных источниках понятие киберэкстремизма отсутствует, что указывает на необходимость проведения дальнейших исследований в данной области. Разработка понятийного аппарата также является важным действием для единообразного применения правовых норм на практике.

Понятие экстремизма дано в ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»³, приводить текст которой мы не будем ввиду его объемности.

¹ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/05/12/25756394.shtml> (дата обращения: 03.06.2025).

² Состояние преступности в России за январь–апрель 2025 года // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/62890844/> (дата обращения: 29.05.2025).

³ О противодействии экстремистской деятельности : федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (с изм. от 28 декабря 2024 г. № 522-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30, ст. 3031 ; 2024. № 21, ст. 2650.

В международных актах, в частности ратифицированной Россией, Китаем, Казахстаном, Киргизией, Узбекистаном и Таджикистаном Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 14 июня 2001 г., под экстремизмом понимается «какое-либо» деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон⁴.

По нашему мнению, приведенное определение экстремизма является недоработанным, поскольку использование таких слов, как «какое-либо», «как-либо», не дает полного представления о содержании конкретных противоправных действий, которые можно считать экстремистскими.

В примечании к ст. 282¹ Уголовного кодекса Российской Федерации под преступлениями экстремистской направленности понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Однако, как отмечает В. В. Лунеев, придание экстремизму только негативного и особенно политически преступного характера, является глубоко односторонним, ошибочным или, по крайней мере, сомнительным уголовно-правовым и криминологическим решением [3, с. 29].

Экстремизм выражается в преданности радикальной идеологии с отрицанием признанных обществом норм и правил, проявлении агрессии по отношению к мирному существованию, подрыве основ государственности, публичном разжигании религиозной ненависти и вражды между людьми, призывах к насильственному вооруженному захвату власти. Современный экстремизм ввиду своей многозадачности и вариативности выступает многофакторным, чрезвычайно опасным явлением для общества, которое необходимо своевременно обнаруживать и с которым следует бороться самым серьезным образом.

Интернет-технологии стерли границы, обезличили людей в виртуальном общении и способствуют широкому, быстрому распространению любой информации, в том числе экстремистской, в неограниченном пространстве. Активно используя информационно-

телекоммуникационные технологии и интернет, экстремисты ведут пропаганду, вовлекают людей в различные виды преступной деятельности, а информационное пространство служит порталом для распространения экстремистских материалов.

Экстремистская деятельность в киберпространстве, в отличие от других видов преступлений, имеет ярко выраженную цель — разжигание межгрупповой ненависти, что может привести к реальным конфликтам и столкновениям в обществе, а ключевой критерий, позволяющий отграничить экстремистские преступления от других видов информационного воздействия, состоит в наличии призывов к насилию или пропаганде идеологии ненависти [4, с. 47–48].

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 28 июня 2011 г. № 11 разъяснил, что в основе вышеуказанных преступлений лежат мотивы политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, а также ненависть или вражда в отношении какой-либо социальной группы⁵. Соответственно, цифровое пространство, информационно-телекоммуникационные технологии и сети выступают способом достижения определенного преступного действия, которое будет подпадать под признаки экстремистской деятельности.

Риски киберэкстремистского воздействия на психологию поведения. В большей степени деструктивному экстремистскому воздействию подвергается именно молодежь ввиду неопытности, отсутствия сформированного мировоззрения и правильного понимания политических процессов в обществе. Навязывание экстремистской разрушительной идеологии осуществляется путем манипулирования сознанием, вызыванием интереса к онлайн-играм экстремистской направленности, радикальной пропагандистской литературе, чему-то неизведанному, новому для несовершеннолетних, способному перевернуть сознание их неокрепшей психики. Особую опасность при этом представляет безнадзорность подростков, родители которых не всегда могут проконтролировать их поведение в виртуальной среде.

Как отмечают исследователи, около половины родителей контролируют нахождение в сети Интернет своих детей только до достижения ими 10 лет. В России насчитывается около 8 млн пользователей интернета в возрасте до 14 лет, 25% дошкольников посещают сеть самостоятельно, без надзора родителей. С 10 до 14 лет показатель контактов с нежелательным содержанием сайтов увеличивается более чем в 2 раза. Порносайты просматривают 32% интернет-аудитории детей до 14 лет. С сайтами об азартных играх, ресур-

⁴ Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 14 июня 2001 года. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3405> (дата обращения: 01.04.2025).

⁵ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

сами о насилии, алкоголе и наркотиках сталкиваются от 13 до 15% школьников [5, с. 334].

В 2021 г. анкетирование 226 родителей учащихся 7–11 классов показало, что большинство респондентов не в полной мере осуществляют такой контроль и абсолютно уверены в том, что их дети вряд ли будут вовлечены в преступную деятельность через интернет. Только 10% опрошенных родителей контролируют, что изучают, с кем общаются их дети в интернете и социальных сетях [6, с. 25].

На сегодняшний день смартфоно- и интернет-зависимость наших детей, молодежи фактически стала приравняться к алкогольной, наркотической и иной зависимости, вызывающей серьезные изменения в психике. В виртуальной среде подросткам легче общаться, включаясь в игру с обезличиванием, придумывая себе ник, аватарку и другие знаки, ассоциируя себя с некоторыми персонажами фильмов или мемов.

Девиантологи отмечают как тревожный сигнал рост интернет-зависимости среди юных пользователей: 70% российских детей ежедневно заходят в интернет (около трети имеют свои профили), а 10% детей страдают выраженной интернет-зависимостью [7, с. 26].

Зарубежные исследователи также обращают внимание на то, что виртуальная среда способна менять сознание людей, вызывать опасные для головного мозга состояния, оказывая манипулирование сознанием, и даже чувство смертельной опасности, создавая стрессовую ситуацию [8, р. 163].

При вовлечении в противоправную деятельность с использованием информационно-когнитивных технологий осуществляется переход от поведенческой модели «оценка рисков — принятие решения» к принятию решений без предвидения рисков. Человек фактически не воспринимает ту деятельность, в которую вовлекается, как виктимно опасную [9, с. 63].

Причем киберэкстремисты, так же как и кибермошенники, фактически действуют по одной технологии. Они применяют специальные манипулятивно-психологические коды воздействия на эмоциональную сферу жертвы, способные влиять на мышление людей и принятие ими решений [10, с. 86] (в частности, убеждение в выполнении определенных действий, пробуждение интереса, создание видимости сопереживания, сочувствия и т. д.). Например, Г. создал в социальной сети «ВКонтакте» личную страницу и стал сторонником националистической идеологии. Он негативно относится к лицам разных национальностей, исповедующим ислам, а также разделяет идею о невозможности их проживания на территории России. В интернете он знакомился с экстремистскими материалами, под влиянием которых у него сложилось стойкое убеждение в том, что необходимо применять

насилие в отношении лиц, принадлежащих к определенным расам, национальностям и вероисповеданию. В целях побуждения пользователей сети Интернет к совершению насильственных действий в отношении указанных лиц Г. совершил публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, разместив на своей странице воззвания к совершению убийства людей по признакам расы и национальности⁶.

Эффект переживания страха проявляется через потребность в безопасности, которая выступает одной из базовых в психологии личности, а ее удовлетворенность — важной детерминантой поведенческой мотивации [11, с. 28].

Под влиянием экстремистской информации в социальных сетях, цифровом пространстве возникают различные формы агрессивного поведения, которые могут стать социально-психологическими детерминантами насильственного экстремизма.

В контексте групповой динамики агрессивное общение может способствовать созданию и укреплению радикальных групп, где подобные стили взаимодействия воспринимаются как норма, что может привести к эскалации агрессии, насилия и готовности к экстремистским акциям. Высокий уровень агрессивных коммуникативных умений не только негативно влияет на индивидуальное поведение, но и может оказывать деструктивное воздействие на социальную среду, способствуя распространению экстремистских идеологий и практик [12, с. 114].

В случае нарушения границ безопасности появляются состояния тревожности и страха, которые в свою очередь выступают доминантами мотивации в принятии человеком решений и его поведении в обществе, в кругу семьи, в профессиональной деятельности. Киберэкстремизм опасен еще и тем, что он своей разрушающей идеологией вызывает у людей состояние неуверенности в будущем, тревогу, чувство безысходности и страх.

Предупреждение киберэкстремизма. Сегодня киберэкстремизм можно считать опаснейшим транснациональным устойчивым явлением, противостоять которому крайне трудно только уголовно-правовыми средствами.

Несколько спорным видится мнение о том, что единственным эффективным средством противодействия преступному экстремизму служит уголовно-правовое реагирование, так как идеи национализма, расизма, нацизма и др. получают в современном обществе значительное распространение, особенно среди молодежи и несовершеннолетних [13, с. 117].

Безусловно, уголовно-правовые средства в борьбе с экстремизмом играют ключевую роль, но они недостаточно эффективны. Транснациональный характер

⁶ Приговор № 1-67/2020 от 3 января 2020 г. по делу № 1-67/2020 Фрунзенского районного суда г. Владимира (Владимирская область) // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/zNzhbe59AqU/> (дата обращения: 04.06.2025).

киберэкстремизма указывает на необходимость тесного сотрудничества и взаимодействия российских и международных правоохранительных структур, специалистов IT-технологий по выявлению, своевременному информированию, пресечению преступной деятельности. Поэтому международный опыт борьбы с киберпреступностью должен изучаться и внедряться в национальную систему обеспечения кибербезопасности.

В 2011 г. при поддержке ООН было создано Международное многостороннее партнерство по борьбе с киберугрозами (IMPACT), в которое вошли 152 государства. IMPACT курирует трансцендентальные глобальные программы по кибербезопасности. На базе партнерства создан глобальный центр реагирования на киберугрозы GRC, предусматривающий систему раннего оповещения о киберугрозах в режиме реального времени⁷.

В Великобритании, например, создан Национальный центр возможности обнаружения киберугроз мирового уровня (NCSC), который помогает своевременно обнаружить киберугрозы и отреагировать на них не только внутри страны, но и за пределами государства⁸.

Противодействие экстремистской деятельности в России в соответствии с Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности» осуществляется по двум направлениям: 1) выявление и предупреждение экстремистской деятельности в целом; 2) выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц. Реализация указанных направлений должна быть системной и скоординированной работой своевременного предупреждения и мониторинга киберугроз.

Обнаружение, предупреждение и ликвидация последствий компьютерных атак на информационные ресурсы России осуществляются специальным координационным центром.

Национальный координационный центр по компьютерным инцидентам систематически предупреждает об уязвимостях, о недостатках безопасности, о защите от угроз фишинговых и вредоносных писем, осуществляя рассылки в организации, которые принимают меры реагирования. Кроме того, центр ежене-

дельно публикует на официальном сайте информацию о своей деятельности. В частности, за период с 20 марта по 29 марта 2025 г. центр предотвратил деятельность 1325 вредоносных ресурсов⁹.

24 декабря 2024 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Резолюцию о Конвенции Организации Объединенных Наций против киберпреступности, об укреплении международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям, разработанную по инициативе Российской Федерации. Подписание Конвенции состоялось во Вьетнаме (Ханой) 25–27 октября 2025 г.¹⁰ Конвенция о киберпреступности, получившая название «Ханойская», предусматривает условия для международного сотрудничества в области обеспечения кибербезопасности, поскольку ее целями являются:

а) содействие принятию и укреплению мер, направленных на повышение эффективности и результативности предупреждения киберпреступности и борьбы с ней;

б) поощрение, облегчение и укрепление международного сотрудничества в предупреждении киберпреступности и борьбе с ней;

с) поощрение, облегчение и поддержка технической помощи и создания потенциала в целях предупреждения киберпреступности и борьбы с ней, особенно в интересах развивающихся стран¹¹.

Принятие данной Конвенции можно считать начальным этапом формирования международных правовых инструментов противодействия в том числе и киберэкстремизму. Поскольку киберэкстремизм не имеет границ, используя виртуальное цифровое пространство, преступники могут действовать с территории любой страны. Хотя указанная Конвенция не содержит конкретных норм по противодействию киберэкстремизму, в ней криминализированы такие преступные деяния, как неправомерный доступ к информационно-коммуникационной системе в целом или любой ее части; незаконный перехват непубличных передач электронных данных; неправомерное использование устройств и др.

⁷ Международное многостороннее партнерство по борьбе с киберугрозами (IMPACT). URL: https://itlaw.fandom.com/wiki/Global_Response_Centre (дата обращения: 01.04.2025).

⁸ National Cyber Strategy 2022 (HTML). URL: <https://www.gov.uk/government/publications/national-cyber-strategy-2022> (дата обращения: 23.06.2025).

⁹ Национальный координационный центр по компьютерным инцидентам. URL: <https://www.cert.gov.ru/news/novosti-nktski/> (дата обращения: 01.04.2025).

¹⁰ О принятии Конвенции ООН против киберпреступности // Официальный сайт МИД России. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/1989289/ (дата обращения: 20.06.2025).

¹¹ Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243> (дата обращения: 30.05.2025).

Таким образом, противодействие киберэкстремизму требует комплексного подхода и взаимодействия разных институтов власти и государства. Весьма актуальным и своевременным в контексте указанной проблемы видится предложение П. А. Скобликова о скорейшей разработке и принятии в России концепции государственного противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий [14, с. 144–145].

Не теряют актуальности и постоянное информирование общества о противоправной деятельности экстремистских организаций, их преступных целях, пресечение экстремистских проявлений и своевременное привлечение к административной и уголовной ответственности виновных. Несмотря на то что в системе МВД России созданы специальные подразделения, включающие в свой состав специалистов в сфере ИТ-технологий, их явно недостаточно для проведения систематического мониторинга и блокировки опасных сайтов и информации из социальных сетей.

Требуются разработка дополнительных мер безопасности, психологическая профилактика смартфо- и интернет-зависимости, педагогическое и родительское влияние на несовершеннолетних, поскольку прежде всего именно данная категория оказывается в первой зоне риска и подвержена психологическому воздействию со стороны экстремистов. Результативность системы противодействия киберэкстремизму невозможна без проведения системной воспитательной работы с молодежной аудиторией.

Общими мерами профилактики могут быть следующие. Прежде всего, это воспитание в нашем обществе чувства патриотизма, формирование правомерного поведения, популяризация семейных и культурных ценностей. Воспитательный аспект имеет первостепенное значение, поскольку формирование личности закладывается в детстве. Выработка правильного мировоззрения и правосознания позволит ориентироваться в информации и распознавать экстремистскую пропаганду.

Очень важен систематический контроль нахождения несовершеннолетних в интернет-пространстве, а также ограничение доступа ко всем социальным сетям детей, не достигших 16 лет. Необходима разработка

программ искусственного интеллекта, которые могли бы вовремя распознавать опасный контент и его блокировать. Внедрение таких программ позволило бы существенным образом снизить риски попадания экстремистской информации в общество. Безусловно, проблема определения характера и содержания материалов экстремистской направленности остается актуальной, но вполне решаемой. Следует подключить соответствующих специалистов и создать экспертный центр, в компетенцию которого будет входить разработка методических рекомендаций и критериев отбора и признания информации содержащей признаки экстремизма. Только на основе разработанных четких критериев можно создать программу с искусственным интеллектом и внедрить ее в практику работы по противодействию киберэкстремизму.

Выводы

1. Киберэкстремизмом можно считать деструктивную деятельность, направленную на изменение мировоззрения людей путем пропаганды с использованием информационно-коммуникационных технологий, для разжигания ненависти или вражды между людьми, уничтожения существующего конституционного строя и государства.

2. Предупреждение киберэкстремизма является многозадачным процессом и возможно только в результате систематической совместной работы правоохранительных органов, государственных институтов и семьи с учетом положительного опыта международных стран.

3. Специальными мерами предупреждения киберэкстремизма должны быть постоянный мониторинг, контроль над проявлениями экстремизма в виртуальном пространстве; пресечение киберэкстремистской деятельности правоохранительными органами, своевременная блокировка опасных сайтов и контента с экстремистскими материалами.

Область применения и перспективы. Полученные результаты позволяют расширить представление о киберэкстремизме. Проведение научных исследований в указанной области необходимо для своевременного выявления киберэкстремизма в целях принятия эффективных мер реагирования со стороны общества и государства.

Список источников / References

1. Ревягин А. В., Бойко В. П. Природа молодежного экстремизма // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 3(90). С. 202–207.
2. Буткевич С. А. Экстремизм и терроризм в киберпространстве: выявление, нейтрализация и предупреждение // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 1(39). С. 17–22.
3. Лунеев В. В. Российский экстремизм: политика и реалии // Всероссийский криминологический журнал. 2009. № 2(8). С. 29–38.
4. Панталеева Н. С., Пархитыко Н. П. Кибертерроризм и киберэкстремизм как современные угрозы национальной и международной безопасности // Юридические науки. 2019. № 3. С. 47–50.
5. Макашова В. Н., Чернова Е. В. Информационные технологии как фактор распространения идей киберэкстремизма в молодежной среде // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2013. № 9. С. 328–335.

6. Клещина Е. Н. О некоторых проблемах борьбы с подростковым киберэкстремизмом // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2021. № 3(59). С. 23–27.
7. Комлев Ю. Ю. Девиантность и преступность в эпоху high-tech, консьюмеризма и глэм-капитализма // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9, № 1. С. 23–34.
8. Park J.-M., Noh G.-Y. The effects of vr simulation game on driving fear and efficacy. *JP Journal of Heat and Mass Transfer*. 15 (Special Iss. 2). 2018. Pp. 161–169.
9. Игнатов А. Н., Соловьев В. С. Информационно-когнитивные технологии в механизме цифровой виктимизации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14, № 1(51). С. 59–66.
10. Никульченкова Е. В. Кибермошенничество: психолого-криминологический анализ кибераддикций // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2025. Т. 22, № 1. С. 83–90.
11. Акбутаев В. О. Измерение удовлетворенности базовой потребности личности в безопасности: разработка методики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2025. Т. 14, вып. 1(53). С. 27–37.
12. Маджуга А. Г., Саидов А. А. Система социально-психологических детерминант, оказывающих влияние на возникновение склонности к насильственному экстремизму у студенческой молодежи // Сибирский психологический журнал. 2025. № 95. С. 121–137.
13. Козаченко И. Я., Розенко С. В. О совершенствовании правовой регламентации преступлений экстремистской направленности // Правоведение. 2013. № 1(306). С. 115–123.
14. Скобликов П. А. Стратегия борьбы с киберпреступностью: должное и сущее // Сибирское юридическое обозрение. 2025. Т. 22, № 1. С. 128–146.

Поступила 02.07.2025; одобрена после рецензирования 20.08.2025; принята к публикации 25.12.2025.

Научно-практическая статья
УДК 343.1 © Козловский П. В., 2026
doi: 10. 24412/1999-6241-2026-1104-111-118
5.1.4. Уголовно-правовые науки

Использование искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве: шаг вперед или возврат к следственному процессу?

Петр Валерьевич Козловский, кандидат юридических наук, докторант научно-исследовательского отдела¹;
kozlovskypv@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4221-3501>

¹ Омская академия МВД России, 644092, Омск, пр-кт Комарова, 7, Россия

Реферат. Введение. Технологии искусственного интеллекта активно используются в уголовном судопроизводстве во многих странах мира. Внедрение искусственного интеллекта в уголовный процесс обусловлено научно-техническим прогрессом и является неизбежным. Цель — оценить влияние технологий искусственного интеллекта на реализацию фундаментальных принципов уголовного процесса в контексте риска возрождения классического следственного (инквизиционного) процесса. **Материалы и методы.** Осуществлен анализ научных работ, посвященных использованию искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве. Проведено анкетирование 106 специалистов в области информационных технологий, имеющих опыт работы с нейросетями. **Результаты и обсуждение.** Выделены социальные, правовые, этические и технические риски использования искусственного интеллекта в уголовном процессе. Опровергнуты представления об искусственном интеллекте как о «черном ящике», обоснована возможность проверки и оценки достоверности сведений, полученных с его применением. Доказан тезис о том, что объективность искусственного интеллекта является иллюзией. Алгоритмическая предвзятость, обусловленная предпочтениями разработчиков, тенденциозностью обучающих данных, способна привести к масштабированию ошибок, значительно более опасных, чем субъективизм отдельного человека. **Выводы.** Основной риск применения искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве связан с постепенным самоотстранением человека от принятия процессуальных решений и использованием проектов решений, подготовленных искусственным интеллектом, без надлежащей проверки.

Ключевые слова: алгоритмическая предвзятость, доказательства, непосредственность, следственный (инквизиционный) процесс, состязательность, формальное доказывание

Для цитирования: Козловский П. В. Использование искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве: шаг вперед или возврат к следственному процессу? // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 1(104). С. 111–118. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-1104-111-118>

Scientific and Practical Article
UDC 343.1 © Kozlovsky P. V., 2026
doi: 10. 24412/1999-6241-2026-1104-111-118
5.1.4. Criminal Law Sciences

Using Artificial Intelligence in Criminal Proceedings: A Step Forward or Returning to Investigation Process?

Petr V. Kozlovsky, Candidate of Science (in Law), doctorate degree student of Science and Research Department¹;
kozlovskypv@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4221-3501>

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, 7, Komarov pr., Omsk, 644092, Russia

Abstract. Introduction. Artificial intelligence technologies are actively employed in criminal proceedings in many countries and begin turning from additional technology into the tool which influences the basics of the criminal proceedings. Further implementation of artificial intelligence into the criminal proceedings is determined by the scientific and technological progress and is inevitable. The objective is to estimate the influence of artificial intelligence technologies on the implementation of the fundamental principles of the criminal proceedings in the context of the risk of reviving the classical investigative (inquisitorial) process. **Materials and Methods.** The author analyzed scientific works devoted to the use of artificial intelligence in criminal proceedings. 106 information technology specialists with experience in work with neural networks were surveyed. **Results and Discussions.** The social, legal, ethical and technical risks of using artificial intelligence in criminal proceedings are outlined, the visions of artificial intelligence as of “a black box” refuted. The possibility of verification and assessment of the reliability of information obtained with its use is substantiated. **Conclusions.** The main risk of using artificial intelligence in criminal proceedings is connected with the gradual self-removal of a person from making procedural decisions and the use of draft decisions prepared by artificial intelligence without proper verification.

Keywords: algorithmic bias, proofs, immediacy, investigative (inquisitorial) process, adversariality, formal proving

Citation: Kozlovsky P. V. Using Artificial Intelligence in Criminal Proceedings: A Step Forward or Returning to Investigation Process? *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2025. Vol. 30. No. 1(104). Pp. 111–118 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-1104-111-118>

Основные положения

1. Развитие искусственного интеллекта и внедрение его во все сферы человеческой деятельности, включая уголовный процесс, является неизбежным. Отказ от использования искусственного интеллекта приведет к отставанию в развитии и невозможности эффективного противодействия современным угрозам.

2. Применение искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве требует оценки рисков, связанных с непрозрачностью и предвзятостью алгоритмов, самоустранением человека от принятия решения. Необходимость применения искусственного интеллекта повышает требования к аналитическим способностям и уровню критического мышления лиц, принимающих решения.

3. Сведения, полученные с применением технологий искусственного интеллекта, являются проверяемыми, как и любые другие доказательства. Риск принятия полученных сведений без проверки обусловлен в значительной степени психологическими, а не техническими причинами. Непрозрачность алгоритмов работы искусственного интеллекта часто не является препятствием для оценки достоверности полученных доказательств.

4. Применение искусственного интеллекта в уголовном процессе неизбежно усиливает следственное начало. Алгоритмизация процесса доказывания является шагом к возрождению классического следственного (инквизиционного) процесса с формальным доказыванием на новой технологической основе.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Внедрение технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ) активно происходит во многих сферах человеческой деятельности. Не является исключением уголовное судопроизводство. Более профессиональной и изощренной становится преступность, противодействие которой традиционными методами теряет результативность.

Технологии ИИ активно используются во многих странах мира для борьбы с преступностью. В США они широко применяются для решения идентификационных задач (распознавания лиц, отпечатков пальцев и других биометрических идентификаторов, автомобильных номеров, пуль и гильз), повышения

эффективности экспертно-криминалистической деятельности, прогнозирования преступности, оценки рисков вероятности рецидива, неявки в суд в отношении конкретных лиц¹. Появились первые примеры использования в судебных процессах технологий виртуальной реальности для реконструкции обстановки преступления [1].

Одной из наиболее известных систем оценки риска рецидива в США является система COMPAS, которая используется при избрании меры пресечения, вынесении приговора, принятии решения об условно-досрочном освобождении². Прогнозы поведения подсудимого оказывают существенное влияние на исход рассмотрения дела и принимаются как доказательства.

Так, в 2016 г. в США Эрик Лумис был приговорен к 6 годам тюремного заключения на основании оценки риска, рассчитанной с использованием алгоритма COMPAS. Попытка оспорить вывод по мотивам непрозрачности алгоритма и неясности причин такой оценки риска не увенчалась успехом³.

Внедрение искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство позволяет сделать вывод, что судебная система США постепенно переходит от интуитивных оценок судей к применению формализованных алгоритмов [2; 3].

В отчете Европола отмечается, что ИИ радикально меняет характер уголовного судопроизводства, повышая эффективность, скорость расследования, облегчает анализ больших и сложных данных, а также автоматизирует рутинные операции. Технологии ИИ активно используются для анализа открытых источников, работы с большими массивами данных, решения криминалистических и экспертных задач, подготовки аналитических материалов и даже разработки планов расследования⁴. Необходимо отметить, что Европейский союз занимает более осторожную позицию, чем США. Так, Резолюция Европейского парламента от 6 октября 2021 г. № A9-0232/2021 устанавливает жесткие рамки для ИИ в уголовном процессе, запрещая прогнозирование преступного поведения, массовое распознавание лиц⁵. Декларируются приоритетное внимание этическим принципам и фундаментальным ценностям, нацеленность применения ИИ на отстаивание прав человека, обеспечение справедливости. ЕС позиционирует себя в качестве защитника от де-

¹ Artificial Intelligence and Criminal Justice, Final Report. U. S. Department of Justice, Office of Legal Policy. 2024. URL: <https://www.justice.gov/olp/media/1381796/dl> (дата обращения: 26.05.2025).

² Practitioner's Guide to COMPAS Core. Northpointe, 2015. URL: <https://archive.epic.org/algorithmic-transparency/crim-justice/EPIC-16-06-23-WI-FOIA-201600805-COMPASPractitionerGuide.pdf> (дата обращения: 23.05.2025).

³ State v. Loomis. Harvard law review. 2016. Vol. 130. Issue 5, Harvard University. Pp. 1530–1537.

⁴ AI and policing the benefits and challenges of Artificial Intelligence For Law Enforcement. An Observatory Report from the Europol Innovation Lab. URL: <https://www.europol.europa.eu/cms/sites/default/files/documents/AI-and-policing.pdf> (дата обращения: 25.05.2025).

⁵ European Parliament resolution of 6 October 2021 on artificial intelligence in criminal law and its use by the police and judicial authorities in criminal matters (2020/2016(INI)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2021-0405_EN.html (дата обращения: 25.05.2025).

гуманизации правосудия, подчеркивая важность сохранения человеческой оценки при использовании информационных систем в уголовном процессе [4, р. 25]. Однако это не препятствует широкому использованию результатов работы ИИ в качестве доказательств по уголовным делам, которое в России ввиду правовых ограничений и жестких требований по защите конституционных прав граждан невозможно.

Так, в 2020 г. совместными усилиями французских и голландских правоохранительных органов при поддержке Европола была проведена успешная операция по разоблачению пользователей зашифрованного мессенджера EncroChat. Полиции удалось перехватить, передать и проанализировать более 115 000 000 преступных сообщений, отправленных примерно 60 000 пользователями, что привело к аресту 6558 подозреваемых, в том числе 197 особо важных лиц. Были изъяты преступные средства на общую сумму 739 700 000 евро, заморожены активы на сумму 154 100 000 евро и конфисковано значительное количество наркотиков, транспортных средств, оружия и недвижимости. Результаты автоматизированного анализа легли в основу обвинительных заключений и судебных решений по сотням уголовных дел во Франции, Нидерландах, Германии, Испании и других странах ЕС⁶.

Активно применяются технологии искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве Индии для анализа больших данных, выявления связей между подозреваемыми, распознавания лиц и иных изображений на видеозаписях, генерации 3D-моделей [5], оптимизации документооборота и др. На базе ИИ создана платформа для автоматического протоколирования и стенографирования судебных заседаний и перевода судебных документов на 18 индийских языков⁷.

Например, полиция Дели использовала ИИ для идентификации неопознанного тела жертвы убийства. Технология ИИ помогла реконструировать лицо погибшего, что позволило установить его личность и раскрыть преступление [6, р. 192].

В Индии постепенно происходит вовлечение ИИ в процесс принятия процессуальных решений.

В рамках одного из уголовных дел Высокий суд Пенджаба и Харьяны запросил у ChatGPT информацию о юридических прецедентах, связанных с освобождением под залог при совершении насильственного преступления. После получения ответа о высокой опасности обвиняемого для общества было отклонено ходатайство об изменении меры пресечения [7, р. 356].

В будущем расширение подобной практики может привести к существенному влиянию ИИ на принимаемые процессуальные решения даже при сохранении формального контроля за человеком.

Довольно далеко в части применения информационных технологий в уголовном судопроизводстве продвинулись власти КНР, последовательно проводящие цифровизацию правосудия и внедрение ИИ. Были созданы общедоступные банки данных судебной информации, организованы прямая трансляция и видеозапись судебных заседаний, внедрены различные интерактивные системы (оплата пошлин и др.).

На базе указанных нововведений в 2015 г. началось использование технологий ИИ непосредственно в судебной деятельности [8, с. 55–56].

В 2018 г. стартовала «Шанхайская интеллектуальная вспомогательная система рассмотрения уголовных дел», позволяющая анализировать доказательства, судебную практику, поддерживать допросы и выявлять противоречия в показаниях [9, с. 74]. ИИ позиционируется как вспомогательная система, не претендующая на роль человека в принятии решений. Однако в целях обеспечения единообразия судебной практики судья до вынесения решения обязан осуществлять поиск и анализ аналогичных дел, которые проводятся в автоматическом режиме специальными сервисами. Принятое судьей решение анализируется ИИ на предмет соответствия аналогичным решениям по другим делам, а заключение по результатам анализа изучается судами вышестоящих инстанций [8, с. 56]. Такой порядок может стимулировать судью к принятию предложенного проекта без надлежащей проверки и учета индивидуальных обстоятельств дела.

Технологии ИИ в борьбе с преступностью активно применяются и во многих других странах. По официально не подтвержденным сведениям, в Сальвадоре система анализа больших данных «Палантир» выявляет преступления и генерирует ордера на арест конкретных лиц, оставляя полиции лишь роль исполнителя и позволяя ей при небольшом штате силовых структур добиться прорывных результатов.

В России идет внедрение ИИ в организационную деятельность судов. На данный момент успешно функционирует система электронного документооборота (ГАС «Правосудие» и др.). Разрабатывается сервис «Правосудие онлайн», который позволит обеспечить

⁶ *Europol. AI and Policing: The Benefits and Challenges of Artificial Intelligence for Law Enforcement*. Europol Innovation Lab Observatory Report, Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2024. P. 12. URL: <https://www.europol.europa.eu/cms/sites/default/files/documents/AI-and-policing.pdf> (дата обращения: 27.05.2025).

⁷ *Use of AI in Supreme Court Case Management*. Posted On: 20 MAR 2025. URL: <https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=2113224> (дата обращения: 01.06.2025).

возможности дистанционного взаимодействия, включая подачу документов, получение электронных судебных документов, участие в судебных заседаниях с использованием технологии веб-конференции (биометрическая аутентификация будет осуществляться по лицу и голосу)⁸. На данном этапе речь идет о применении веб-конференции в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве. Представляется, успешная апробация позволит через некоторое время перенести данные технологии в уголовное судопроизводство. Планируется интеграция сервиса с другими государственными информационными системами [10, с. 189]. Предполагается, что первые результаты его реализации будут обнародованы в декабре 2026 г.

Отдельные решения на основе технологий искусственного интеллекта используются в деятельности органов предварительного расследования, в экспертной деятельности для идентификации лиц по изображениям и др.⁹ Но о создании крупных платформ, позволяющих сформировать единое цифровое пространство для досудебного и судебного производства, речь пока не идет.

Таким образом, с помощью ИИ в уголовном судопроизводстве возможно решение широкого круга задач, которые можно разделить на несколько групп.

1. Вспомогательные задачи технического характера:

1.1. Автоматизация документооборота: составление и направление повесток, уведомлений, процессуальных документов участникам уголовного процесса.

1.2. Автоматизированное распределение уголовных дел.

1.3. Создание стенограмм и протоколов судебного заседания.

1.4. Контроль за соблюдением сроков и движением уголовных дел.

1.5. Сбор, структурирование и хранение больших массивов данных.

1.6. Выявление дублирования, ошибок, пропусков в данных, стандартизация и визуализация информации для последующего анализа и т. п.

2. Использование в доказывании.

2.1. Автоматизация производства судебных экспертиз.

2.2. Идентификация людей и иных объектов, установление связей между ними (анализ изображений, голоса, выявление связей между людьми, транспортными средствами, абонентскими устройствами, следами и т. п.).

2.3. Поиск и анализ сведений об обстоятельствах дела.

2.4. Анализ собранных доказательств на предмет полноты и наличия противоречий.

2.5. Реконструкция события преступления.

2.6. Прогнозирование возможного преступного поведения конкретных лиц.

3. Поддержка принятия решений.

3.1. Анализ практики по аналогичным делам.

3.2. Подготовка предложений по квалификации преступления.

3.3. Подготовка проектов решений, включая проекты приговоров.

Технологии ИИ достаточно глубоко проникли в уголовное судопроизводство и стали оказывать серьезное влияние на отправление правосудия, выходящее далеко за рамки вспомогательных функций. Происходящие технологические изменения ставят перед юристами новые вопросы от способов проверки и оценки доказательств, полученных с применением ИИ, до переосмысления роли человека в отправлении правосудия. Попытки организовать доказывание на основе алгоритмов, минимизировать субъективизм человека несут угрозу возрождения формального доказывания и классического следственного (инквизиционного) процесса на новой технологической основе. Риски применения ИИ в уголовном судопроизводстве требуют анализа и выработки подходов к их минимизации.

Цель — оценить влияние технологий ИИ на реализацию фундаментальных принципов уголовного процесса к контексте риска возрождения классического следственного (инквизиционного) процесса и предложить подходы к проверке и оценке доказательств, полученных с помощью ИИ, в правоприменительной деятельности.

Материалы и методы

Осуществлен анализ рисков применения ИИ в уголовном судопроизводстве, исследованных в научных работах российских и зарубежных авторов. Проведено эмпирическое исследование, в ходе которого опрошено 106 специалистов в области информационных технологий, имеющих опыт работы с нейросетями.

Анкета распространялась в вузах среди профессорско-преподавательского состава, осуществляющего преподавание предметов, связанных с информационными технологиями, работников IT-компаний, банков и др. Перед началом анкетирования в результате предварительного опроса отбирались лица, использующие нейросети на постоянной основе в служебной, преподавательской, научной или иной деятельности. Эмпирические данные обрабатывались с помощью методов

⁸ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 440-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

⁹ Современное состояние и перспективы развития машинного обучения и искусственного интеллекта для решения задач судебно-экспертной деятельности : аналитический доклад / Е. Р. Россинская, Е. А. Чубина, А. И. Семикаленова, Г. П. Шамаев, М. С. Чернявская. М., 2023. С. 24–29.

математико-статистического анализа: описательной статистики, сравнительного анализа.

Результаты и обсуждение

Анализ уязвимостей технологий искусственного интеллекта при использовании в уголовном судопроизводстве. В научных работах выделяют следующие недостатки технологий ИИ при использовании в уголовном судопроизводстве.

Технические ошибки и уязвимости

Неточные или нерепрезентативные данные могут привести к ошибочным выводам. Так, системы распознавания лиц могут допускать ошибки из-за низкого качества изображения, обучения на представителях одной этнической группы и т. п. В результате указанных ошибок зафиксированы случаи необоснованного привлечения к уголовной ответственности и в США¹⁰, и в России [11, с. 51–52].

ИИ может воспроизводить и усиливать человеческие предубеждения, заложенные в обучающих данных, игнорировать сведения, противоречащие устоявшимся шаблонам [6, р. 192–193]. Исследования в штате Флорида в США показали низкую достоверность прогноза рецидива и расовую предвзятость [12].

Серьезной проблемой является потенциальная уязвимость нейросетей к кибератакам. Исследователи из Китайского университета Гонконга показали, что нейросети для распознавания лиц можно обмануть с помощью «адверсарных патчей»¹¹, что ведет к ошибкам в опознании преступников [13]. К аналогичным выводам об уязвимости систем распознавания лиц в ходе экспериментальных исследований пришли российские ученые [14].

При отсутствии необходимых сведений нейросети способны генерировать ложные данные, что уже имело место в судебной практике [11, с. 53].

Правовые риски

1. Неопределенность в вопросе ответственности за ошибки ИИ, связанная с невозможностью полностью предвидеть результаты деятельности нейросети.

2. Непрозрачность алгоритмов ИИ затрудняет или делает невозможным оспаривание и непосредственное исследование доказательств, что влечет нарушение презумпции невиновности, ограничение состязательности, значительно осложняя защиту [15; 16, с. 32; 17, с. 479].

Этические и социальные риски

Использование при принятии решений технологий, не понятных обществу, снижает доверие к правосудию. Установление обстоятельств уголовного дела связано с ценностным выбором, требует от человека руководствоваться опытом и совестью при вынесении

решения. Попытка контролировать судей с помощью формализованных алгоритмов ведет к ослаблению судебной власти, фактической передаче полномочий по принятию решений. Под давлением высокой нагрузки и процессуальных сроков неизбежно произойдет формирование зависимости от ИИ [18].

Эмпирическое исследование. Соотношение с результатами иных исследований в области ИИ. Чаще всего респонденты использовали нейросети для генерации текстовых/аналитических отчетов (27,8%), сбора и структурирования данных (23,2%), анализа больших массивов информации (19%), подготовки проектов решений (15,2%), прогнозирования трендов/рисков (9,9%). Указанные данные коррелируют с описанными выше направлениями использования ИИ в уголовном судопроизводстве и свидетельствуют о компетентности опрошенных специалистов.

Среди плюсов использования ИИ в первую очередь выделены автоматизация рутинных задач (27,3%) и обработка больших объемов данных, недоступных человеку (23,6%). В качестве распространенных ошибок отмечены генерация ложных/недостоверных данных (26,4%), неспособность учитывать контекст (18,3%), неправильный анализ из-за неполных входных данных (15,9%), ошибки в расчетах/логике (14,6%), нестабильность результатов (14,2%), зависимость от предвзятости обучающей выборки (8,8%) (рис. 1), что в целом соотносится с результатами российских и зарубежных исследований.

Рис. 1. Преимущества использования искусственного интеллекта

(Fig. 1. Advantages of using artificial intelligence)

Наибольшее значение для экстраполяции выводов на уголовный процесс имеют ответы о проверке достоверности сведений, полученных с помощью ИИ. Основное количество выборов связано со способами, доступными пользователям, не обладающим специальными техническими знаниями: 1) сравнение с независимыми источниками (31,6%); 2) экспертная

¹⁰ The use of AI in policing and its risk in the criminal justice system. URL: <https://www.verdict.co.uk/ai-technology-police-processes/?cf-view> (дата обращения: 25.05.2025).

¹¹ Адверсарный патч — это физический или цифровой объект, предназначенный для обмана моделей машинного обучения, в частности глубоких нейронных сетей, в целях получения неправильных предсказаний или классификаций.

проверка человеком (33%); 3) использование нескольких ИИ-моделей для перекрестной проверки (16,3%). Количество ответов, связанных с оценкой самих ИИ-моделей, гораздо меньше, но составляет значимую часть: 1) анализ исходных данных и алгоритмов (12,9%); 2) аудит и тестирование ИИ-моделей (5,7%) (рис. 2). Это свидетельствует о возможности и доступности данных способов проверки с привлечением квалифицированных специалистов. Результаты опроса указывают на проведение большинством респондентов многоуровневой проверки данных, что существенно снижает риск ошибок. Прозрачность и объяснимость решений ИИ в целом оцениваются на среднем уровне (56,6%).

Рис. 2. Способы проверки сведений, полученных с использованием искусственного интеллекта
(Fig. 2. Ways to verify information obtained using artificial intelligence)

Указанные результаты в значительной степени опровергают восприятие ИИ как «черного ящика» [19, с. 30]. В уголовно-процессуальной деятельности немало случаев, когда алгоритмы формирования сведений неизвестны суду и сторонам. В частности, получение сведений о входящих и исходящих соединениях. В судебной практике отсутствуют примеры исследования алгоритмов работы оборудования, что не препятствует перекрестной проверке путем истребования информации у различных операторов связи, сопоставления со сведениями в абонентском устройстве, повторного запроса сведений при наличии подозрений в технической ошибке и т. п.¹² Аналогичным образом в ходе портретной экспертизы или путем сопоставления с другими доказательствами можно проверить результаты работы системы распознавания лиц и т. п. В этом смысле технологии ИИ не представляют собой ничего принципиально нового, влияющего на природу уголовно-процессуальных отношений [20, с. 15].

На природу процессуальных отношений влияют социально-экономические отношения, мировоззренческие идеи, опирающиеся на современные технологии. В XII–XIII вв. не развитие письменности привело к формированию инквизиционного процесса. Причиной стали изменения в экономике, усиление

государственности, религиозные идеи о несовершенстве и греховности человека, что в итоге выразилось в попытке формализации процесса и минимизации усмотрения человека.

На современном этапе развития степень влияния ИИ на уголовное судопроизводство будет определяться философскими представлениями о месте и роли человека, потребностями в обеспечении безопасности, необходимостью оптимизации расходов на правосудие и др. Ю. А. Цветков полагает, что инквизиционный процесс, будучи первой попыткой создания системы доказательств на научной основе, не достиг успеха исключительно по причине недостаточного развития общества. Но сегодня «когнитивные науки поставили крест на идеалах гуманизма с его верой во всемогущество человеческого разума. Судье, как и любому человеку, нужны алгоритмы. И только теперь наука способна ему их дать. Это цифровые технологии и основанный на них искусственный интеллект» [21, с. 27]. Аналогичное предположение о новом издании объективного и беспристрастного инквизиционного процесса высказывает А. В. Смирнов [19, с. 30].

Однако опыт использования технологий ИИ опровергает тезис об их объективности. Применение ИИ создает лишь иллюзию беспристрастности. Субъективность судьи подменяется субъективностью разработчиков нейронных сетей. Предубеждения, заложенные в алгоритмы и исходные данные, масштабируются на все принимаемые решения. Риски манипуляции правосудием возрастают пропорционально новым возможностям.

Вера в безупречность ИИ, возможность переложить ответственность за принятие решений представляют наиболее высокую опасность. Среди основных рисков «автоматическое принятие» находится на первом месте (24,2%). Далее идут утрата человеческого контроля над критически важными решениями (15,2%); утечка и компрометация данных (13,7%); манипуляция данными или алгоритмами (11,5%); влияние предубеждений разработчиков на алгоритмы (10,2%); возможность целенаправленного воздействия на ИИ (8,1%). При этом часть респондентов в ходе служебной деятельности лично сталкивалась с утечкой данных (10,4%) и целенаправленным воздействием на работу ИИ (15,1%) (рис. 3). С учетом изложенного уровень риска при принятии решений ИИ без проверки большинством респондентов (49,1%) оценивается как высокий.

Тезис о несовершенстве человека и необходимости его замены при отправлении правосудия предполагает ответ на вопрос, кому фактически будет принадлежать судебная власть [22, с. 27]. Во времена раннего

¹² Присяжных запутали в сотовой сети // Московский комсомолец. 2009. 2 февр. URL: <https://www.mk.ru/editions/daily/article/2009/02/02/231735-prisyazhnyih-zaputali-v-sotovoy-seti.html> (дата обращения: 05.06.2025).

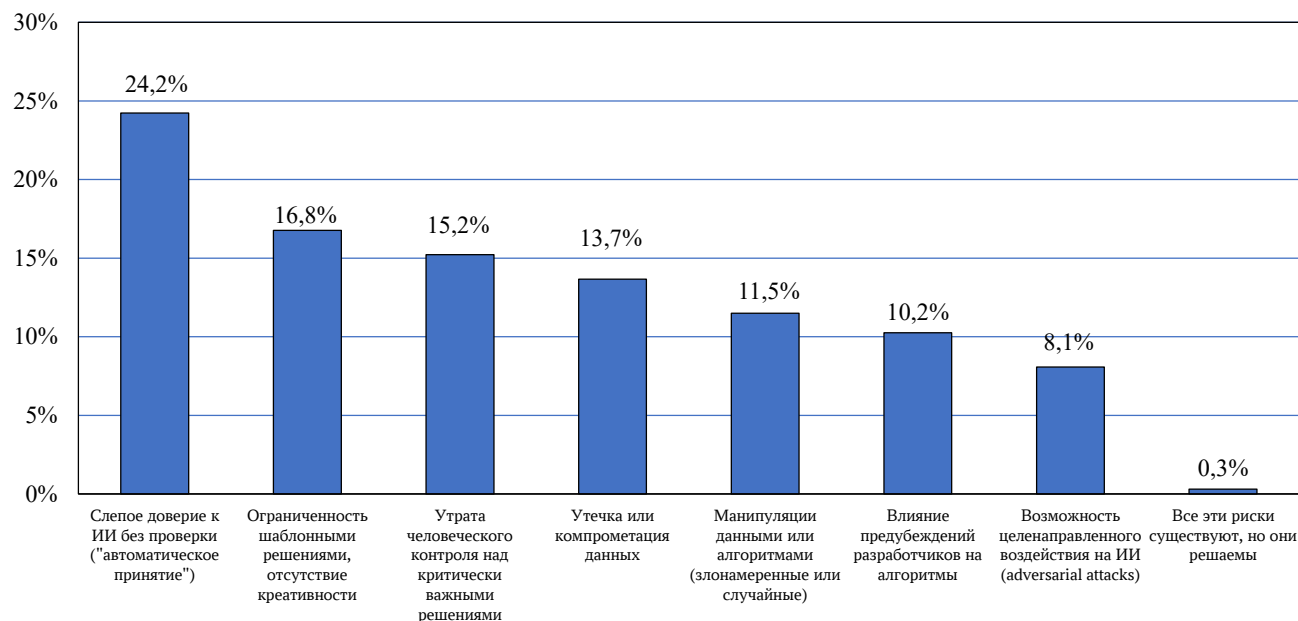

Рис. 3. Риски, связанные с использованием искусственного интеллекта
(Fig. 3. Risks related to the use of artificial intelligence)

обвинительно-состязательного процесса она принадлежала общине, затем перешла к феодалам. В период инквизиционного процесса судебная власть принадлежала церкви и короне. В суверенных демократических государствах носителем власти признается народ, участвующий в отправлении правосудия. Правила оценки доказательств и порядок производства по уголовному делу урегулированы законом. При использовании ИИ для принятия решений судебная власть будет фактически переходить к разработчикам алгоритмов оценки доказательств.

Сказанное не означает отказа от использования ИИ в уголовном судопроизводстве. Противодействие преступности, которая активно применяет современные информационные технологии, традиционными способами будет крайне затруднено и неэффективно. Но при этом от правоприменителя «потребуется максимальная мобилизация его знаний, опыта и управленческой интуиции. Симбиоз человека и машины не должен привести к деградации способностей человека, а напротив, призван вывести организацию его мышления на более высокий уровень эволюционного развития» [23, с. 33].

Выводы

1. Применение ИИ в уголовном процессе способно значительно повысить эффективность работы правоохранительной системы. Противодействие современным угрозам требует анализа больших данных, выявления скрытых взаимосвязей, которые человек в ручном режиме осуществлять не в состоянии. Отказ от использования ИИ поставит российскую правоохранительную систему в невыгодное положение по отношению к другим развитым странам и создаст благоприятные условия для развития организованной преступности и терроризма.

2. Применение ИИ в уголовном судопроизводстве при собирании и оценке доказательств возможно и необходимо. Результаты работы ИИ являются проверяемыми и могут быть оценены на предмет достоверности. Восприятие ИИ в качестве «черного ящика», так же как и в качестве беспристрастного арбитра, ошибочно. Субъективизм правоприменителя сменяется субъективизмом разработчиков моделей ИИ. Алгоритмическая предвзятость приводит к масштабированию ошибок на широкий круг дел. Применение технологий ИИ в доказывании требует осторожного отношения и длительной апробации.

3. Использование ИИ несет риски, связанные с самоотстранением человека от принятия данных и проектов решений, представленных ИИ, без надлежащей проверки. Использование искусственного интеллекта предъявляет более высокие требования к интеллекту лиц, к нему обращающихся. Логика и умение анализировать данные, развитие критического мышления, знание философии станут занимать более важное место в подготовке юристов. Значительно возрастает роль понимания принципов права и иных фундаментальных положений.

4. Применение ИИ в уголовном судопроизводстве способно оказать влияние на фундаментальные положения уголовного процесса: непосредственность исследования доказательств судом, состязательность, реализацию права на защиту. Оценка доказательств на основе алгоритмов является возвратом к формальному доказыванию с применением современных технологий.

Область применения и перспективы. В дальнейшем предполагается проведение исследований, направленных на оценку влияния современных информационных технологий на существенные черты уголовного

судопроизводства. Результаты проведенного исследования могут использоваться: 1) в правотворческой деятельности при разработке нормативно-правовых актов; 2) в правоприменительной деятельности для

разработки рекомендаций по проверке и оценке данных, полученных с помощью ИИ; 3) в образовательной деятельности для обучения использованию ИИ в уголовном судопроизводстве.

Список источников / References

1. Daniel L. Historic First — Judge Dons Oculus VR Headset to Experience Crime. URL: <https://www.forbes.com/sites/larsdaniel/2025/01/06/historic-first-judge-dons-oculus-vr-headset-to-experience-crime> (дата обращения: 23.04.2025).
2. Dolidze T. The Role of Artificial Intelligence in Criminal Justice. *Law and World*. 2024. URL: <https://lawandworld.ge/index.php/law/article/view/576> (дата обращения: 24.05.2025).
3. Hunter D., Bagaric M., Stobbs N. A Framework for the Efficient and Ethical Use of Artificial Intelligence in the Criminal Justice System. *Florida State University Law Review*. 2020. Vol. 47, Issue 4. Pp. 751–752.
4. Karayigit M., Celikkaya D. The Use of AI in Criminal Justice: Unpacking the EU's Human-Centric Approach. *Nordic Journal of European Law*. 2025. № 1. Pp. 1–23. URL: <https://journals.lub.lu.se/njel/article/view/27594/24201> (дата обращения: 25.05.2025).
5. Gawali P., Sony R. The Role of Artificial Intelligence in Improving Criminal Justice System: Indian Perspective. *Legal Issues in the Digital Era*. 2020. URL: <https://lida.hse.ru/article/download/11781/12569> (дата обращения: 27.05.2025).
6. Kumar N. The Role of Artificial Intelligence in Criminal Investigations in India. *Journal of Artificial Intelligence and Autonomous Intelligence*. 2025. № 2. Pp. 185–192. URL: https://jaiai.org/uploads/archivepdf/2690THE_ROLE_OF_ARTIFICIAL_INTELLIGENCE_IN_CRIMINAL_INVESTIGATIONS_IN_INDIA.pdf (дата обращения: 02.06.2025).
7. Chauhan S. AI and Judicial Decision-Making: Implications for Criminal Trials in India. *International journal of law management & humanities*. 2023. Pp. 352–362. URL: <https://www.ijlmh.com/wp-content/uploads/AI-and-Judicial-Decision-Making-Implications-for-Criminal-Trials-in-India.pdf> (дата обращения: 15.05.2025).
8. Дразилов Е. В., Драгилова Л. Л., Дровалева Л. С., Паламарчук С. А. Информатизация судебной системы Китая // Юридическая наука. 2022. № 8. С. 54–59.
9. Реховский А. Ф. Использование искусственного интеллекта в уголовном процессе Китая // Технологии XXI века в юриспруденции : мат-лы третьей междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 21 мая 2021 г.). Екатеринбург, 2021. С. 69–77.
10. Момотов В. В. Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2021. № 5. С. 188–191.
11. Собенин А. А. Искусственный интеллект в уголовной юстиции Российской Федерации и Китайской Народной Республики: важность государственно-правового регулирования // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2024. № 1. С. 48–56.
12. Angwin J., Larson J., Mattu S., Kirchner L. Machine Bias. URL: <https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing> (дата обращения: 01.06.2025).
13. Xiang C., Mahloujifar S., Mittal P. Patch Cleanser: Certifiably Robust Defense against Adversarial Patches for Any Image Classifier. URL: <https://arxiv.org/pdf/2108.09135> (дата обращения: 20.05.2025).
14. Kaziakhmedov E., Kireev K., Melnikov G., Pautov M., Petiushko A. Real-world attack on mtcnn face detection system // SIBIRCON 2019 — International Multi-Conference on Engineering, Computer and Information Sciences, Proceedings (21–27 October 2019). 2019. Pp. 422–427.
15. Bampasika E.-V. Artificial Intelligence as Evidence in Criminal Trial // CEUR Workshop Proceedings. URL: <https://ceur-ws.org/Vol-2844/ethics7.pdf> (дата обращения: 15.05.2025).
16. Семенова И. В. Возможности и потенциал использования искусственного интеллекта в различных областях // Российский следователь. 2025. № 2. С. 30–34.
17. Научные концепции развития российского законодательства : монография / под ред. Т. Я. Хабриевой, А. Ю. Тихомирова. 8-е изд., перераб. и доп. М., 2024. 656 с.
18. Ли С. Инклюзивное регулирование уголовного правосудия. Искусственный Интеллект // Китайские общественные науки. 2021. № 2. URL: https://www.cssn.cn/dkzgxp/zgxp_zgshkx/2021nd2q/202208/t20220822_5479767.html (дата обращения: 29.05.2025).
19. Смирнов А. В. Электронные доказательства, электронное доказывание, искусственный интеллект: что далее? // Уголовное судопроизводство. 2024. № 1. С. 24–31.
20. Головкин Л. В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25.
21. Цветков Ю. А. Инквизиционный процесс: версия 2.0 (цифровая инквизиция) // Уголовное судопроизводство. 2023. № 1. С. 21–28.
22. Беше-Головкин К. Создание института криминального суда департамента и идеологизация процесса реформирования правосудия во Франции // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 1. С. 18–27.
23. Цветков Ю. А. Искусственный интеллект в управлении следственными органами // Российский следователь. 2021. № 9. С. 29–33.

Поступила 17.06.2025; одобрена после рецензирования 25.06.2025; принята к публикации 25.09.2025.

Научно-теоретическая статья

УДК 340.312 © Кожевников В. В., 2026

doi: 10.24412/1999-6241-2026-1104-119-124

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки; 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Интуиция и ее значение в правоохранительной сфере

Владимир Валентинович Кожевников, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права¹; kta6973@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1323-4167>

¹ Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 644099, Омск, ул. Фрунзе, 6, Россия

Реферат. Введение. Актуальность проблемы обусловливается неоднозначной оценкой ученых места интуиции в правосознании индивида, а также ее значимости в правоохранительной сфере. Цель — показать многоаспектность понимания интуиции и ее значимость в человеческих действиях или поведении. **Материалы, результаты и обсуждение.** Рассматривается понятие интуиции с позиции общественных наук, подчеркивается ее значение в правоохранительной сфере. **Выводы.** В правосознании правоприменяющих субъектов в правоохранительной сфере интуиция, находящаяся на границе правовой идеологии и правовой психологии, занимает важное место, являясь предпосылкой эффективной деятельности указанных лиц.

Ключевые слова: интуиция, правоохранительная сфера, профессиональный опыт, воображение, эмпатия

Для цитирования: Кожевников В. В. Интуиция и ее значение в правоохранительной сфере // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 1(104). С. 119–124. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-1104-119-124>

Scientific and Theoretical Article

UDC 340.312 © Kozhevnikov V. V., 2026

doi: 10.24412/1999-6241-2026-1104-119-124

5.1.1. Theoretical and Historical Law Sciences; 5.3.9. Legal Psychology and Psychology of Security

Intuition and its Meaning in Law Enforcement

Vladimir V. Kozhevnikov, Doctor of Science (in Law), Professor, Professor at the chair of State and Law Theory and History¹; kta6973@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1323-4167>

¹ Dostoevsky Omsk State University, 6, Frunze st., Omsk, 644099, Russia

Abstract. Introduction. The relevance of this problem is largely determined by the scientists' ambiguous assessment of the role of intuition in the legal consciousness of an individual, as well as its significance in the law enforcement sphere. The aim is to reveal multifaceted comprehension of intuition and its significance in human actions and behaviour. **Materials, Results and Discussion.** The concept of intuition is considered from the standpoint of social sciences, its importance in the law enforcement sphere is emphasized. **Conclusions.** In the legal consciousness of law enforcement entities in the field of maintaining law and order intuition, located between legal ideology and legal psychology, plays an important part, being a prerequisite for the effective activities of these entities.

Keywords: intuition, law enforcement, professional experience, imagination, empathy

Citation: Kozhevnikov V. V. Intuition and its Meaning in Law Enforcement. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 1(104). Pp. 119–124 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-1104-119-124>

Основные положения

1. Интуиция является специфической предпосылкой применения норм права в правоохранительной сфере, в рамках которой определяются виновность правонарушителя, вид и мера юридической ответственности и пр.

2. Факты, полученные правоприменяющим субъектом на основе интуитивного знания, должны быть подвергнуты доказыванию, т. е. логической деятельности по установлению и предоставлению доказательств.

3. Интуиция рассматривается как элемент правосознания, под которым понимается совокупность чувств, настроений, представлений, взглядов и т. п.,

выражающая отношение к действующему праву, к вновь создаваемым юридическим нормам, ко всей государственно-правовой действительности.

Введение

Актуальность, значимость и изученность проблемы. Понятие «интуиция» рассматривается в отечественной науке с позиций философии, филологии и общей психологии.

Так, с философской точки зрения интуиция — способность непосредственного постижения истины без предварительного логического рассуждения¹; вдохновение, понимание, приобретенное непосредственно, а не эмпирически или путем размышления

¹ Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М., 1986. С. 171 ; Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя. М., 1975. С. 153.

(рефлексии), переживание действительности²; «то же самое, что и непосредственное созерцание, знание, полученное в ходе практического и духовного освоения объекта, наглядное представление»³.

Согласно интуитивизму, идеалистическому течению, получившему большое распространение в буржуазной философии, рациональному познанию противопоставляется непосредственное «постижение» действительности, основанное на интуиции, понимаемой как «особая способность сознания, несводимая к чувственному опыту и дискурсивному, логическому мышлению»⁴.

В словаре русского языка интуиция толкуется как «чутье, тонкое понимание, проникновение в самую суть чего-нибудь; непосредственное постижение истины без предварительного логического рассуждения»⁵. В советском энциклопедическом словаре интуиция объясняется как «способность постижения истины путем ее усмотрения без обоснования с помощью доказательства»⁶.

Представители общей психологии полагают, что интуиция — «знание, возникающее без осознания путей и условий его получения, в результате чего субъект имеет его как результат „непосредственного усмотрения“, это необходимый, внутренне обоснованный природой творчества момент выхода за границы сложившихся стереотипов поведения и, в частности, логических программ поиска решения задачи»⁷.

Д. Н. Узнадзе обращал внимание на то, что «установка, возникающая в момент принятия решения и лежащая в основе волевого поведения, создается воображаемой или мыслимой ситуацией» [1, с. 82]. О. В. Степаносова пишет, что интуиция — «это знание, возникающее в неопределенной ситуации, субъективно воспринимаемой как догадка, предчувствие, внутреннее чутье, наличие которого осознается. Процесс возникновения интуитивной догадки не осознается и причины получения или доказательства ее правильности не верифицируются» [2, с. 133–134].

В литературе утверждается, что интуиция — это «психический процесс обработки информации на неосознаваемом уровне, выражающийся в формировании интуитивного образа с последующей возможной его актуализацией в виде знания, отношения, поведения» [3, с. 8].

В рамках философской и психологической парадигмы определяются такие черты интуитивного знания, как 1) непосредственность интуитивного постижения, т. е. отсутствие первичных умозаключений; 2) независимость от доказательств и умозаключений;

3) вера в истинность выводов, которые основываются на подсознательных моментах; 4) значимость предыдущих знаний и опыта [4, с. 14].

Кроме того, акцентируется внимание на том, что «каждая интуитивная истина нуждается в доказательстве, и это обычно осуществляют путем определения логических выводов и их сравнения с реальными фактами» [4, с. 15].

Поскольку решение проблемы основывается на бессознательном уровне, проявляется такая специфика интуитивного мышления, как неожиданность и непредсказуемость [5; 6]. Психолог Н. Ю. Переверзева считает, что интуиция является уникальным феноменом, граничащим как с чувственным восприятием, так и с рациональным [7, с. 18].

Не воспринимая интуицию как нечто сверхъестественное, магическое, мистическое, мы разделяем точку зрения американского ученого Г. Саймона: «Ситуация давала подсказку, подсказка давала эксперту доступ к информации, хранящейся в памяти, а информация давала ответ. Интуиция — это не что иное, как признание» [8, с. 17].

Р. М. Грановская и И. Я. Березная рассматривают интуицию как следствие некоего скачка разрыва в мышлении, когда человек обнаруживает результат, не вытекающий однозначно из посылок. Работая над задачей, человек получает решение и не может объяснить его с помощью осознаваемых логических связей (реализуемых как экстра- или интерполяция), он поражается непредсказуемости результата и невозможности понять и объяснить способ его получения. Тогда он говорит, что это интуиция [9].

Констатируя, что в основном интуиция понимается либо как особый механизм познания, тип мышления, либо как некоторое истинное знание, полученное путем сверхчувственного восприятия, отмечая в обоих случаях неопределенность онтологического статуса интуиции, И. В. Васильева и П. Е. Григорьев интуицию понимают как «механизм переработки информации о физических нелокальных и/или биологически значимых событиях посредством совокупности психических процессов и воспроизведения в продуктах сознания, деятельности или поведения» [10, с. 191].

Цель — показать многоаспектность понимания интуиции и значимость в человеческих действиях или поведении.

Материалы, результаты и обсуждение
Интуиция и индивидуальное правосознание. Как правило, в юридической литературе интуиция

² *Философский энциклопедический словарь* / ред., сост.: Е. Ф. Губский и др. М., 2000. С. 185.

³ *Краткий словарь по философии* / под общ. ред. И. В. Блаумберга и др. М., 1970. С. 116.

⁴ *Философский словарь* / под ред. И. Т. Фролова. С. 170.

⁵ *Ожегов С. И. Словарь русского языка*. М., 1984. С. 217.

⁶ *Советский энциклопедический словарь* / гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1987. С. 498.

⁷ *Краткий психологический словарь* / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М., 1985. С. 127.

в рамках правосознания вообще не учитывается. Авторы ограничиваются такими ее компонентами, как взгляды, идеи, представления, чувства, эмоции и переживания, выражающие отношение к действующему или желательному праву и другим правовым явлениям [11, с. 237].

Иногда в структуре правового сознания выделяют и поведенческие элементы, которые характеризуют готовность личности к совершению сознательных поступков. На этом уровне на основе идеологических и психологических элементов формируются определенные поведенческие ориентации, мотивы, установки [12, с. 396].

Полагаем, что интуицию в праве следует рассматривать в качестве одного из элементов индивидуального правосознания. Однако, как показывает анализ юридической литературы, первой, как правило, не уделяется должного внимания [13, с. 34; 14, с. 161–162; 15].

Некоторые ученые рассматривают интуицию в качестве элемента правовой психологии. Так, Р. М. Грановская и И. Я. Березная пишут, что в юриспруденции от судьи требуется знать не только «букву», но и «дух» закона. Он должен выносить приговор не только в соответствии с заранее предписанным количеством доказательств, но и согласно «внутреннему убеждению», поскольку в законе, наряду с однозначной «буквой», присутствует и интуитивный «дух» [9].

В. А. Рыбаков одну из особенностей правовой психологии видит в том, что «отражение связано со значительной областью бессознательного (интуиция, психологический аффект, привычки и т. п.)» [16, с. 299]. Т. В. Синюкова замечает, что юридическая психология включает большую часть бессознательного, которое находит выражение в таких формах познания действительности, как интуиция, психологический аффект (при совершении тех или иных противоправных поступков), привычные действия, социальное возбуждение (паника), а также в стремлениях, действиях и установках, причины которых не осознаются человеком [17, с. 613].

С позиции Р. С. Байниязова, характерной чертой юридической психологии является наличие интуитивных правовых догадок, прозрений, мгновенного правового инсайта, бытие которого лежит в бессознательной сфере человеческой психики, на подсознательном уровне правового сознания [18, с. 19].

Представляется, что интуиция как элемент индивидуального правового сознания находится на стыке рационального и иррационального в нем, т. е. правовой идеологии и правовой психологии. Рассматривать интуицию как элемент только правовой психологии, на наш взгляд, не совсем верно, ибо первая объективно предполагает опору на идеологические компоненты правосознания (правовые знания, опыт и т. д.).

Интуиция в правоприменительной деятельности. Особая значимость интуиции проявляется в правовой сфере, связанной с раскрытием и расследованием преступлений. В юридической литературе обоснованно подчеркивается, что «внимание следователя должно привлечь такое несомненное достоинство интуитивного способа познания, как возможность получения быстрого и правильного решения в проблемных ситуациях» [19, с. 185].

В свое время А. Р. Ратинов, характеризуя следственную интуицию как основанную на опыте и знаниях способность непосредственного решения следственных задач при ограниченности исходных данных, писал, что основой интуиции служат опыт следователя (общественный, личный, жизненный и профессиональный) и знание законов философии, логики, психологии, а также криминалистики, способов совершения преступлений и научных приемов их расследования. Автор считал, что следственная интуиция действительно существует и может принести определенную пользу при расследовании преступлений, однако первая не является средством познания, ибо в расследовании она играет только служебную, вспомогательную роль и в процессуальном смысле не имеет никакого значения [20]. Т. С. Спешилова и А. Ф. Острякова подчеркивают, что следственная ситуация может помочь субъекту расследования преступлений предвидеть противодействующих следствию лиц [21, с. 106].

Л. Я. Драпкин и А. Е. Шуклин полагают, что в типичовых (проблемных) ситуациях, наиболее сложных для разрешения, следователем могут выдвигаться версии на основе его интуитивных догадок или «озарения» [22, с. 170].

На наличие интуитивного и логического познания в любой версии указывал В. А. Шефер: «Не существует логического познания, полностью свободного от интуиции, и, с другой стороны, не существует интуитивного познания, полностью свободного от логики» [23, с. 100]. М. В. Баранов относит интуицию к одному из элементов психологической подсистемы следственного мышления, субъективному, но при этом равноправному с объективным логическим, при построении криминологической версии [24, с. 362].

Обращает на себя внимание, что в ряде случаев исследователи интуиции в правоприменительной деятельности используют так называемый социологический инструментарий, утверждая, что появление интуиции наиболее вероятно у следователя со средним уровнем профессиональных знаний, умений и навыков, ибо, с одной стороны, совсем молодому и неопытному неоткуда черпать фоновые знания, многовариантные модели возможной действительности еще не накоплены; с другой — сверхопытный следователь быстро и верно осуществляет все необходимые сознательные операции [25, с. 23].

Помимо этого, в большей мере интуиция появляется у следователей, которые характеризуются высоким уровнем рефлексии [18, с. 109], крепкой системой принципов, развитым правосознанием, чувством справедливости [26, с. 109], поскольку такие люди более чувствительны, лучше ощущают других, склонны доверять своим эмоциям и в большей степени нацелены на достижение истины [25, с. 24].

И. В. Васильева полагает, что профессионализация сотрудников органов внутренних дел положительно связана с уровнем профессиональной интуиции: чем больше стаж работы в органах внутренних дел и опыт, тем выше показатели профессиональной интуиции [27, с. 13; 28, с. 128].

Е. А. Науменко и Г. Д. Бабушкин выявили следующую закономерность: интуитивность имеет высокий коэффициент корреляции с эффективной деятельностью следователей (0,521); напротив, низкий уровень интуитивности личности следователя значимо коррелирует с низким уровнем эффективности профессиональной деятельности (–0,651) [3, с. 11–12].

Ученые по-разному понимают интуицию в правоохранительной сфере, но непременно при этом уделяют внимание опыту как профессиональному, так и жизненному. Например, Д. В. Бахтеев полагает, что «интуицию можно определить как неосознаваемый опыт следователя, позволяющий принимать решение в отсутствие логического объяснения, руководствуясь воображением и опытом» [29, с. 111].

На взгляд Т. С. Спешиловой и А. Ф. Остряковой, следственная интуиция задействует профессиональный, жизненный опыт следователя, а также теоретические знания из психологии, философии, логики, криминалистики, теории противодействия расследованию преступлений и способов его преодоления и многих других отраслей знания [21, с. 105].

Т. Н. Михайлова указывает, что «роль интуиции сотрудника органов внутренних дел сводится к конструированию определенной модели прогноза ситуации и действия на основании интуитивного профессионального опыта с построением интуитивных гипотез и концепций происходящего события» [30, с. 56].

Опираясь на понимание интуиции психологами, т. е. как феномена, построенного на основе высокой эмпатии, накопленного опыта в определенной области и богатого воображения, считаем, что интуиция в правоохранительной сфере предполагает профессиональный опыт правоприменения, воображение правоприменяющего субъекта и его высокую степень эмпатии.

Профессиональный юридический опыт соответствующего субъекта выражается в правовых знаниях, умениях, привычках и мастерстве, полученных в процессе чувственно-эмпирического освоения действительности. По мнению В. В. Лазарева, «совершенно

очевидно влияние на поведение правоприменителя приобретенных им знаний, привычек, умений и способностей», которые составляют его «социальный опыт» [31, с. 322].

В. Н. Карташов полагает, что опыт выражается в определенных знаниях, навыках, умениях, привычках, накопленных субъектом правоприменительной практики в процессе обучения, общения и практической деятельности [32, с. 20]. Г. А. Кичигин, обращаясь к проблеме интуиции в деятельности сотрудников органов внутренних дел, связывал ее с профессиональным опытом: «... основой интуиции по-прежнему является опыт, и ее сила или слабость коренится в прошлом опыте... профессиональная интуиция связана с показателями профессионального опыта» [33, с. 302].

Профессиональный опыт правоприменения помогает сотрудникам ОВД ориентироваться в доказательственной информации, осуществлять ее отбор для правильного разрешения конкретного юридического дела с учетом требований норм материального и процессуального права, облегчает и сокращает время, нужное для принятия решения [34, с. 82–83]. Видимо, не случайно в юридической литературе отмечают то обстоятельство, что жизненный опыт, особенно профессиональный, нигде не имеет столь важного значения, как в работе следователя, других субъектов правоприменения [35, с. 16–17].

Одним из необходимых условий всестороннего раскрытия творческих способностей юриста выступает *воображение*, т. е. психический процесс, состоящий в создании новых образцов объектов, явлений на основе имеющихся знаний и представлений. Ученые, высоко оценивая значение воображения в юридической деятельности, отмечают, что «при недостатке информации, неопределенности ситуации следователь вынужден активизировать механизмы воображения... чтобы ответить на вопросы: как совершено преступление, как вели себя участники, каков образ преступника» [36, с. 38].

В сфере психологии *эмпатия* — это не просто чувство, а сложное взаимодействие когнитивных и эмоциональных процессов. Это способность встать на место другого человека, понять его чувства, т. е. почувствовать то, что он чувствует. Оно обеспечивает основу для моральных решений, общения и углубления межличностных отношений. Люди, демонстрирующие высокий уровень эмпатии, часто исключительно тонко чувствуют эмоциональный ландшафт окружающих. Они не только понимают и разделяют чувства других, но и действуют сострадательно и помогают. Этот уровень эмпатии часто наблюдается в профессиях, требующих глубокого понимания человеческих эмоций, таких как психология, уход за больными или социальная работа. Люди с высоким уровнем эмпатии часто являются отличными коммуникаторами, спо-

собными формировать прочные эмоциональные связи с другими. Л. Р. Данакари замечает, что «интуиция актуальна для следователя и тогда, когда нужно развивать способность встать на позицию другого человека, понять и принять ее, уметь рассматривать проблему с нескольких различных точек зрения» [19, с. 186].

Эмпатия особенно актуализируется в правоприменении в правоохранительной сфере, когда следователю, иному правоприменяющему субъекту для достижения истины по уголовному делу приходится вступать в общение со свидетелями, потерпевшими, подозреваемыми и иными участниками правоприменительного процесса.

Интуиция в правоприменительной деятельности — важный инструмент, который должен использоваться в профессиональной деятельности в сфере правоохраны.

Справедливости ради следует отметить, что противники интуиции в уголовном судопроизводстве считают безнравственной не интуицию вообще, а интуицию в следственной и судебной деятельности, где она источник ошибок, где нет места догадкам, ибо только истинное знание может быть основой для принятия решений по уголовному делу. В связи с этим М. С. Строгович писал следующее: «Можно было бы привести множество примеров ошибочных выводов следствия, неправильных приговоров суда, обусловленных именно тем, что следователи и судьи полагались на свои впечатления, догадки, предположения вместо того, чтобы идти трудным, но плодотворным путем объективного и непредвзятого исследования — именно того исследования, которого требуют закон и нравственность» [37, с. 109]. Главный довод противников интуиции в уголовном процессе заключается в том, что знание, являющееся ее результатом, не может быть признано достоверным, так как интуиция не поддается логическому объяснению, во всяком случае, имеющимися у следователя и суда средствами и в пределах времени, отведенного законом на производство по делу.

Но сторонники интуиции и не утверждают обратного. Так, А. Р. Ратинов писал, что «интуиция не имеет никаких преимуществ перед обычными предположениями и подлежит равной с ними проверке... в процессе доказывания знание интуитивное должно быть превращено в логически и фактически обоснованное, достоверное знание» [38, с. 117]. «Интуиция не исключает, а предполагает сознательное дискурсивное мышление, способное развернуть догадку в систему доказательств, обнаружить ее фактические основания, объяснить процесс ее фор-

мирования и в конце концов установить ее правильность или ошибочность» [39, с. 323].

Кстати, и современные ученые указывают, что, несмотря на уверенность в очевидности результата, полученного интуитивным путем, его необходимо доказать. Важно, чтобы следователи всегда включали интуитивное в логическое, рассматривали их как взаимодополняющие стороны одного процесса мышления [19, с. 184]. Авторы акцентируют внимание на том обстоятельстве, что интуитивная догадка не имеет никаких преимуществ перед следственными версиями и предположениями, выведенными логическим путем. Следователь должен с помощью объективных доказательств подтвердить верность своей догадки, и только тогда она сможет выступать в качестве новой следственной версии или подтвердить уже существующую [23, с. 104].

Об этом же пишут Д. П. Котов и Г. Г. Шиханцев, указывая, что процесс доказывания не завершается, а в сущности лишь начинается интуитивной догадкой, так как за ней «необходимо должны следовать обоснование и проверка достоверности полученного интуитивного знания, что невозможно без использования логических средств»⁸.

О соотношении логического и интуитивного в мышлении писал Э. Золя, характеризуя одну из своих героинь: «Недостаток способности к логическому мышлению возмещался у нее инстинктом» [40, с. 47].

Выводы

1. В индивидуальном правосознании интуиция как его компонент находится на границе правовой идеологии и правовой психологии. В правосознании правоприменяющих субъектов в сфере правоохраны интуиция занимает важное место, ибо она имеет высокий коэффициент корреляции с эффективной деятельностью указанных лиц.

3. Интуиция в правоприменении в правоохранительной сфере предполагает профессиональный опыт правоприменения, воображение правоприменяющего субъекта и его высокую степень эмпатии.

4. В указанной сфере факты, полученные субъектом правоприменения в ходе раскрытия и расследования правонарушений на основе интуитивного знания, должны всесторонне, полно и достаточно доказываться.

Область применения и перспективы. Положения настоящей работы, касающиеся роли и значения профессиональной интуиции в правоохранительной сфере, в дальнейшем могут быть развиты и конкретизированы учеными на основе проведения социологических исследований.

⁸ Проблемы следственной интуиции. URL: <https://radnuk.info> (дата обращения: 27.04.2025).

Список источников / References

1. Уздадзе Д. Н. Мотивация, период, предшествующий волевому акту // Психология личности / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтера, А. А. Пузырея. М., 1982. С. 80–84.
2. Степаносова О. В. Современные представления об интуиции // Вопросы психологии. 2003. № 4. С. 133–143.
3. Науменко Е. А., Бабушкин Г. Д. Интуиция в структуре принятия решений в экстремальной деятельности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 1. С. 7–12.
4. Алиева Г. Ф. Проблема интуиции в философии // Социосфера. 2012. № 3. С. 14–16.
5. Ярыгин О. Н., Рудаков С. С. Креативность в аналитической деятельности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Педагогика, психология. 2012. № 2. С. 347–352.
6. Ларькина Т. В. Технология проблемного обучения в профессиональной подготовке будущих специалистов // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Педагогика, психология. 2012. № 1. С. 198–200.
7. Переверзева Н. Ю. Интуиция в принятии решений: социально-философский аспект. М., 2010. 175 с.
8. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро / пер. англ. М., 2021. 653 с.
9. Грановская Р. М., Березная И. Я. Интуиция и искусственный интеллект. Л., 1991. 268 с.
10. Васильева И. В., Григорьев П. Е. Интуиция: от противоречивости теоретических объяснений к методологии доказательного эмпирического исследования // Вестник Тюменского государственного университета. Педагогика. Психология. 2014. № 9. С. 189–195.
11. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. 3-е изд. М., 2009. 528 с.
12. Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права : учебник. 4-е изд. М., 2010. 694 с.
13. Щегорцов В. А. Социология правосознания. М., 1981. 174 с.
14. Лукашева Е. А. Социалистическое правосознание и законность. М., 1973. 342 с.
15. Потапов И. В. Психологические аспекты правосознания // Проблемы применения норм права в условиях модернизации российского общества и государства / под ред. В. А. Лебедева, Е. В. Кунц. Челябинск, 2011. С. 108–110.
16. Рыбаков В. А. Проблемы теории государства и права : курс лекций. 3-е изд., испр. и доп. Омск, 2010. 623 с.
17. Синюкова Т. В. Правосознание и правовое воспитание // Теория государства и права / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М., 2007. С. 611–625.
18. Байниязов Р. С. Правосознание: психологические аспекты // Правоведение. 1998. № 3. С. 16–21.
19. Данакари Л. Р. Интуитивное познание и право: особенности деятельности следователя // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 4. С. 183–187.
20. Ратинов А. Р. О следственной интуиции // Ратинов А. Р. Избранные труды. М., 2016. С. 151–161.
21. Стешилова Т. С., Острякова А. Ф. Роль следственной интуиции в процессе расследования преступлений // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 2. С. 103–110.
22. Дрякин Л. Я., Шуклин А. Е. Следственная версия — основная разновидность информационных решений следователя (некоторые аспекты теории и практики) // Российский юридический журнал. 2013. № 4. С. 165–175.
23. Шефер В. А. О значении интуиции при выдвижении криминалистических версий // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. Вып. 1-2. С. 99–104.
24. Баранов М. В. Роль интуиции в процессе построения следственных версий // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2010. Вып. 1. С. 362–365.
25. Цветкова А. Д. Интуиция следователя: условия формирования и возможность воплощения в искусственном интеллекте // Полицейская и следственная деятельность. 2022. № 3. С. 22–27.
26. Науменко Е. А., Науменко О. Н. Изучение особенностей личности и деятельности следователей с различным уровнем интуитивности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 4. С. 108–111.
27. Васильева И. В. Профессиональная интуиция сотрудников внутренних дел. М., 2019. 52 с.
28. Науменко Е. А., Васильева И. В. Интуитивные основы эффективной деятельности следователей. Тюмень, 2008. 204 с.
29. Бахтеев Д. В. Ситуационный характер процесса расследования преступлений: проблемные ситуации и подходы к их разрешению // Российский юридический журнал. 2013. № 1. С. 106–112.
30. Михайлова Т. Н. Значение интуиции в профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел // Известия Иркутского государственного университета. Психология. 2017. Т. 21. С. 53–58.
31. Лазарев В. В. Социально-психологические аспекты применения права // Избранные труды : в 3 т. Т. 1 : Закон. Законность. Применение закона. М., 2010. 701 с.
32. Карташов В. Н. Введение в общую теорию правовой системы общества. Ч. 3 : Практика реализации права. Правоприменительная практика : текст лекций. Ярославль, 1997. 128 с.
33. Кичигин Г. А. К вопросу о роли интуиции в деятельности сотрудников органов внутренних дел // Молодой ученый. 2021. № 24. С. 302–303.
34. Kozhevnikov V. V. Professional experience of practicing lawyers in law enforcement: a dialectical assessment. *Matondang Journal*. 2022. Vol. 1. No 2. С. 76–90.
35. Басков В. И. О предварительном следствии // Сов. юстиция. 1990. № 15. С. 16–17.
36. Мариновская И. Д., Тихомиров С. Н. Юридическая психология. М., 2005. 384 с.
37. Проблемы судебной этики / под ред. М. С. Строговича. М., 1974. 271 с.
38. Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М., 1967. 290 с.
39. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. М., 1973. 736 с.
40. Золя Э. Проступок аббата Муре // Собр. соч. : в 18 т. М., 1957. Т. 4. С. 5–283.

Поступила 14.06.2025; одобрена после рецензирования 30.06.2025; принята к публикации 25.12.2025.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги!

Требования к представляемым материалам

1. Общие правила. Принимаются статьи, отражающие результаты самостоятельных и завершенных исследований. Описания пилотажных исследований, отчетов, не имеющих научных выводов, дублирование ранее опубликованных работ в качестве отдельной статьи к рассмотрению не принимаются. Материалы статьи не должны содержать некорректных заимствований.

Автор рукописи гарантирует, что не нарушает законодательство Российской Федерации, включая нормы об охране авторского права, принимает на себя ответственность за точность и информативность излагаемых сведений.

2. Авторы представляют в редакцию:

— статью, оформленную в соответствии с требованиями (название статьи до 14 слов). Название должно быть информативным, лаконичным, соответствовать научному стилю текста, содержать основные ключевые слова, характеризующие тему (предмет) исследования и содержание работы. Заглавие должно легко восприниматься читателями и поисковыми системами;

— индекс УДК, соответствующий теме статьи, шифр научной специальности;

— сведения об авторе (Ф. И. О. (полностью), ученые степень и звание, должность), ORCID, адрес электронной почты;

— полное название организации, с указанием формы собственности, ведомственной принадлежности каждого из авторов, адрес с почтовым индексом. Необходимо придерживаться унифицированного названия организации, как правило, зафиксированного в уставе организации;

— аннотацию (abstract). Она должна быть информативной, оригинальной, содержательной, структурированной в соответствии с логикой изложения материала, компактной (от 100 до 250 слов);

— ключевые слова (key words) (6–8 речевых единиц) из текста статьи;

— основные положения.

3. Требования к представляемым материалам:

— статьи принимаются в формате doc, docx, rtf. Шрифт — Times New Roman, кегль 14, межстрочный интервал 1,5;

— объем рукописи — до 30 тыс. знаков, включая рисунки и таблицы, больший объем допускается в индивидуальном порядке, по решению редакции. Текст тщательно вычитывается и подписывается авторами;

— иллюстративный материал должен быть ориентирован на черно-белую печать. Формат графических файлов для растровой графики — TIFF или JPEG, разрешение — 300 dpi (пиксели на дюйм). Графики, схемы, диаграммы и т. д. должны быть сделаны в векторных программах (не в Word) и сохранены в формате EPS или AI;

— сокращения и символы, единицы измерения должны соответствовать принятым стандартам (в системе СИ и ГОСТ 7.0.12-2011);

— в списке литературы авторы упоминаются в порядке цитирования, в него следует включать и произведения зарубежных авторов, а также источники, входящие в международные научные базы. Число источников должно быть достаточным для оптимального раскрытия темы статьи. Все ссылки на литературные источники в тексте статьи печатаются арабскими цифрами в квадратных скобках, например: [5, с. 6]. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой, например: [10, с. 9; 12, с. 50] (ГОСТ Р 7.0.5-2008). При повторном цитировании источника ему присваивается номер первоначального цитирования;

— источники без указания автора материала, нормативные документы (постановления, законы, инструкции и т. д.), пояснения, замечания, которые не будут проиндексированы в базах данных цитирования, указываются в сносках внизу страницы и в список литературы не выносятся;

— самоцитирование автора допускается, но не более 20% от количества источников в списке.

Журнал является рецензируемым. Все статьи рецензируются, независимо от ученых званий и степеней авторов. Рецензирование осуществляют специалисты по тематике рецензируемых материалов, которые имеют в течение последних трех лет публикации в указанной сфере.

Рукописи принимаются к рассмотрению по электронной почте в режиме online. E-mail редакции: karavaevmvd@mail.ru. Авторы могут присылать рукописи по адресу: 644092, г. Омск, пр. Комарова, 7. Омская академия МВД России, журнал «Психопедагогика в правоохранительных органах» (с пометкой «Караваяев А. Ф.»), тел.: +7 (913) 971-80-28.

Электронные архивы выпусков журнала находятся в открытом доступе на сайте журнала <https://pp.omamvd.ru>, <https://ppe.omamvd.ru> и на сайтах научных электронных библиотек по адресу: <https://www.elibrary.ru>; <https://www.cyberleninka.ru>. Номера размещаются в РИНЦ (Science Index), на международной платформе публикаций **Readera** по адресу: <https://readera.org/pp-omamvd>

С подробными требованиями к оформлению статьи можно также ознакомиться в разделе «Информация для авторов» на сайте журнала. Публикации в журнале бесплатные.

Редакция приглашает Вас к сотрудничеству!